

Наталья Казакова

В начале. Он очень умный человек...
...и очень интересный человек...
...Его ум был необычайно широким...
...и очень глубоким...
...Он был очень интересен...
...и очень интересен...
...Он был очень интересен...
...и очень интересен...
...Он был очень интересен...
...и очень интересен...
...Он был очень интересен...
...и очень интересен...
...Он был очень интересен...
...и очень интересен...
...Он был очень интересен...
...и очень интересен...
...Он был очень интересен...
...и очень интересен...

«Розанов
не был двуличен,
он был двулик...»

Василий Розанов –
публицист и полемист

Российский государственный гуманитарный университет

Наталья Казакова

«Розанов не был двуличен,
он был двулик...»

Василий Розанов – публицист и полемист

Москва
2021

УДК 070(09)
ББК 76.003
К14

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

ISBN 978-5-7281-3061-1

© Казакова Н.Ю., 2021
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2021

Оглавление

<i>Введение</i>	7
 <i>Глава 1</i>	
В.В. Розанов – журналист	12
Люди с биографией – А.С. Суворин и В.В. Розанов	12
Газета А.С. Суворина «Новое время»	31
В.В. Розанов в «Новом времени»	36
И.Д. Сытин, В.В. Розанов и «Русское слово»	51
 <i>Глава 2</i>	
От мыслителя к полемисту	61
Истоки: славянофилы и А.С. Хомяков, Н.Н. Страхов и К.Н. Леонтьев	61
Первые полемики: Н.К. Михайловский, В.С. Соловьев	78
 <i>Глава 3</i>	
Философия игры: В.В. Розанов в полемиках с современниками	97
«Заклятые друзья»: В.В. Розанов и Д.С. Мережковский	97
Философия несогласия: В.В. Розанов и Н.А. Бердяев	118
Эстетика против этики: В.В. Розанов в деле Бейлиса	136
«Когда начальство ушло...»: полемические стратегии В.В. Розанова	143

«Бывают странные сближения...»: В.В. Розанов и символисты	147
«Исключение» из правил: В.В. Розанов и М. Горький	152
<i>Глава 4</i>	
В.В. Розанов и русская литература XIX в.	158
Свидетель Апокалипсиса	199
<i>Библиография</i>	207
ПРИЛОЖЕНИЕ	215

Введение

Василий Розанов – личность экстраординарная: он как бы стоит особняком среди громких и блестящих имен Серебряного века. Литератор-одиночка, философ, писатель, журналист, он стал явлением, причудливо отразившим ту драму, которую пережила русская интеллигенция начала XX в. «Я пришел в мир, чтобы видеть, а не совершить», – сказал о себе Розанов в «Опавших листьях». Это было явным (и, может быть, намеренным) умалением собственной роли в общественном и литературном процессе рубежа веков. Скромный учитель из провинции, ставший впоследствии ведущим сотрудником одной из самых известных газет России, Розанов совершил «эстетический переворот» в традиционной журналистике, разрушив стереотипы обыденного сознания в восприятии литературы и предложив посмотреть под новым углом зрения на те или иные коллизии отечественной культуры, включая сюда и ее религиозный аспект. Его путь в литературе был сложен и своеобразен. Его называли антихристом, клеймили как циника и развратителя нравов. Он был философом без философии, писателем без романов, учителем без учеников. Он не любил Толстого, В. Соловьева, презирал Михайловского и все демократическое направление в русской литературе, воевал с Гоголем, поклонялся перед Достоевским. Он проповедовал плотскую любовь и Ветхий Завет, заведомо отрицая христианский аскетизм и предсказывая неизбежную гибель «людей лунного света».

Убежденный индивидуалист Розанов, всю свою жизнь отстаивавший приоритет частной жизни над Вечностью, балансировавший на грани приличия в интимных откровениях о себе, утвердил в литературе новый уникальный сугубо личностный жанр, над определением которого до сих пор спорят исследователи. Целый ряд – как литературных, так и «внелитературных» – факторов предопределил возникновение писательского феномена Розанова и сделал его имя одним из самых значительных в русской словесности XX в.

Данная работа является одной из немногих попыток исследовать журналистскую деятельность Розанова не только в газете А.С. Суворина «Новое время», но и в газете И.Д. Сытина «Русское слово», а также в других изданиях. Системному анализу подвергается весь комплекс взаимоотношений Розанова с членами редакций «Нового времени», «Русского слова» и издателями А.С. Сувориным, И.Д. Сытиным, а также рядом философов, публицистов и литераторов – оппонентов Розанова. Ведь Василий Розанов – одна из самых значительных и интересных фигур не только в истории русской мысли, но, прежде всего, в истории русской прессы начала XX в. Его публицистика всегда провоцировала русское общество на скандал, доводя оппонентов до бешенства своей беспринципностью и ошеломляющей парадоксальностью выводов по самым важным вопросам современности.

Русская журналистика конца XIX – начала XX в. – это один из самых интересных периодов в развитии тех духовных процессов, которые происходили в России накануне потрясших ее социальных катаклизмов. Рассмотрение разных направлений отечественной журналистики помогает более полно представить культурно-историческую ситуацию на рубеже веков. В связи с этим особенно важно обращение к малоизученным темам. В этом плане возникает интерес к фигуре В.В. Розанова-журналиста. Исследователи не обращались к теме своеобразия его публицистического творчества, связанного непосредственно с газетами А.С. Суворина или И.Д. Сытина. Практически не уделялось внимания стратегиям журналистского поведения Розанова в этих изданиях, маргинальности его мнения по самым животрепещущим вопросам его времени. Ведь ни одно понятие не выступает у автора «Опавших листьев» в «чистом» идеологическом виде. Все становится если не образом, то знаком, символом образа, претерпевает некую художественную трансформацию. Особенно интересен Розанов своей оригинальной общественной позицией или, если угодно, отсутствием таковой, приводящей его к конфликтам с рядом других выдающихся представителей культуры Серебряного века. Журналистское творчество Розанова является знаковым, оно свидетельствует о знаменательных сдвигах в «интеллигентском сознании».

Гражданская позиция в русской журналистике XIX в. всегда высоко ценилась общественным мнением. Категория чести была важным оценочным критерием творчества. Журналист либерального толка не сотрудничал в консервативных газетах или

журналах, категоричность выбора подчеркивала однозначная принадлежность к изданиям определенного направления. Сложно представить, чтобы такие публицисты, как Н.А. Добролюбов или Д.И. Писарев, сотрудничали, например, с «Русским вестником» Каткова или «Гражданином» кн. Мещерского наряду с «Современником» Некрасова, даже под псевдонимом. Но двадцатый век предложил новые творческие и поведенческие стратегии журналистского бытия.

Именно Розанов через свое «онтологическое разочарование» в духовном наследии предыдущего века предлагает не только новый взгляд на литературу, он позволяет себе переосмыслить всю систему нравственных оценок в рамках журналистского поступка. Свообразие его художественного приема лежит в этой моральной нетривиальности и провокативности, которая порой приводит к открытому скандалу с оппонентом. Полемическая стратегия Розанова, принципы его литературного поведения определили его особое место в историко-культурном контексте эпохи. «Протеистическая», меняющаяся, «текучая» общественная позиция Розанова как публициста определила место и влияние его публицистического творчества на современников. А «сумма» его новаторских литературных приемов оказала существенное влияние на развитие «журналистского сознания» XX в., его эссеистики и, в определенной мере, его прозаических жанров.

Современники Розанова разделяли для себя Розанова-«нововременца» и Розанова-мыслителя и литератора. И если последний являлся объектом пристального общественного интереса, то Розанов-журналист вызывал, как правило, реакцию отторжения. Исключение, пожалуй, составляет книга Н.Я. Абрамовича «“Новое время” и соблазненные младенцы» (Пг., 1916), в которой автор спокойно и в целом объективно отзывается о Розанове-журналисте. В воспоминаниях же о Розанове З.Н. Гиппиус, А. Белого, М.М. Пришвина, Д.А. Лутохина, А.М. Ремизова, Э.Ф. Голлербаха, А.Н. Бенуа, Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и других, содержащих ценнейшие сведения о его личности и литературном таланте, лишь вскользь (да и то не во всех) упоминается о его деятельности в качестве сотрудника «Нового времени»: Розанов-журналист не был предметом особых размышлений для своих современников – и это несмотря на многочисленную полемику, которую он с ними периодически вел.

В ходе работы возникла необходимость обратиться к личности издателя газеты «Новое время» А.С. Суворина, роль и ме-

сто которого в истории русской журналистики также изучены недостаточно полно. К тому же Суворин имел большое значение в биографии Розанова дважды – первый раз, когда пригласил его на работу в «Новое время», и второй – когда разрешил сотрудничать со своим конкурентом Сытиным в его газете «Русское слово». Взаимоотношения Розанова с Сувориным – не просто факт их биографий, но неотъемлемая часть истории отечественной журналистики. Без А.С. Суворина не могло бы быть журналиста Розанова.

Сотрудничество Розанова в издании И.Д. Сытина было не менее важной вехой в формировании его особой позиции в русской прессе. Интересно отметить, что в «Русском слове» Розанов становится «другим» автором. Его публикации носят более либеральный характер и касаются наиболее интересных для него тем (философия, литература). Но работа (пусть и внештатная) ведущего сотрудника «Нового времени» в конкурентном издании Сытина в Москве была беспрецедентным случаем в журналистике того времени. Грандиозный скандал, который произошел после того, как общество узнало об этом факте в творчестве Розанова, привел к определенной его изоляции в русских либеральных кругах и укрепил в общественном сознании образ аморального публициста, «ядовитого нововременца».

Русская общественность не могла простить Розанову своеобразие его общественной позиции. Оппоненты публициста неистовствовали и обвиняли его в непорядочности. Но Розанов был до удивления тверд в своей раздвоенности и колебаниях в оценках того или иного явления русской жизни. Игра была одним из главных и организующих принципов его творчества. Не случайно он признавался: «Я люблю шалить. Шалость, маленькие игры (душевные) – мое постоянное состояние. Когда я не играю, мне очень скучно, потому я почти постоянно играю»¹.

Нарушая общепринятые законы творческого поведения, Розанов создавал миф о себе, ограничивая его игровым пространством своего творчества. «Совокупность сюжетов, кодирующих поведение человека в ту или иную эпоху, может быть определена как мифология бытового и общественного поведения»². Знаковость данной позиции проявлялась в странных выходках

¹Розанов В.В. Сахарна // Литературная учеба. 1989. № 2. С. 94.

²Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения // Лотман Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 262.

и парадоксах его творчества. Полемическая стратегия Розанова всегда основывалась на парадоксе, как правило, эстетическом. Ведь отступление от нормы приводило к поиску новых форм, фактически во многом предвосхитивших эстетику постмодернизма. У Розанова нет простых истин и однозначных решений. Его игра есть некий код, та условность, к которой он вынужден прибегать для обозначения принципа построения собственной позиции в творчестве.

Вся жизнь Розанова была связана с журналистикой. Газета стала для него способом творческого самоопределения. Динамичность, фрагментарность высвеченного газетной строкой события, агрессивность ежедневного издания – все это влияло на создание особого ракурса в восприятии действительности. Розанов был одержим творчеством, он работал везде и всегда. Позже, проклиная эту свою способность к творчеству, он по-розановски признавался, что писание было для него одновременно и мукой, и наслаждением. На вопрос «Почему люди пишут?» Ж.П. Сартр ответил: «...для одного искусство – это бегство от мира, для другого – способ его покорить»³. Для Розанова же этот вопрос остался бы риторическим.

³ Сартр Ж.П. Что такое литература? СПб.: Алетейя, 2000. С. 239.

Глава 1

В.В. Розанов – журналист

Люди с биографией – А.С. Суворин и В.В. Розанов

Первого января 1900 г. Россия праздновала не только Новый год, но и свое вступление в новый XX век. Передовая статья «Нового времени» писала: «Никто, кажется, кроме неисправимых скептиков, не сомневается в том, что XX век, по примеру своих предшественников, обогатит человечество новыми открытиями, новыми идеями и событиями...»⁴ Безусловно, того будущего, которое было уготовано этой стране, не мог предположить никто. И все же за общим ликованием проскальзывали тревога и сомнения: «...драма-то уже давно написана вся до конца, и ни зрителям, ни актерам ничего в ней переменять не позволено»⁵.

Главный издатель газеты «Новое время» А.С. Суворин записал в своем дневнике: «Новый век или нет? Все равно. Буду считать, что я и в новом веку живу. Лет 10 тому назад я написал, что не буду жить в новом веке. Л.Н. Толстой спросил меня: “Почему вы так думаете?” Я сказал, что десять лет трудно прожить»⁶. Пессимистично звучит эта первая в XX в. запись Суворина, хотя его дела по-прежнему идут блестяще. На протяжении почти 36 лет Суворин будет держать в руках одну из самых влиятельных и значительных газет России. Случай небывалый в истории русской журналистики, и подобное долголетнее владение обусловлено прежде всего яркой и талантливой личностью самого издателя – Алексея Сергеевича Суворина. Обращение к биографии Суворина и Розанова закономерно. «Далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию. Каждый тип культуры вырабаты-

⁴Новое время. 1900. 1 янв. № 8505.

⁵Соловьев В. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 761.

⁶Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Л.; М., 1999. С. 359.

вает свои модели “людей без биографии” и “людей с биографией”⁷. У таких личностей, как Розанов и Суворин, биография – не просто набор фактов или цепь определенных событий, но в известном смысле еще и сюжет, входящий в обычный состав литературного творчества. Неслучайно собственная биография стала «внутренней темой» произведений как Розанова, так и Суворина.

А.С. Суворин прожил долгую жизнь. Он родился в 1834 г. в русской провинции, в селе Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии. Несмотря на бедность, его воспоминания о детстве светлы и оптимистичны. «Мои детские воспоминания носят на себе отпечаток полной свободы и беззаботности»⁸. Выходец из крестьянской среды, он добился фантастических результатов благодаря своим блестящим способностям и легкому (по определению Розанова) характеру.

В.В. Розанов родился в 1856 г. в семье лесничего в маленьком провинциальном городке Ветлуга Костромской губернии. «Есть люди, которые рождаются “ладно” и которые рождаются “неладно”. Я рожден “неладно”: и от этого такая странная колючая биография, но довольно любопытная»⁹. Детство предопределяет судьбу человека. Есть некоторые совпадения в биографиях Розанова и Суворина, что отчасти обуславливает, при всей разности темпераментов и характеров, их духовную близость. Суворин старше Розанова на 20 лет, на эпоху 60-х годов, на десятилетия, определяющие становление мировоззрения у многих литераторов. Не стоит забывать, что Суворин был активным участником литературного процесса того времени, а Розанов лишь пассивным наблюдателем из своего исторического далека. Отношение к этой эпохе станет основополагающим для системы жизненно-творческих координат Розанова и Суворина. Закончив гимназию, Розанов поступил на историко-филологический факультет Московского университета и даже стал стипендиатом А.С. Хомякова. Но университет не сыграл значительной роли в становлении его мировоззрения. Академически сухой стиль преподавания не устраивал молодого Розанова, а лекции ряда профессоров не вы-

⁷ Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 365.

⁸ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 86.

⁹ Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 136.

зывали у него даже уважения. «Вовсе не университеты вырастили настоящего русского человека, а добрые безграмотные няни»¹⁰. Правда, именно в университетские годы в его душе свершился внутренний переворот. «Уже с 1-го курса я перестал быть безбожником и, не преувеличивая скажу: Бог поселился во мне...»¹¹ В это время начинается и его увлечение философией. После окончания университета Розанов не мог найти работу и был вынужден преподавать историю и географию в провинции.

Суворин не получил классического образования, он так и не поступил в университет. Рано женившись, он был вынужден решать материальные вопросы своей быстрорастущей семьи. А начинал свою карьеру Суворин с преподавания истории и географии в провинции (какое совпадение с судьбой Розанова). Одновременно он служил секретарем Бобровского, предводителя дворянства, владевшего огромной библиотекой, каталог которой составил молодой Суворин. Там он читал «Колокол», «Полярную звезду», но знакомство с предосудительными изданиями начал гораздо раньше, еще тогда, когда учился. Свои первые литературные шаги он сделал с перевода стихотворений Беранже «Роза» и «Клара», опубликованных в петербургском журнале «Ваза». Затем появились его юмористические сценки в «Весельчаке» Н.М. Львова («журнал разных странствий, светских, литературных, художественных и иных»). Впрочем, М.П. Чехов (брат великого писателя) называл их прозаическими пустячками. Вскоре семья Сувориных переехала в Воронеж. В альманахе «Воронежские беседы» Суворин также опубликовал свои небольшие рассказы «Гарибальди» и «Черничка», которые были замечены в прессе. Но не таков был Суворин, чтобы посвятить себя провинциальным изданиям. К тому же Елизавете Васильевне Салиас де Турнемир, издательнице журнала «Русская речь», писавшей под псевдонимом Евгения Тур, понравились корреспонденции Суворина, и она предложила ему место секретаря журнала, сотрудничество и переезд в Москву. Жена Суворина (Анна Ивановна, урожденная Баранова, 1840–1874), будучи женщиной энергичной и волевой, поддерживала всеми силами эту идею, не боясь возможных материальных трудностей. Так, в начале 60-х годов Суворин переехался

¹⁰ *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 1-й // *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. С. 305.

¹¹ Ответы В.В. Розанова на анкету нижегородской губернской ученой архивной комиссии // Там же. С. 709.

в Москву, и с этого момента он целиком посвятил свою жизнь отечественной журналистике.

Издательница «Русской речи» не обладала значительными материальными средствами, но у нее были обширные связи в литературном мире. А начинающему литературную карьеру Суворину прежде всего были необходимы знакомства. В Москве он сблизился с известными русскими писателями и культурными деятелями – Лесковым, Слепцовым, Левитовым, Провом Садовским, Плещеевым, в доме которого встречался с Толстым, Островским, Салтыковым-Щедриным. Суворина принимали у Аксаковых, Салиас свела его с Тургеневым. Благодаря своему трудолюбию, неиссякаемой энергии, таланту, уму, общительности и харизме он умел производить самое приятное впечатление даже на людей недоверчивых. Суворин вошел в литературный и журналистский мир и быстро в нем освоился. Еще будучи сотрудником «Русской речи», он одновременно печатался и в демократических изданиях. В 1862 г. Суворин по заказу председательницы Общества по распространению полезных книг гр. А.П. Строгановой согласился написать цикл популярных брошюр «Рассказы по русской истории».

«Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири» переиздавался шесть раз, «Патриарх Никон» был взят Л.Н. Толстым и опубликован в журнале «Ясная поляна», две других книжечки – «Боярин Артамон Матвеев» и «История смутного времени» – доставили автору немало волнений и неприятностей. «История смутного времени» была запрещена министром внутренних дел весной 1862 г., и впоследствии Суворин так и не смог переиздать эту книжку. «Боярин Артамон Матвеев» был безвозмездно разослан Министерством народного просвещения по народным училищам. На беду Суворина престарелый черниговский архиерей Филарет досконально изучил ее и немедленно высказал свое мнение в газете «Весть», заявляя, что книга вредна тем, что «гасит в народе любовь и приверженность к православию», «ослабляет верность к государю» и проповедует женскую эмансипацию. Это было фактически доносом, который заметил «Колокол», и в номере от 1 октября 1866 г. перепечатал его с комментариями под заглавием «Нетерпимость, невежество и полицейское вмешательство православного духовенства»¹². После этого Министерство народного

¹² Соловьева И., Шитова В. А.С. Суворин: Портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 166–167.

просвещения направило в учебные округа специальное письмо, в котором рекомендовало книгу уничтожить. Книжки А.С. Суворина, дошедшие до читателя, были встречены восторженно либеральными кругами русской общественности. В. Розанов верно отметил выбор исторических имен и тем у Суворина: «Никогда нельзя забывать, что первым его, еще ученическим, на школьной скамье трудом был “Словарь замечательных людей русских”, а учителем уездного училища он напишет “Ермак Тимофеевич, завоеватель Сибири”. Темы и книги эти не “Незнакомца”, это темы и книги издателя “Всей России” и “Нового времени”»¹³.

Имя Суворина приобрело известность в Москве, однако найти постоянную работу он не мог и даже подумывал о возвращении в провинцию, но его выбор уже был сделан, и не в характере этого целеустремленного человека было отступить. В одном из своих писем к М.Ф. Де-Пуле он признавался, что не может жить без газеты и хочет организовать свою собственную и обязательно в фельетонном роде. Решение Суворина завоевать журналистский мир России пока было только мечтой, но первые шаги уже были сделаны. Суворин переезжает в Петербург, где начинает сотрудничать в «Санкт-Петербургских ведомостях» В.Ф. Корша. «Когда я переехал в Петербург в декабре 1862 года в “Санкт-Петербургские ведомости” в качестве секретаря редакции и сотрудника, А.Н. Плещеев дал мне на дорогу свое пальто, которое я потом возвратил»¹⁴. Именно в этот период А.В. Никитенко называл его беднейшим из бедных литераторов. Не пройдет и 20 лет, как Суворин станет миллионером. Но в начале работы у Корша денег катастрофически не хватало, и он делал все, что ему предлагали: «...был секретарем редакции, читал корректуру с Коршем номера, корректуру объявлений, писал заметки, основал “хронику”, писал фельетоны, театральные рецензии, ездил в цензуру со статьями непропущенными»¹⁵. Сотрудничество продолжалось почти 12 лет. Это был самый либеральный период в его творчестве, за отход от которого Суворина жестоко обличала демократическая пресса.

Фельетоны Незнакомца (псевдоним Суворина) пользовались неизменным успехом у всей читающей России. Его стиль

¹³ Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. М., 1992. С. 52.

¹⁴ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 208.

¹⁵ Там же. С. 210.

отличался легкостью и простотой, а материалы – злободневностью, остроумием и смелостью суждений. Круг затрагиваемых тем был самым разнообразным, начиная с состояния железных дорог (надо заметить, что это любимая тема Суворина, к которой будет периодически обращаться и «Новое время») и заканчивая правами личности в России, благо реалии русской жизни предоставляли огромное поле деятельности. Статьи Незнакомца бескомпромиссно обличали окружающую действительность, не боясь авторитетов. Он смело рассказал о «мучном деле» богатого купца Овсянникова, нажившегося на продаже некачественной муки. Нелицеприятно писал Суворин и о господах, заседающих в городской Думе: «9 октября 1874 г. открылось, что в Думе заседают господа, которых можно купить за довольно дешевую цену. Не один и не два подкупленных, а целые десятки! И какие это подкупы! Трудно себе представить уровень нравственности этих представителей городских интересов...»¹⁶

Суворин очень серьезно относился к качеству своих публикаций. Жанр фельетона благодаря нему приобрел новые оттенки и звучание. «В жизни журналистики бывают годы, когда фельетон – не последняя вещь, не праздная забава для гостиных; фельетон является подспорьем передовых статей, и для занятого, погруженного в мелочи жизни человека пересказывает в легкой форме то, что некогда или лень прочитать ему в форме серьезной»¹⁷. Овладев основными законами журналистики, Суворин в совершенстве усвоил одни из самых главных правил – краткости и доступности материала для читателя, о чем он неоднократно будет напоминать Розанову (об этом ниже). Суворин тяготел к небольшому, емкому и конкретному жанру; позднее, уже в «Новом времени», он сам определит его название. «Маленькие письма» в редакцию будут так же привлекать внимание читателей, как когда-то его фельетоны. Надо заметить, что Суворин не замыкался в рамках одного жанра, палитра его публикаций была разнообразна: «...в лице его русская журналистика приобрела и выдающегося критика, и театрального рецензента, и газетного “передовика”, и памфлетиста, беллетриста, а также историка»¹⁸.

¹⁶ Очерки и картинки (Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина)). Кн. 2. СПб., 1875. С. 186.

¹⁷ Там же. С. 315–316.

¹⁸ Глинский Б. Новое время (1876–1916): Исторический очерк. Пг., 1916. С. 21.

«Санкт-Петербургские ведомости» не только сделали имя Суворину, но и определили круг его знакомств, положение в обществе и журналистике. Здесь он познакомился с людьми, которые впоследствии станут опорой его собственного издания. Все они – В.П. Буренин, К.А. Скальковский, Б.В. Гей – будут работать в газете «Новое время».

В 1866 г. Суворин на собственные деньги издал книгу «Всеякие. Очерки современной жизни», часть из которой составили его статьи, переработанные в повесть и дополненные 15-ю новыми главами. Книга вызвала первый в истории русской журналистики судебный процесс. Карьера Суворина, так блестяще начавшись, могла завершиться навсегда. Роковым стечением обстоятельств книга, главный герой которой был похож на Чернышевского, вышла 4 апреля 1866 г. В этот день Каракозов стрелял в Александра II. Узнав об этом, Суворин решил не давать рекламного объявления о выходе книги в свет, но одно объявление все же было опубликовано. Книга была представлена в цензуру, но из-за ошибки переплетчика (не вклеил одного листа) не принята. Этот лист чуть не стоил всей будущей жизни Суворину. Его роман о «нигилистах» с описанием гражданской казни главного героя был воспринят как документ, способствовавший разжиганию ненависти к дворянскому сословию в русском обществе.

Министр внутренних дел П.А. Валуев обратился с письмом к М.Н. Муравьеву, назначенному председателем государственной комиссии по делу о покушении Каракозова, с просьбой о наложении ареста на книгу «Всеякие» неблагонадежного издателя Суворина. Результатом этой эпистолярной истории было дело, возбужденное петербургским окружным судом, закончившееся обвинением автора крамольной книжки. Суворин отделался двумя неделями гауптвахты, а тираж книги был уничтожен. Лишь в 1909 г. стало возможно ее переиздание.

История с книгой стала определенным рубежом в творческом и духовном развитии Суворина и хорошим для него уроком. Он многое осознал и понял. Как пишет Е. Динерштейн в книге, посвященной жизни и деятельности Суворина, радикальный задор его публикации заметно поутих. С подобным опытом «революционности» к Суворину стали приходиться мудрость и осторожность. Упорно он продолжал идти к главной своей цели – издавать собственную газету. Ради воплощения своей мечты многим был готов пожертвовать Суворин, даже своим радикализмом. Молодой журналист понял, что шутки с властью

могут закончиться трагически. Легко стать героем и потерять все, это хорошо понимал Суворин, гораздо сложнее добиться желаемого и сохранить свое собственное «я».

В 1876 г. 20-летний студент университета Василий Розанов познакомился с 44-летней Аполлиной Суловой. Молодой человек был потрясен встречей с женщиной, которую любил Достоевский. Он сразу почувствовал в ней это смешение любви, страсти, ненависти и злобы. Экстравагантность суждений Суловой, ее образ хлыстовской богородицы в соединении с самыми земными страстями привлек молодого, почти юного Розанова. Эти странные и непростые отношения привели к браку. Несомненно, что возможность быть женатым на бывшей возлюбленной Достоевского была не последним обстоятельством при решении о браке. Юридически брак состоялся, но оказался настолько невыносимым для Розанова, что фактически распался уже через четыре года не только в силу большой разницы в возрасте, но прежде всего из-за глубокого непонимания супругами друг друга. Разница в мировосприятии, быте и бытии привела к полному разрушению этого странного союза. Но именно в процессе разрыва своих долгих и мучительных взаимоотношений с Суловой Розанов пишет свою единственную философскую книгу «О понимании».

В 1886 г. он издал за собственный счет этот большой философский труд в 40 печатных листов. Его книга не встретила ожидаемого молодым автором резонанса, тираж даже не был раскуплен. Одну часть вернули Розанову, а другую распродали на Сухаревской площади на обертку для серии бульварных романов. Критические отзывы на книгу были сдержанны и немногословны. В. Соловьев при случае отметил, что до Гегеля книга возможно и была бы гениальной, но после выглядит несамостоятельной и неинтересной. Издание большого философского трактата было своеобразным поворотным пунктом в жизни провинциального учителя Розанова. Его желание стать философом изменилось. «Встреть книга какой-нибудь привет, – я бы на всю жизнь остался философом. Но книга ничего не вызвала»¹⁹. Тяготение Розанова к философским размышлениям вызвало впоследствии множественность взглядов на истину, которая будет столь раздражать современников. «Философическое» начало его творчества располагало к антиномиям и парадоксам. Перевоплощение Розанова-философа

¹⁹ Ответы Розанова на анкету нижегородской губернской ученой архивной комиссии // Розанов В.В. О себе и жизни своей. С. 710.

в Розанова-журналиста было неслучайным. Потерпев объективную неудачу на философском поприще, Розанов с помощью Суворина трансформировал своеобразный поиск истины в публицистику, где он оказался гораздо удачливее, нежели в философии. Антитеза между обычным, бытовым видением проблемы и умозрительно-субъективными обобщениями приводила публициста к блестящим результатам. Его внутренние установки запускали механизм особого литературного поведения вне устоявшихся норм. Если внешне Розанов соблюдал все правила и законы, то в творчестве он поступал по-другому – вне правил и фиксируемых норм. Розанов никогда не оправдывал ожиданий, он всегда был непредсказуем и стихийен во взгляде на проблему. У Суворина подобный тип поведения был вызван известной долей конформизма, а у Розанова мировоззренческая полифоничность была результатом философского видения мира.

После отстранения Корша от газеты Суворин ушел из «Санкт-Петербургских ведомостей» и стал сотрудничать с «Биржевыми ведомостями». В этот период ему приходит идея вместе с Н. Некрасовым и М. Салтыковым-Щедриним купить книжный магазин. Открыть магазин не удалось, но зато 12 или 13 февраля 1876 г. Суворин вместе с В.И. Лихачевым (известным либералом, товарищем председателя окружного суда) купил у Н.В. Трубникова «Новое время». «Когда Трубников предложил мне купить “Новое время”, я, конечно, колебался, потому что не было денег и взять их было неоткуда. Некрасов приходил ко мне (я жил в это время близко от него около Бассейной) и говорил, чтоб я не отказывался, но денег все-таки не было. Я бросался всюду и ничего не мог сделать. Сочувствия было много»²⁰. В «Дневнике» Суворин часто вспоминал о колебаниях и сомнениях, касавшихся начала издательской деятельности. В основном его пугали материальные трудности, но он был не из тех, кто отступает. Газета была куплена, и все силы души и таланта Суворин приложил к тому, чтобы сделать ее ведущим изданием России. И уже 29 февраля в несчастливый по народному поверью Касьянов день вышел обновленный номер газеты. В наследство от прежних владельцев Суворину досталось понравившееся название «Новое время» и 1562 подписчика, из которых 1296 годовых, 120 полугодовых и 146 на разные сроки, а также тираж 3000 экземпляров. Народная примета не оправдалась, уже к концу года тираж газеты вырос до 15 тысяч.

²⁰ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 479.

В первом номере была опубликована программа издания, в которой ставились будущие цели и задачи газеты. Прежде всего была определена роль издателя: «Для меня лично – в журналистике все: вся жизнь, все надежды, все радости»; а затем будущая программа.

«Мы будем служить честным людям и честным стремлениям, откуда бы они не выходили...

– Ну, а о направлении говорите?

– И о направлении говорим.

– Что же говорите?

– А говорим, что мы с направлением откровенным...

– Это что же за направление такое?

– Такое мы сочинили в отличие от радикального, либерального и консервативного...»²¹

Общество ожидало многого от нового издания Суворина. Либеральные круги были уверены в продолжении традиции «Санкт-Петербургских ведомостей» и предыдущих публикаций Незнакомца. Но купил газету Суворин, а не Незнакомец, и он хотел ее видеть новым, самостоятельным изданием, выражавшим его идеи. Никто из читателей не обратил внимания на этот небольшой нюанс: в первом номере газета объявила об особом направлении – «откровенном» (вещь невозможная в журналистике). Вряд ли Суворин был неискренен, когда давал такое определение, скорее всего он не предусмотрел вопроса о степени этой откровенности. Обвинения в смене направления, выдвинутые Суворину, были несколько преувеличенными, особенно в этом усердствовала демократическая пресса. В качестве возражения дадим скорбную летопись «Нового времени» за первые пять лет существования, приведенную в книге Б. Глинского, посвященной истории газеты: 1) 24 марта, 27 ноября 1876 г. и 22 февраля 1877 г. запрещена розничная продажа; 2) 9 августа 1877 г. объявлено первое предостережение за передовую статью в № 519; 3) 2 апреля 1878 г. запрещена розничная продажа; 4) в январе 1879 г. объявлено о первом предостережении (предыдущее было снято) по поводу передовой статьи, помещенной в № 1021; 5) 13 сентября 1879 г. запрещена розничная продажа; 6) 20 ноября 1880 г. объявлено второе предостережение за статью в № 1649 «По поводу одного обеда». Из-за самых незначительных случаев Суворин или М.П. Федоров (официальный

²¹ Новое время. 1876. 29 февр. № 1.

редактор) были вынуждены ездить для объяснений к министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. Суворин хорошо понимал, чем грозят его детищу подобные вызовы: «...приходилось искусно лавировать между опасными цензурными Сциллой и Харибдой»²². В 1879 г. Буренин в письме жаловался Суворину по поводу того, что нельзя печатать: «...о преобразовании университетов или, точнее, о распоряжениях к усмирению – нельзя, иностранные правительства ругать нельзя, а собственные даже хвалить нельзя, ибо следует славословить! По мне... хоть в петлю лезь!» После ознакомления с этим письмом Александр II, которому оно было представлено, написал на полях: «И при этом они ухитряются говорить много гадостей»²³.

Одно из главных идеологических направлений газета приобрела во время Русско-турецкой войны. Суворин сам поехал на Балканы и был практически первым корреспондентом, освещавшим события непосредственно с театра военных действий; он перевернул сознание русского общества. Из номера в номер шли его горячие репортажи в рубрике «Турецкие зверства». Суворин убеждал Россию воевать на Балканах. «А.С. с чувством верного славянина и русского патриота понял неразрывность истинного русского национализма с идеей славянского братства и единения и отвел в своей газете славянству и его интересам такое место, какого никогда еще не отводилось ему в русской повременной печати (за исключением специальных и славянофильских изданий)»²⁴. Генералы М.Д. Скобелев и М.Г. Черняев были любимыми героями Суворина. «Новое время» всячески лелеяло патриотическую идею, тем более что тема была неисчерпаемой. Идея взятия Константинополя периодически появлялась на страницах газеты в тот период. Нельзя не признать, что дух антисемитизма и нелюбви к инородцам присутствовал в газете. Это не было оголтелым отражением государственной политики, подобные взгляды, увы, были свойственны самому Суворину, их также разделяли и Розанов, и многие в редакции. Патриотическая идея была одним из идеологических столпов «Нового времени» и неразрывно была связана у Суворина с идеей национальной.

²² Глинский Б. Новое время (1876–1916): Исторический очерк. С. 78.

²³ Ветлугин В. (Розанов В.) Суворин и Катков // Колокол. 1916. 11 марта.

²⁴ Новое время. 1912. 24 нояб. № 13102.

24 января 1878 г. Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. 31 марта окружной суд вынес ей оправдательный приговор. «Новое время» освещало судебный процесс сочувственно по отношению к подсудимой. Суворинскому изданию нельзя было отказать в объективности.

В начале января 1881 г. Суворин писал: «1881 год будет годом необыкновенным. 1881 год будет стоять среди годов русской летописи, быть может, так высоко и ярко, как 1861»²⁵. Сложно отказать ему в предчувствии исторических событий. Через два месяца они были подтверждены взрывами 1 марта.

В эти судьбоносные для России дни «Новое время» призвало к общественному спокойствию и единению всех сословий. В связи с этим мы хотим обратить внимание на борьбу газеты со «Священной дружиной», образовавшейся после убийства Александра II. Организация собиралась бороться с террористами их же методами. «Дружиной» были недовольны крупные чины в правительстве, но к ней благоволил государь, и вступать в открытую борьбу с организацией не решались. Решился Суворин. Его статья «Политическое шутовство, или не мытьем, так катаньем» (Новое время. 1882. 24 нояб.) положила начало разгрому этой организации. Публикация такой статьи была неоценимой услугой гр. Д.А. Толстому, в руках которого была сосредоточена громадная власть – обер-прокурор Святейшего синода, министр внутренних дел, министр народного просвещения, который к тому же ведал цензурой. Газета приобретала все большее влияние в «верхах», теперь ее читала не только «улица», но и «сенат». При этом Суворин отнюдь не терял своего лица в журналистике, скорее отчетливее проявлял его. Хорошо зная вкусы своего читателя, он делал ставку прежде всего на городского обывателя. Результаты превзошли все его ожидания, и Суворин добился большого успеха и огромного влияния. Анализируя деятельность газеты, Н.Я. Абрамович выявил в ее процветании еще одну причину. «Суворин выступил в “Нов. Вр.” в эпоху журнального безвременья... Радикальная журналистика, за несколькими счастливыми исключениями, представляла собой сушь, мертвое поле, топь общих мест, которыми занимались в скучных департаментах радикальных редакций»²⁶.

²⁵ Новое время. 1881. 4 янв. № 1743.

²⁶ Абрамович Н.Я. «Новое время» и соблазненные младенцы. Пг., 1916. С. 6.

Василий Розанов заметил подобное состояние и в консервативной журналистике и написал о нем в статье «Судьбы нашего консерватизма» (Новое время. 1900. 30 июня. № 8741). Он отмечал угасание консервативных изданий из-за отсутствия динамики и реального понимания ситуации в России. Например, как считал Розанов, главный редактор журнала «Русский вестник» Ф.Н. Берг «любил консерватизм как вечер, как спокойствие и затишье без всяких собственно политических соображений»²⁷. Розанов на себе испытал, во что выливаются подобные настроения в редакциях. Он был очень недоволен тем же Бергом, который всегда опаздывал с гонорарами, а в некоторых изданиях частенько оставался вообще без денег. Розанов, который находился на грани нищеты и работал в Госдепартаменте по контролю, дорожил каждым заработанным рублем. Газета «Новое время» была другой, динамично и остро она реагировала на все события, происходившие в стране и за рубежом. Чутье на животрепещущие проблемы русского общества редко подводило Суворина.

Во время студенческих волнений в конце XIX в. позиция Суворина была очень жесткой, он сказал: «Если студенты хотят заниматься политикой, а не учиться, пусть уходят из университетов»²⁸. Суворин не получил классического образования. Вся жизнь он занимался самообразованием и благодаря своей одаренности и фантастической трудоспособности стал энциклопедически образованным человеком. Он владел несколькими европейскими языками, свободно ориентировался в вопросах науки и философии, искусства и литературы, превосходно знал и любил театр. Его отношение к образованию было благоговейным. Он считал, что невежество является одним из основных признаков отсталости России по сравнению с Европой. На страницах газеты много внимания уделял проблемам просвещения, образования и культурного развития страны. Переживал Суворин и за состояние школ в России; неслучайно, что эту тему в его издании будет благодатно разрабатывать Розанов. Благодаря опыту преподавания в гимназиях оба хорошо ориентировались в данной проблеме. Суворин напрямую связывал вопрос просвещения и образования с будущим России. Студенческие требования Суворин не поддер-

²⁷ *Розанов В.* Судьбы нашего журнального консерватизма // Новое время. 1900. 30 июня. № 8741.

²⁸ *Ежов Н.М.* Алексей Сергеевич Суворин (Мои воспоминания о нем, думы и соображения) // Ист. вестн. 1915. № 1. С. 112.

жал и осудил в категорической форме. «Натворит штук какой-то центральный университетский кружок, а расплачиваться будет вся Россия...»²⁹. Подобное поведение Суворина вызвало бурю негодования в демократических изданиях, ему грозили судом чести. Для них Суворин навсегда потерял свое «лицо», став отныне и уже навсегда выразителем консервативной политики правительства. Только редакция единодушно поддержала своего издателя и добилась отмены суда. Суворин сумел сплотить настоящую команду единомышленников вокруг своего дела.

Не «заметил» впоследствии Суворин и первой русской революции. «В России не может быть революции, и все эти события в Москве – пародия на восстание»³⁰. Суворин был уверен, что революция чужда русскому народу и в ней ничего, кроме стихийного бунта, нет. Позднее в переписке с Розановым он будет касаться этого вопроса под иным углом зрения, тревожась за судьбу России. Но в 1905 г. он напишет: «Я убежден, что будь теперешняя революция чисто русская, а не инородческая, в особенности, не будь она еврейской, она не была бы такой злобно-кровавой, дурачки-разорительной и безжалостно-варварской»³¹.

Розанов был очарован революционными событиями 1905 г. настолько, что подумывал об уходе из «Нового времени». Его идеологическая позиция шла вразрез с направлением газеты. В одном из писем к М. Горькому, вспоминая об этом времени, он писал, что от этого шага его удержал только Суворин. Пройдет всего пять лет, и ракурс видения Розановым революции станет диаметрально противоположным. Эта идейная перемена будет вызвана метафизическими причинами, касающимися его онтологического выбора (этот вопрос более глубоко мы рассмотрим ниже). Однако Суворин чувствовал приближение катастрофы и здраво и разумно оценивал побуждающие ее причины. «Область права, правомерного существования – вот что необходимо для всех. Самодержавие стало фикцией. Государь сам находится во власти других, во власти бюрократии и не может из нее вырваться... Бедовое у нас дело»³². Правда, так откровенно Суворин писал в «Дневнике», газетный жанр диктовал иные выводы о причинах возникновения русской революции. Неслучайно Мережковский

²⁹ Новое время. 1881. 13 февр. № 1783.

³⁰ *Ежов Н.М.* Алексей Сергеевич Суворин... С. 112.

³¹ Новое время. 1905. 30 апр. № 10472.

³² Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 471.

в последнем своем письме Суворину называл его скептиком и «агностиком» и считал, что его лукавая редакция «защищает самодержавие накануне революции и защищает революцию во время глубочайшей реакции»³³.

Газета Суворина порой крайне резко оценивала политическую ситуацию в стране. Все же нельзя однозначно понимать направление и деятельность «Нового времени» только как националистическую и крайне реакционную. Безусловно, газета была выразителем настроений прежде всего правящей элиты России и напрасно было от этого издания ожидать снисходительного отношения к революционным процессам, происходившим в стране. Наравне с другими изданиями «Новое время» было полноправным голосом России. Оценивая деятельность Суворина, В.И. Ленин в статье «Карьера» писал: «“Новое время” Суворина на много десятилетий закрепило за собой прозвище... “Чего изволите?” Эта газета стала в России образцом продажности газет. “Нововременство” стало выражением однозначным с понятиями отступничество, ренегатство, подхалимство. “Новое время” Суворина – образец торговли “на вынос и распивочно”. Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями»³⁴. Подобное выражение субъективного партийного мнения в большой политической игре надолго определило отношение к изданию. Журналистика суворинского периода, сдерживаемая тисками закона о печати и цензуре 1865 г., тем не менее обладала гораздо большими возможностями самовыражения, нежели печать большевистского времени. Все ругали газету «Новое время», но ее читала вся Россия. Суворин сумел создать из ничем не приметного листка империю печатного дела. Вряд ли это бы получилось у него лишь благодаря благосклонности правительства. Это был прежде всего результат титанического и самоотверженного труда Суворина. «Скоро 35 лет моей литературной деятельности. Писал, писал, писал и жизни не знал, и мало ее чуял. Что это за жизнь, которую я провел? Вся в писании. Блестки счастья и то больше того счастья, которое дается успехом удачной статьи, удачной пьесы, а просто истинного счастья, счастья любви, по-

³³ Розанов В.В. Изобличенный Мережковский // Новое время. 1914. 29 янв. № 13608.

³⁴ Ленин В.И. Карьера // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. М.: Полит. лит. 1965. С. 266.

чти не было. Все мимо шло! Некогда было. А я работал, ей-Богу, не для денег!»³⁵

Суворин не просто издавал газету, он создал империю «Нового времени»: ежедневная газета «Новое время», иллюстрированное приложение раз в неделю «Еженедельное “Новое время”», два раза в неделю «Земледельческая газета», ежемесячный журнал «Исторический вестник» (издание продолжалось 38(!) лет). В типографии Суворина печаталось все, начиная от подарочной «Библии в картинках знаменитых мастеров», роскошного издания на слоновой бумаге, до трудов Эрнста Геккеля (известного дарвиниста). Магазины «Нового времени» в Москве, Петрограде, Саратове, Харькове, Ростове-на-Дону, Одессе; вокзальные киоски «Нового времени». Каждый год издавались полный сведений суворинский календарь, справочный выпуск «Вся Россия», «Вся Москва», «Весь Петроград»; «Дорожная библиотека», серия для чтения в пути; «Дешевая библиотека» по 10 копеек том (почти вся русская литература первой половины XIX в.); «Научная дешевая библиотека»; «Новая библиотека» – таков был размах его деятельности.

Суворин был одним из первых магнатов печатного дела. Многие упрекали его в стремлении нажиться, в готовности поступиться принципами ради денег, клеветали на «Новое время», ходили слухи, правда, никем не подтвержденные, что газету финансирует правительство, это было заведомой ложью. Суворин олицетворял собой тип нового буржуа. На смену респектабельности XIX века пришла активная буржуазная амбициозность века XX. Деловая хватка, умение поставить дело, подобрать людей, воплотить в жизнь свою мечту дано далеко не каждому. Наряду с блестящими творческими способностями Суворин в полной мере обладал и деловыми. Его можно поставить в один ряд с Рябушинскими, Морозовыми, Третьяковыми по размаху умения вести дело. Это были люди нового типа, новой формации, нового мышления. Несмотря на то что Суворин был буржуазен, он обладал уникальным чутьем: он не просто знал, а чувствовал, чего от него ждет читатель. Внутренне отвергая позитивизм, Суворин блестяще реализовал его идеи в жизни. Это было у него не фарисейством, но реальным воплощением его мечты, а горькие раздумья в его «Дневнике» лишний раз свидетельствуют о том, как хорошо он понимал, каким противоречивым было воплощение этого замысла в жизни. «Вместо прогрессивного журналиста

³⁵ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 232.

средней руки возник организатор, идеолог и гений обиденного буржуазного сознания»³⁶.

Суворин был необыкновенно щедрым человеком, он никому не отказывал в денежной помощи. Ни в одной газете России не платили таких высоких гонораров (позже Сытин также руководствовался этим принципом, приглашая в свою газету талантливых журналистов, а иногда и переманивая их из других изданий). И ни в одной типографии рабочие не получали такой большой зарплаты. «Не было сотрудника, которому “старик Суворин” не старался бы облегчить труд и существование»³⁷. Он материально очень помог А.П. Чехову и его семье, спас от нищеты Розанова. Своеобразно относился к собственным доходам, не считая их своими: «Это касса “Нового времени”, а не моя», – говорил Суворин. Он помогал даже тем литераторам, эстетическую направленность которых не разделял (финансово помог Мережковскому с изданием «Нового пути»).

Суворин поддерживал отношения с выдающимися русскими писателями Некрасовым, Достоевским, Толстым, Тургеневым, Чеховым, Лесковым, Плещеевым и другими. Они не были безоблачными, но отрицать уважение, которое у многих из них вызывала деятельность Суворина, значит намеренно исказить истину. К его критике прислушивались, его мнение имело значение. Известно, что Некрасов выбросил несколько строк из поэмы «Княгиня М.Н. Волконская» по совету Суворина, а Чехов признавался в своей переписке, что мнение Суворина имеет для него решающее значение. Розанов всегда предпочитал, чтобы его редактировал лично Суворин, не доверяя больше никому своих материалов в редакции. Лесков писал: «...мне Ваше сочувствие было очень мило и дорого и таким останется»³⁸, поблагодарив Суворина за его внимание к рассказу «Аза». У Суворина было поразительно интуитивное чувство на все талантливое и новое. Он самозабвенно любил литературу и с большим вниманием и чуткостью относился к новым авторам. Он «создал» Чехова, помог реализоваться Розанову, который благодаря ему навсегда

³⁶ Соловьева И. Шитова В. А.С. Суворин: портрет на фоне газеты. С. 168.

³⁷ Амфитеатров А.В. Старик Суворин // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 178.

³⁸ Абрамович И.А. Письма русских писателей к А.С. Суворину. Л.: Изд. Публ. б-ки, 1927. С. 69.

порвал с душающей атмосферой чиновничьего мира. Суворин «любил литературу, чтит литературную профессию и доброжелательствовал каждому литератору»³⁹. Он уважал чужое мнение и каждому своему автору давал право на самовыражение на страницах своей газеты. «У меня не газета... Вы хотите вместе с Салтыковым подсказать, а “чего изволите?” Но если серьезно посмотреть, то не “Чего изволите?”, а “Литературный парламент”»⁴⁰. Розанов вспоминает, что Суворин не любил Михайловского, но позволил напечатать сочувственную статью, посвященную его памяти. Не благоволил Алексей Сергеевич и к теме пола, тем не менее разрешил Розанову печатать статьи на эту тему. А.В. Амфитеатров вспоминает, что поправки или запреты Суворина всегда были очень верными. Он не публиковал тот или иной материал потому, что «жалел нас... опытным умом старого журналиста, памятовавшего из собственного прошлого, как часто литературное утро отвечает за литературный вечер»⁴¹.

Сам Суворин расплачивался всю жизнь за свое демократическое начало. На протяжении всего долгого творческого пути его клеймили «предателем» и «рenegатом». Михайловский называл его «флюгером», газета «Новое время» у революционно настроенной интеллигенции ассоциировалась с определением «продажная», не говоря уже о периоде Советской власти, когда однозначно преобладала негативная ленинская оценка. Нельзя согласиться с этими доводами, ибо Суворин явление слишком сложное и противоречивое, чтобы ограничивать его творчество рамками столь одиозных высказываний. Разумеется, в политической игре на исторической сцене России Суворинское издание было идеологическим выразителем консервативной части русской общественности. Но предателем он не был: «То, что объективно было ренегатством, субъективно было самопознанием и самоосуществлением»⁴². Суворин внутренне был всегда революционером духа. Его натуре было свойственно искать и сомневаться. Его мироощущение было ближе к Розанову (на предмет надо иметь

³⁹ Амфитеатров А.В. Старик Суворин // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 176.

⁴⁰ Ясинский И.И. Роман моей жизни. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 254.

⁴¹ Амфитеатров А.В. Старик Суворин. С. 18.

⁴² Соловьева И., Шитова В. А.С. Суворин: портрет на фоне газеты. С. 168.

тысячу точек зрения), нежели к Михайловскому. Своих внутренних нравственных убеждений Суворин не менял: об этом свидетельствуют записи в его «Дневнике». Скорее всего Незнакомца приняли не за того, как это в свое время случилось с Достоевским. Хорошо это понял Розанов: «Пора его “Незнакомства” неинтересна: мало ли либеральных пересмешников»⁴³.

Больше всего на свете Суворин любил свою газету и хорошо понимал, чувствуя власть, что в ситуации наличия таких организаций в России, как Комитет по цензуре и Святейший синод, нельзя выжить без компромиссов. Он любил повторять афоризм Стаховича: «...можно участвовать, но нельзя успевать – доброму на войне, честному в торговле, правдивому в дипломатии и чистому в политике. Нельзя чистому преуспевать в политике. Для этого есть слово: “компромисс”»⁴⁴. Несмотря на все оговоры, его издание выходило на высоком литературном и профессиональном уровне. «Новое время» сравнивали с французской «Фигаро» и лондонской «Times». С начала века газета попала в Америку, ее выписывала кафедра славистики Гарвардского университета и Нью-Йоркская публичная библиотека. Суворин очень многого добился в жизни. Начав с нуля, он стал знаменитым и богатым человеком, что, безусловно, вызывало у окружающих далеко не благородные чувства зависти и злобы. Суетные порывы подобных чувств часто были основополагающими по отношению к Суворину. Несмотря на то что многие трагедии сопутствовали началу его деятельности (гибель горячо любимой первой жены и детей), они не сломили его духа, он видел триумф своего дела и наблюдал за началом упадка, он любил жизнь с ее шумом и суетой. И вместе с тем, по верному замечанию А.В. Амфитеатрова, «этот кипучий, газетный, злободневный человек, казалось бы, зубы съевший на житейской практике, неутомонный создатель огромных практических предприятий, необычный умейник уживаться с нужными людьми, угадывать нужные моменты и проч., и проч. – тем не менее он, в конце концов, представляется мне – и прежде всего, и после всего – типическим русским писателем и “достоевцем”»⁴⁵.

Суворин, сделав газету смыслом жизни, не мог быть другим в тот исторический период. И хотя Дональд Рейфилд сравнил конец жизни Суворина с жизнью короля Лира, обратив внимание

⁴³ Розанов В.В. Опавшие листья. С. 213.

⁴⁴ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 516.

⁴⁵ Амфитеатров А.В. Старик Суворин. С. 181–182.

на трагическое одиночество в семье, непонимание близких и окружающих, драматический закат империи «Нового времени»⁴⁶, но это несколько преувеличено. Скорее всего лучшее в себе Суворин посвятил тому, что позволило ему с достоинством сказать о себе: «...я могу пойти на всякий суд и спокойно умру, я – не герой, но герои ли вы? Я – обыкновенный человек, но все-таки я жил не даром и мне есть, что вспомнить хорошего, что я сделал для своей родины»⁴⁷.

Газета А.С. Суворина «Новое время»

Газета «Новое время» выходила каждый день дневным и вечерним выпусками. Издание было большим: объем номеров колебался от 6 до 20 полос большого формата. Два раза в неделю, по средам и субботам, выходили еженедельные приложения к «Новому времени» со множеством фотоиллюстраций и библиографией книг суворинского издательства. С 1907 г. приложения стали выходить только по субботам.

Штат постоянных сотрудников газеты к началу века достигал почти 70 человек – в то время это было значительной цифрой. Официально редакторами «Нового времени» числились: 1876–1888 – Михаил Павлович Федоров; 1888–1900 – Алексей Алексеевич Суворин; 1900–1904 – Федор Ильич Булгаков; 1904–1917 – Михаил Алексеевич Суворин. Но практически ничего в газете не делалось без ведома Алексея Сергеевича Суворина вплоть до его смерти в 1912 г. Каждую ночь он внимательно читал гранки и полосы и, когда нужно было, выкидывал и вставлял, не останавливаясь перед техническими трудностями печатания. Он ложился спать по обыкновению в шесть утра, потому что якобы «страдал бессонницей». «Но в действительности он три-четыре часа читал газетные полосы и не пропускал ни разу, если был здоров, этой своей обязанности»⁴⁸.

⁴⁶ *Рейфилд Д.* Король Лир из Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <http://socarchive.narod.ru/infochan/person/index.htm> (дата обращения 05.05.2021).

⁴⁷ *Суворин А.С.* Маленькие письма. Цит. по: *Соловьева И., Шитова В.* А.С. Суворин: портрет на фоне газеты. С. 198.

⁴⁸ *Кугель А.Р.* Литературные воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 161.

Суворин переманил к себе в новое издание часть сотрудников из «Санкт-Петербургских ведомостей». Редакционная семья, по выражению Б.Б. Глинского, была более-менее постоянной.

Почти неизменным было и расположение материала, чтобы читатель свободно ориентировался в газете, с легкостью находя искомое. Немало страниц занимала и реклама.

Литературный отдел возглавлял В.П. Буренин (1841–1926) – один из ведущих сотрудников «Нового времени», публицист, драматург, поэт. Поэт Д.Д. Минаев писал о Буренине:

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил.

Даже представители консервативной печати боялись его язвительного пера, называя Буренина «прокурором литературы». «Вряд ли какой из наших писателей совершил столько литературных турниров, “анкроморских” битв»⁴⁹. Литературные очерки, как правило, занимали подвал или два подвала на второй полосе по пятницам. Буренин иногда «отдавал» пятницы другим сотрудникам. Довольно часто там публиковал свои материалы Розанов. Литературный отдел был одним из самых «боевых» в газете. Хлесткая речь Буренина, его саркастические замечания и ядовитый скепсис держали в напряжении русское общество и приводили к многочисленным дискуссиям. Буренин начал работать в «Новом времени» с первых дней издания и, несмотря на внешнее подчеркнутое уважение, которое ему оказывал Суворин, их отношения были сложными. Н. Снеессарев, сотрудник газеты, определил их довольно резко: «Что же касается Буренина, то старик ненавидел его и в то же время боялся до конца своей жизни»⁵⁰. Оставим столь сильное определение на совести Снеессарева, который покинул редакцию в 1903 г. Суворин уважал сильных и талантливых людей, но и ему порой была неприятна резкость Буренина.

Отдел «Среди газет и журналов», сначала появившийся в «Новом времени» (газета позаимствовала его из французского «Фигаро»), первые шесть лет вел К.А. Скальковский. «Он был

⁴⁹ Глинский Б.Б. «Новое время» (1876–1916). С. 3.

⁵⁰ Снеессарев Н. Мираж «Нового времени». Почти роман. СПб., 1914. С. 27.

характерным представителем жизни данного момента и в своих писаниях, особенно относящихся к 80-м годам минувшего столетия, с особенною силою умел отражать то, чем интересовалась и волновалась широкая масса потребителей газетного листа»⁵¹. Рубрика пользовалась успехом у читателей, и она сохранилась до закрытия газеты.

Первым секретарем газеты был Б.В. Гей, он был очень близким к Суворину человеком (преподавал ему немецкий язык, принимал участие в его старших детях) «и тою необходимою газетною рабочею силою, без которой повседневная пресса не может на арене общественности занимать авторитетного положения»⁵². Долгое время он редактировал финансовый отдел, позже – провинциальный (постоянная рубрика «Внутренние известия», 4–5 стр.), писал по вопросам внутренней политики (рубрика «Ежедневное обозрение», первая страница в соседстве с самыми дорогими объявлениями, более дешевые объявления печатались, как правило, на четвертой странице). Иногда газета разрасталась, там же помещались и финансовые отчеты банков.

М.П. Федоров был первым редактором газеты. В его ведении также находилась «Хроника» (верх второй или третьей полос, а если не было другого материала, то и начало четвертой). Он зорко следил за репортерами и четко проверял всю информацию. Кроме того, он вел рубрику «Театр и музыка», которая следовала, как правило, за «Хроникой». Как вспоминает Глинский, он «чувствовал себя тепло и дома только в несложной и хорошо знакомой ему сфере театра и текущих событий. Как ответственный редактор он действительно нес ответственность за промахи редакции и раза 2 или 3 отбывал по приговору суда наказание»⁵³.

«Хронику и репортаж» вел А.П. Никольский (впоследствии видный деятель Государственного Совета). С.И. Смирнова-Сазонова занималась беллетристическими и литературно-общественными фельетонами. Правда, появлялись они нечасто. Как правило, они размещались на второй полосе (подвал) и появлялись в самое разное время, кроме пятниц (Буренин) и воскресений (Незнакомец).

Военный отдел с 1877 г. и до закрытия газеты вел А.Н. Маслов (Бежецкий). С 1878 г. ответственным секретарем газеты,

⁵¹ Глинский Б.Б. «Новое время» (1876–1916). С. 6.

⁵² Там же. С. 36.

⁵³ Там же. С. 39.

изъездившим всю Россию, стал А.Н. Молчанов. В провинциальном отделе и в отделе внутренней политики работал В.С. Россоловский. Н.С. Кутейников трудился в провинциальном отделе. М.М. Иванов делал еженедельные музыкальные обозрения, вел театральную хронику и долгое время после смерти К.А. Скальновского отдел «Среди газет и журналов», впоследствии его сменил М.Н. Мазаев. «...Затем постепенно к газете стали примыкать разные талантливые лица, из которых каждый в своей области и специальности заняли надлежащее место и оставили заметный след в жизни газеты: М.А. Загуляев по вопросам внешней политики (материалы печатались под рубрикой “Международное обозрение”, 1–2 полосы). К.И. Кавос – иностранная жизнь, по преимуществу славянская, В.А. Прокофьев – ответственный репортаж, В.С. Лялин (“Петербуржец”) – хроника столичной жизни, Е.Л. Кочетов (“Русский странник”) – отдел внутренних корреспонденций, В.К. Петерян – вопросы технических и промышленных знаний, И.К. Маркузе – столичная хроника, Леванда – корреспондент из Вильно, Н.Н. Лендер (Путникъ) – отдел корреспонденций, А.П. Чехов (Седой) – общественный репортаж, Г.С. Веселитский-Божедарович – корреспондент из Англии, В.Ф. Пуцыкович, И.П. Яковлев (Павловский) – постоянный корреспондент из Парижа, В.С. Кривенко – вопросы государственной и общественной жизни. В области фельетонов больших и маленьких особенно споспешествовали успеху газеты С.Н. Терпихоров (Атава), перешедший в “Новое время” из газеты “Порядок” М.М. Стасюлевич, А.А. Дьяков-Незлобин (“Житель”), Ф.В. Вишневский (Черниговец), Д.Н. Кайгородов, П.П. Гнедич (“Старый Джон”), С.С. Татищев, С.Н. Шубинский (исторический фельетон, впоследствии редактор “Исторического вестника”), Ф.И. Булгаков⁵⁴, ведший в течение многих годов обозрение новостей иностранной жизни в области науки, литературы и искусства, Д.А. Аверкиев, В.Н. Ильигенский, В.Г. Исполатов и мн. др.»⁵⁵.

⁵⁴ Ф.И. Булгаков был редактором газеты с 1901 г. после демонстративного ухода из газеты сына Суворина. Его фельетоны по четвергам «С того берега», «Заграничная летопись», «Новости иностранной литературы» были наполнены интересными сведениями о культурной жизни Запада и всегда легко читались. Впоследствии Суворин поручил Булгакову редактирование субботних приложений к газете.

⁵⁵ Глинский Б.Б. «Новое время» (1876–1916). С. 42.

В 1886 г. в газету пришел А.П. Чехов, в конце 90-х – В. Амфитеатров (Old Gentleman). «Следует прибавить, что совершенно бездарных людей редакция Суворина почти не видала. Опытный глаз редактора искал людей с задатками подлинного дарования»⁵⁶.

В начале XX в. в редакцию пришли новые сотрудники: И.Н. Потапенко (Фингаль), С.Н. Сыромятников (Сигма), В.Г. Авсеенко, Н.В. Снессарев, Н.А. Энгельгардт, И.А. Гофштетер, Н.Н. Вентцель, А.И. Косоротов (Сторонний) и многие другие.

Б.Б. Глинский вспоминал, что газета была живым органом, откликавшимся на самые животрепещущие вопросы и вникавшим в детали российской жизни. Участие в газете таких лиц, как А.П. Чехов, А. Амфитеатров, было событием в газетной жизни. Бытовые зарисовки Сергея Атавы (Терпигорева), блестящие воскресные фельетоны А. Амфитеатрова, фельетоны на общественные темы «Жителя» (Дьякова), а также материалы Фингала и Сигмы, яркие «Маленькие письма» самого Суворина производили настоящие сенсации в русском обществе и вызывали жаркую полемику. Обстоятельные корреспонденции из-за рубежа, аналитические статьи по вопросам внутренней и внешней политики, научные и общественные заметки – «все эти данные служили явным доказательством материальной и духовной мощи газеты, позволявшей ей идти в ногу с веком и порою прокладывать для русской жизни новые пути и раскрывать перед нею будущие светлые перспективы»⁵⁷.

В это же время в газете произошли значительные перемены, на смену ушедшим пришли новые свежие силы. В своих воспоминаниях Глинский особо отмечает таких журналистов, как М.О. Меньшиков, А.А. Столыпин (брат премьер-министра П.А. Столыпина), А.А. Пиленко, А.А. Ренников, Е.А. Егоров, гр. Л.Л. Толстой, Алексеев (Бругь) и многие другие.

На характеристике одного из них мы остановимся более подробно. М.О. Меньшиков (1859–1918) был ведущим сотрудником «Нового времени» и одним из ярких публицистов газеты. Публиковал материалы, касаясь самого широкого спектра вопросов, начиная с общих тем (воскресные фельетоны) и заканчивая государственными и общественными вопросами. Суворин позволял Меньшикову устраивать дискуссии на страницах газеты

⁵⁶ *Абрамович Н.Я.* Новое время и «соблазненные младенцы». С. 9–10.

⁵⁷ *Глинский Б.Б.* «Новое время» (1876–1916). С. 98.

с сотрудниками редакции, некие своеобразные «внутренние полемики». Суворин «сделал» его писателем, нашел для него «новый “меньшиковский” стиль, приуготовил для него всероссийскую популярность, дал ему кафедру всеобщего внимания»⁵⁸. «Письма к ближним» были известны всей России. В емкой и сжатой форме журналист излагал свои мысли, которые приводили к острым дискуссиям. Недолюбливал Розанова (об этом ниже), однако высоко ценил его как писателя и находил большое с ним биографическое сходство. В 1918 г. зверски вместе с шестью малолетними детьми был расстрелян большевиками, именно его З.Н. Гиппиус в своих воспоминаниях ошибочно приняла за Розанова, когда писала, что убит один из сотрудников «Нового времени».

В.В. Розанов в «Новом времени»

В «Дневнике» А.С. Суворина 26 марта 1899 г. было записано: «Леся говорил с Розановым, приглашая его в редакцию, обещал 300 рублей жалованья и 8 копеек со строки. Он на службе 22 года, и ему жаль пенсии. Резон – получает он в конторе, 2200 рублей да работами в журналистике 1500–1800 рублей»⁵⁹. В это время из газеты со скандалом ушел А.В. Амфитеатов, и Суворину срочно нужен был человек, обладавший не менее яркими творческими способностями. Именно эти качества увидел он в Розанове.

Между Розановым и редакцией газеты был заключен совместный договор, согласно которому он, становясь постоянным сотрудником «Нового времени», «обязуется и хочет приложить весь ум и старание к возвышению чести и литературного достоинства газеты»⁶⁰. В свою очередь издание должно было гарантировать выплату постоянного жалованья, гонорары, отпуск на полтора месяца с сохранением жалованья, проявить понимание (в том числе и материальное) в случае болезни или других бедственных событий в жизни Розанова. И все это должно выполняться с

⁵⁸ *Абрамович Н.Я.* «Новое время» и соблазненные младенцы. С. 31.

⁵⁹ *Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* С. 325.

⁶⁰ Проект условий между редакцией «Нового времени» и В.В. Розановым // *Налепин А.Л., Померанская Т.В.* Розанов@etc.ru. М.: Центр. издат. дом, 2011. С. 144.

честью и свободно, никакая тень угрюмости не должна портить литературы. «“Отравленная душа” есть “отравленная литература”»: и всякое мучение автора есть вред газете... но так как жизнь многообразна и изменчива, сотрудник В.В. Розанов и Редакция “Нового времени” обещают вообще любовно хранить интересы друга друга, делая все к возможному обоюдному споспешествованию»⁶¹. Розанов согласился на все условия и документ был подписан. Так, почти в 44 года он начал свою журналистскую карьеру.

Надо заметить, что до этого Розанов давно с легкой руки своей «литературной няньки» Н.Н. Страхова подрабатывал в различных изданиях, но это были, как правило, длинные статьи на религиозно-философские темы. Так, своеобразным началом журналистской работы В. Розанова стала его статья «Место христианства в истории», вышедшая в «Русском вестнике» в 1890 г. (позднее она была издана брошюрой). Она получила хорошие рецензии. Высокого мнения о ней был Вл. Соловьев. Немало способствовал ее распространению и Страхов, опубликовав положительную рецензию в «Новом времени». Сам Розанов вспоминал: «Ей никогда и ни от кого не слышал порицания, а памятование ей слышал даже через 10 лет. Эта статья одна и сразу дала мне имя и положение, – не то в литературном мире, не то вообще в мире читателей. И это “положение” сразу же было прекрасное и серьезное»⁶². Он тяготел к философской проблематике, и его огромные трактаты публиковались преимущественно в консервативных изданиях. Этот период его творчества отличался определенным консерватизмом. Сам Розанов называл это время своей журналистской деятельностью «катковско-леонтьевским».

Розанов сотрудничал во многих газетах и журналах: «Русский вестник», «Русское обозрение», «Московские ведомости», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Народ», «Мировые отношения», «Русский труд», «Вешние воды» и др. Но только в «Новом времени» он работал постоянно – 18 лет – с 1899 по 1917 г. В газете Розанов опубликовал около 1700 статей – это около 70% его газетных публикаций.

За шесть лет до своего прихода в газету Розанов обращался к Суворину с просьбой о публикации своей знаменитой статьи о «Свободе и вере» (см. ниже). Он выдвинул жесткие условия ее публикации, касавшиеся содержания и гонорара. Обращает на

⁶¹ Там же. С. 145.

⁶² *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Лондон, 1992. С. 203–204.

себя внимание почтительность Розанова не только по отношению к главному редактору, но и к газете в целом. В коротком письме он несколько раз употребил определение «уважаемая газета». Суворин ответил вежливым, но справедливым, даже по мнению самого Розанова, отказом. Он сослался на объем, неприемлемый для газеты, весьма туманное содержание: «...мне было трудно читать Вашу статью, и я даже не уверен, понимаю ли я ее так, как следует»⁶³. Однако Суворин предложил сотрудничество. Но Розанов не откликнулся на это предложение, и только через много лет он понял, какой возможности обрести материальную независимость он лишился. «...Целых пять лет положительно были отравлены (для писательской деятельности) беспросветной материальной нуждой. Простая догадка писать “Заметки” спасла бы все; но я не умел в то время писать “Заметок”, все выходило “трактаты”»⁶⁴. Тем не менее Розанов в течение этого времени периодически публиковался в газете, больше контактируя с Алексеем Алексеевичем Сувориным (1862–1937), который был в то время редактором издания.

Старший сын Алексея Сергеевича обладал незаурядными деловыми и творческими качествами, сильным, волевым характером. Несмотря на молодость, он был опытным газетчиком и решительно и бескомпромиссно настаивал на изменениях в материалах Розанова, указывая на недостатки. Он писал об одном из его фельетонов: «Я внимательно прочитал его и нахожу, что идея его выявлена нерельефно, т. е. несколько растянуто. Мешает легкому усвоению его во многих местах изобилие истолковательных вставок, дополнений к сказанному уже... Эти вставки отвлекают мысль читателя на различные высказывания частности идеи, и Ариаднина нить у него выскальзывает. Необходимо так же уменьшить размер фельетона. 500–600 строк, в крайнем случае, 700 – это предел того, что может дать газета для фельетона, иначе придется его рвать на два нумера»⁶⁵. Иногда А. Суворин возвращал Розанову его фельетоны, считая их слишком отвлеченными для газеты, иногда просил сместить акценты. Так произошло с материалом, посвященном памяти Ф.Э. Шперка, близкого друга Розанова. «Очень трудно говорить о Шперке, так как знали его все-таки

⁶³ Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. М., 1992. С. 60.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Суворин А.А. – Розанову В.В., 11 ноября 1896 г. РГБ. Ф. 249. М. 3822. Ед. хр. 7.

очень немногие и фамилия его была не Пушкин...»⁶⁶, – аргументировал свои возражения молодой редактор «Нового времени», убеждая Розанова снизить патетический тон. Суворин-младший не обладал в полной мере той тактичностью, которой отличался его отец по отношению к Розанову. Однажды он попросил Розанова прочитать свой материал вслух, чтобы яснее внести исправления и справиться со смысловой загруженностью текста, ненужной в газетном варианте. «Мысль прекрасная становится прекрасной с той минуты, как она безусловна ясна. Вот весь мой взгляд на вопрос “стиля”... Газета есть форма сама по себе, и очень культурная форма, как же ей не быть требовательной к форме всего, что в нее входит»⁶⁷. Розанов старался прислушиваться к советам и преодолевал стилистические витиеватости и смысловые туманности в своих материалах. Однако для него гораздо легче было написать новую статью, как вспоминает его дочь Татьяна, чем исправить уже написанное. А.С. Суворину не понравился фельетон о Толстом, и Розанов оправдался весьма своеобразно: «Фельетон Вы прикажите разобрать; а если Бог внушит мне переделать в понятную форму о Толстом, это будет новый фельетон»⁶⁸. Журналистика привлекала Розанова обширным полем деятельности, разнообразием тем, богатством возможностей. Правда, обращение «начинающего» публициста к «чужим темам» порой оборачивалось для него неприятностями в редакции.

«Новое время» весной 1900 г. вело полемику с другими изданиями о размерах кораблей русского флота около китайской границы, отдавая предпочтение большим судам. Кампания была почти уже выиграна, как вдруг появилась заметка Розанова с риторическим вопросом «Какие же суда выгоднее иметь России – большие или маленькие?» Алексей Суворин был просто вне себя от возмущения подобной постановкой вопроса уже почти решенной дилеммы. «С каких пор Вы стали специалистом по военно-морской технике?»⁶⁹ – саркастически задал он вопрос

⁶⁶ Суворин А.А. – Розанову В.В., приблизительно 1897. РГБ. Ф. 249. М. 3822. Ед. хр. 7.

⁶⁷ Суворин А.А. – Розанову В.В., май 1898. РГБ. Ф. 249. М. 3822. Ед. хр. 7.

⁶⁸ Розанов В.В. – Суворину А.С., приблизительно 1898 // Абрамович Д.И. Письма русских писателей к А.С. Суворину. Л., 1927. С. 148.

⁶⁹ Суворин А.А. – Розанову В.В., 14 июня 1900. РГБ. Ф. 249. М. 3822. Ед. хр. 7.

Розанову. В резкой форме дал понять ему, что его материал будет иметь вредные для общества последствия. Розанов спокойно отнесся к проявлению темперамента редактора газеты, на конверте этого письма он написал, разрешив ситуацию по-философски: «Молодой». Замечания младшего Суворина в основном носят формальный характер, его больше волновало газетное дело в целом, чем проблемные сотрудники редакции. Четко выполняя поручения отца, Алексей быстро реагировал и по возможности разрешал напряженные ситуации, не вдаваясь в механизмы психологического восприятия своих вежливых требований и категоричных советов.

Периодически, а со временем все больше и больше сам А.С. Суворин будет в мягкой форме наставлять Розанова, деликатно и в то же время довольно жестко давая понять невозможность публикации в газете чересчур сложных статей на слишком серьезные темы: «Странный афористический язык, пересыпанный текстами из Библии и русских писателей: трудно одолевается. Мысль прячется, точно конфузится показаться на свет Божий. ...согласитесь, если Буренин и я – мы не понимаем, то и огромное большинство читателей – тоже не поймут»⁷⁰.

Почти за десять лет до прихода Розанова в редакцию Н.Н. Страхов дружески критиковал его, указывая именно на эти недостатки в статьях. Правда, Страхов хорошо понимал и чувствовал Розанова, гораздо больше, чем молодой Суворин, его советы полны дружеского участия: «Пишите: 1) небольшие статьи; 2) о предметах интересных; 3) с ясным началом и ясным концом»⁷¹. И Розанов, всегда остро реагировавший на любую критику, воспринимал замечания как Страхова, так и позднее Суворина с большим вниманием и почтением.

Он прислушивался к словам и наставлениям тех, кого любил и чьим мнением дорожил. Розанов понимал, что работа в газете обязывает ко многому и пытался рационально направить в определенное русло свои литературные фантазии, но в определенной сфере вопросов он был непреклонен. Алексей Суворин деликатно обошел одну просьбу Розанова молчанием, и тогда тот обратился к Суворину: «Да, вот какое дело: если б Вы мне дали в

⁷⁰ Суворин А.С. – Розанову В.В., 12 августа 1998 // Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. С. 60.

⁷¹ Страхов Н.Н. – Розанову В.В., 15 февраля 1889 // Розанов В.В. Литературные изгнанники. С. 160.

“Новом времени” богато разработать, правда, щекотливую тему – о поле и половом»⁷².

Суворин не любил не только половой, но и даже семейной темы, но очевидно, что согласие было дано. Для публициста, глубоко пережившего личную драму, связанную непосредственно с проблемами брака и развода, это имело огромное значение. Еще будучи студентом университета, Розанов был женат на А.П. Сусловой, «инфернальной женщине» и роковой любви Ф.М. Достоевского. Попытка таким образом приблизиться к тайне писателя обернулась для Розанова драмой. Суслова не давала Розанову развода, поэтому второй его брак с В.Д. Бутыгиной считался гражданским, дети незаконнорожденными, а сам Розанов двоеженцем. Несомненно, что прежде всего этим личным обстоятельством был вызван бунт Розанова против Церкви и устоев общества по вопросам семьи и брака. Основная тема его книги «О понимании» (познание бытия через призму понимания) получила весьма своеобразное развитие и продолжение в теме пола. Философский интерес Розанова трансформировался в иную плоскость – культурологическую. А тема семьи стала логическим завершением розановского неприятия аскетизма в христианстве. В этом также кроется интерес Розанова к Египту и иудаизму. Розанов замечал, что в Ветхом Завете семья была полигамной, а в Евангелии об этом ничего не пишется. «Собственно говоря, мы имеем очень двусмысленного характера семью и брак. Евангелие не имеет на это взгляда...»⁷³ Надо заметить, что больше всего Розанова волновали два вопроса: развод и незаконнорожденные дети. Публицист пытался поставить вопрос метафизический: у Бога не может быть незаконнорожденных. Розанов страстно отстаивал свои взгляды, оперируя всеми возможными доводами и аргументами. В статье «Спор об убитом ребенке» Розанов большой статьей отвечает «Гражданину», написавшему об убийствах матерями незаконнорожденных детей. Публицист верно выявляет главную причину этого явления – «от разделения любви на “законную” и “незаконную”»⁷⁴. Для него

⁷² Розанов В.В. – Суворину А.С., конец 90-х // Письма русских писателей к А.С. Суворину. С. 148.

⁷³ Розанов В.В. – Суворину А.С., без даты ~ 90-е к концу // Там же. С. 145.

⁷⁴ *Розанов В.В.* Спор об убитом ребенке // Новое время. 1900. 4 окт. № 8838.

неприемлема сама постановка этого вопроса в русском обществе, ибо «ни государство, ни религия не вправе становиться между детьми и родителями»⁷⁵.

С проблемой незаконнорожденных детей неразрывно связана проблема развода. Со страниц «Нового времени» Розанов активно пропагандировал эту крамольную для русского общества идею. Розанов был убежден в мистическом таинстве семьи, считая, что крепкой может быть только непорочная семья. Только развод дает возможность очищения и образования новой семьи. «Развод – есть постоянный канал, через который совершается очищение главного социального института (семьи)»⁷⁶. Публицист приводит в свою защиту даже статистические данные о незаконнорожденных в Петербурге: «В 1898 году среди православных – 50%, у католиков – 13%, протестантов – 9%, евреев – 0,6%, магометан – 0,3% от общего числа рожденных детей»⁷⁷. Слабость православной семьи Розанов видит в несовершенстве развода. Подобные взгляды Розанова вызвали большой резонанс в обществе. Так, например, в 1901 г. вышла брошюра протоиерея А. Дернава «Брак или разврат. По поводу статьи г. Розанова о незаконных детях. Отпор на призыв к бесформенному сожитию или, вернее, к половой разнузданности, и охранение святости брачного союза».

Борьба Розанова возымела действие. В 1902 г. был принят закон, согласно которому в свидетельстве о рождении внебрачного ребенка снималась пометка «незаконнорожденный». В 1904 г. было разрешено вступать в брак лицам, разведенным за прелюбодеяние, а в 1907–1909 гг. Розанов на страницах газеты активно участвовал в обсуждении проекта «Закона о разводе». Практически до конца своего сотруничества в «Новом времени» Розанов разрабатывал эту тему.

Надо заметить, что Суворин не благоволил и к этой проблематике: «Отчего бы вам не написать программы... нет, не программы, а повесть о брачном устройстве. Нынешний брак – чуело. ...из Ваших же статей я никогда не мог понять, чего Вы желаете?»

⁷⁵ *Розанов В.В.* Имущество, титулы и дети // Новое время. 1900. 8 нояб. № 8873.

⁷⁶ *Розанов В.В.* О непорочной семье и ее главном условии // Там же. 1899. 7 окт. № 8481.

⁷⁷ *Розанов В.В.* Цифровые данные о незаконнорожденных // Там же. 1900. 22 дек. № 8917.

Давайте проповедовать магометанство»⁷⁸. Розанова искренне удручало подобное отношение к животрепещущим проблемам человеческой жизни: «Образ мыслей моих, за годы писаний, в значительной степени не понят был обществом»⁷⁹. Суворин же был твердо убежден, что Розанов перебарщивал в своих статьях на эту щекотливую для общества тему. Он категорически отказался печатать в газете фельетон Розанова о «Коринфской невесте», в котором публицист размышлял о некрофилии как о некоей мистической тайне, мотивировав свой отказ логическими доводами здравого смысла. «Я не философ, но я твердо знаю, что не дело газете печатать судебно-медицинские протоколы о любовных актах не только с мертвыми, но даже с живыми. Это дело специальных исследований, и притом в странах с полной свободой печати»⁸⁰. В газете эти статьи выходили либо под фамилией Розанова, либо под псевдонимом. Таким образом Суворин подчеркивал их субъективность.

Совсем по-другому Алексей Сергеевич относился к проблеме просвещения и образования. Это была тема, хорошо знакомая Розанову (он в течение долгих лет после окончания университета учительствовал в провинциальных гимназиях и знал проблемы «изнутри»). С начала подготовки школьной реформы (1900) Розанов уделял этому вопросу много внимания. Он живо откликался на все события, обсуждая на страницах «Нового времени» все спорные проблемы. Розанов выступал одновременно как хроникер и аналитик. На работу Государственной комиссии по улучшению средних учебных заведений Розанов откликнулся рядом статей: в «Важной комиссии»⁸¹ он выступал за национальную школу; в «Удлинении учебного урока»⁸² публицист ратовал за увеличение урока, что благотворно скажется и на качестве знаний ученика и на работе учителя; в «Здоровье учеников»⁸³ ставил вопрос о плохой работе врачей в гимназиях. В статье «О национальной школе» Розанов с недовольством отмечал, что слишком много внимания уделено изучению Горация, Овидия, Вергилия,

⁷⁸ Суворин А.С. – Розанову В.В., 29 июля 1901 // Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. С. 77.

⁷⁹ Там же. С. 78.

⁸⁰ Там же. С. 84.

⁸¹ Новое время. 1900. 7 янв. № 8571.

⁸² Там же. 15 янв. № 8579.

⁸³ Там же. 19 янв. № 8583.

«огромное и даровитое и серьезное русское оригинальное развитие мы выпускаем из школы»⁸⁴. Розанов считал, что классицизм устарел в образовании, что чтение русских классиков благотворно повлияет на школу. Розанов поддержал идею г. Гайяра заменить классную систему преподавания на предметную: «классная связность предметов есть такая педагогическая аномалия, над которой давно надо задуматься» («Предметная система в школе»)⁸⁵. На страницах «Нового времени» Розанов жестко критиковал несовершенную образовательную систему России, существовавшую вне традиций культуры и народа и приводившую к нигилизму. Он призывал: «Дайте в школу русский строй, русский быт, русский дух, русской гордости и русского народно-исторического ума» («Важная комиссия»)⁸⁶. О системе образования в школе Розанов полемизировал с «Русским вестником» и «Гражданином» кн. Мещерского, который был его оппонентом. Эту дискуссию поддерживал А.С. Суворин: «Мне думается, с Мещерским надо бы поспорить, и серьезно... У нас совсем почти полемики нет. А она именно необходима»⁸⁷.

Тема образования – тоже одна из ключевых в журналистском наследии Розанова. Его статьи вызывали интерес в обществе и немало способствовали школьной реформе в начале века. В этом же ключе написана статья Розанова «Университет в образовании русских писателей»⁸⁸. Публицист обращал внимание читателя на то, как часто в воспоминаниях о писателях стоит вопрос об университетском образовании, и считал, что он немаловажен. Отвлекаясь от начального тезиса, журналист выделял университет в особую систему ценностей, которой должен обладать духовно развитый человек: «Университет не есть только знание; он есть метод, способ – мышления, работы, занятий»⁸⁹. Суворин одобрял позицию Розанова по проблемам просвещения, поэтому многие статьи журналиста часто печатались на второй и третьей полосах без подписи как редакционные, оплачиваясь по самым высоким ценам за строку.

⁸⁴ Новое время. 1900. 28 янв. № 8592.

⁸⁵ Там же. 6 февр. № 8601.

⁸⁶ Там же. 7 янв. № 8571.

⁸⁷ Суворин А.С. – Розанову В.В., июнь 1900 // Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. С. 76.

⁸⁸ Новое время. 1900. 25 мая. № 8710.

⁸⁹ Там же.

Много внимания уделял Розанов проблемам русской интеллигенции начала века. «Наша интеллигенция обо всех подумала, но о себе она не подумала. В истории своего развития она очень похожа на всеобщего опекуна, собственное имущество которого было расхищено в то самое время, как он деятельно устраивал, хлопотал, мучился за других»⁹⁰. Он пропагандировал идею практического знания, призывал к организации школ, в которых можно было бы получить нужную стране и обществу профессию. Больно наблюдать, пишет уже в другой статье публицист, что огромное количество русских людей гибнут, спиваются, так и не найдя применения своей одаренности. Необходимы учебные заведения, ибо «Россия до такой степени утомлена зрелищем огромного множества никуда не примененной интеллигентности, и в ней до такой степени все хлебное и практическое захватывают иностранцы, что практичность школы для нее есть вопрос насущного существования»⁹¹.

Поражают разнообразие вопросов, которые рассматривает Розанов, и удивительное их прочтение в статьях журналиста. Острый взгляд Розанова всегда находит оригинальный поворот, своеобразный оттенок для любой проблемы. Интересны его фельетоны на свободные темы. Размышляя об основе человеческого бытия (семья, собственность, труд), Розанов смело проводит параллель между Россией и Европой в этих вопросах. С горечью он пишет, что деньги, работа, семья – это у Европы. «В России же пока важен только один вопрос: “Как нам умереть” – о, это мы знаем. Как нам “отречься”, сузиться, умалиться и вообще пессимистически сходить “на нет” в бытии своем – об этом целая наука...»⁹². Безжалостен и его вывод: «Но как нам расти? – Это мы умеем только, как дикие звери. В этой постановке вопроса все и дело»⁹³. Надо заметить, что Розанову присуща реалистичность в оценках окружающей действительности. Он здраво оценивает происходящее, ничего не приукрашивая, без ложного стыда, с одной стороны, но и без героического пафоса, с другой. В его статьях о России сквозят боль и глубокое сопереживание вместе с верой в лучшее будущее.

⁹⁰ Там же. 21 марта. № 8644.

⁹¹ *Розанов В.* Труд и искусство // Новое время. 1900. 18 марта. № 8641.

⁹² *Розанов В.* Три кита // Там же. 8 марта. № 8631.

⁹³ Там же.

«Новое время» была патриотической газетой, и упреки Суворину в антисемитизме и нелюбви к иностранцам имеют под собой реальную почву. Отношение Розанова к этому вопросу очень сложно и неоднозначно. Постижение иудаизма – одна из ключевых тем его творчества, напрямую связанная с мистерией Пола, о которой он самозабвенно писал. В нем было, по верному замечанию Голлербаха, «совмещение психологического юдофильства с политическим антисемитизмом»⁹⁴. К сожалению, Розанов периодически публиковал в газете статьи двусмысленного содержания в адрес еврейского меньшинства в России. Газета с позволения Суворина позволяла антисемитские выпады, хотя Розанов горячо опровергал это: «...в газете “антисемитизма” никакого решительно нет, а есть – дело, есть – очевидность, и именно “захвата” русского в России»⁹⁵. В период дела Бейлиса (1912–1914) (более подробно этот вопрос будет рассмотрен ниже) он открыто призывал к мести за убиенного христианского младенца Андриюши Ющинского, требовал пересмотра решения суда, делал глобальные выводы о засилье евреев и губительности их влияния на Россию.

В 1914 г. Розановым были написаны четыре нетерпимых по отношению к евреям книги: «В соседстве Содома (истоки Израиля)», «Европа и евреи», «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», «Ангел Иеговы у евреев». В конце жизни Розанов с глубоким чувством раскаяния и стыда вспоминал о своих выпадах против евреев и просил сжечь эти книги. Но статьи Розанова на эту тему являются неотъемлемой частью его творческого наследия и без них невозможен полный анализ его журналистской деятельности и позиции в публицистике.

Составитель полной библиографии статей Розанова в «Новом времени» С.А. Цветков дал полную картину его журналистской деятельности, включая гонорары и заметки публициста на полях своих статей (ОР РГБ. Ф. 249). Приведем некоторые итоговые данные, сделанные на основе собственных подсчетов:

1900 – всего 104 публикации, из них без подписи (считаются редакционными) – 47;

1901 – всего 148 публикаций, без подписи – 65;

1902 – всего 132 публикации, без подписи – 52;

1903 – всего 68 публикаций, без подписи – 21;

1904 – всего 59 публикаций, без подписи – 7;

⁹⁴ Голлербах Э.В. В. Розанов. Жизнь и творчество. М., 1991. С. 67.

⁹⁵ Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. С. 46.

- 1905 – всего 82 публикации, без подписи – 25;
- 1906 – всего 118 публикаций, без подписи – 64;
- 1907 – всего 74 публикации, без подписи – 48;
- 1908 – всего 117 публикаций, без подписи – 55;
- 1909 – всего 107 публикаций, без подписи – 34;
- 1910 – всего 76 публикаций, без подписи – 6;
- 1911 – всего 100 публикаций, без подписи – 11;
- 1912 – всего 104 публикации, без подписи – 3;
- 1913 – всего 64 публикации, без подписи – нет;
- 1914 – всего 85 публикаций, без подписи – 3;
- 1915 – всего 60 публикаций, без подписи – 1;
- 1916 – всего 89 публикаций, без подписи нет.

Так, в начале Розанов очень часто печатался в газете и публиковал много статей без подписи. С 1910 г. Розанов практически не писал неподписанных статей, в основном редакционных. Самое большое количество статей Розанов издал в 1901 г. (трижды он публиковал по три статьи в номер, двенадцать раз по две статьи), самое незначительное – в 1904 г. После смерти Суворина в 1912 г. Розанова печатали гораздо реже (60 статей в год), и так продолжалось до закрытия издания в 1917 г., об этом, кстати, вспоминала и его дочь Татьяна: «...в газете “Новое время” отца неохотно печатали. А.С. Суворина уже не было в живых, редактором был его сын Борис. Из редакции “Новое время” отец всегда возвращался очень грустным и морально убитым»⁹⁶. Розанов начинал с восьми копеек за строку и дошел до двадцати копеек – это было самым высоким гонораром в газете. Только Суворин в редакции не получал гонораров, добровольно от них отказываясь. «Кстати, до чего, я думаю, технически неловко, что Вы за статьи свои гонорара не получаете: прямо неудобно работать»⁹⁷, – сокрушался Розанов, ведь Суворин всегда мгновенно реагировал на любые просьбы о повышении гонорара своим журналистам. «“Новое время” представляет собою гарантию для талантливых людей в том отношении, что они имеют возможность совершенно обеспечить свое будущее и будущее своей семьи»⁹⁸. Всего Розанов опубликовал в

⁹⁶ *Розанова Т.* «Будьте светлы духом» (Воспоминания о В.В. Розанове). М., 1999. С. 70.

⁹⁷ Розанов В.В. – Суворину А.С., 18 мая 1904 // Абрамович Д.И. Письма русских писателей к А.С. Суворину. С. 161.

⁹⁸ Суворин А.С. – Розанову В.В., декабрь 1903 // Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. С. 86.

«Новом времени» около 1677 статей, в том числе на литературные темы – 120 статей, без подписи – 470.

Розанов работал в самых разнообразных жанрах: фельетон, очерк, развернутые критические обзоры или статьи, маленькая зарисовка. Он мало публиковал репортажей и никогда не брал интервью. Его больше привлекали крупные жанры, но Суворин в эти годы считал фельетон уже отжившим и требовал в публицистике краткости и динамичности. Ему вообще больше нравились неподписанные статьи Розанова (повторимся, что очень часто они шли как редакционные). Как правило, эти материалы были небольшого объема с четко и ярко изложенной проблемой, нередко полемические. «В неподписанных статьях Вы трезвее, если можно так выразиться, но их почти всегда узнаешь». «Все Ваши передовые статьи без подписи превосходны»⁹⁹. Эти статьи печатались в основном на второй и третьей полосах. Обычно Розанов печатался каждый третий день, но иногда получалось писать подряд несколько дней и даже по две статьи в номер.

Ни у кого в редакции не было такого количества псевдонимов, как у Розанова, даже у Суворина. У него их было 22, а у Розанова – 47. Многие из псевдонимов говорят о мировоззрении и мироощущении публициста, являются неким поясняющим биографическим кодом. Именно в их пестроте и разнородности и отражается многообразие розановской журналистской души, все они усиливают восприятие текста Розанова. Ибис отражает его увлечение Египтом, Варварин – трепетное отношение к другу (жене Варваре Дмитриевне Бутягиной), Обыватель – увлечение мелочами быта и намеренное снижение авторского образа, Елецкий – преподавание в Ельце после окончания университета, Ветлугин – рождение в Ветлуге, Костромской губернии, «Дачник из Териок» – что-то вроде местного обывателя¹⁰⁰.

Розанов был необъятен в выборе журналистских тем, непредсказуем в освещении проблем и анархически свободен в выводах и убеждениях. Отчасти этому способствовала и атмосфера «Нового времени». Дисциплина в редакции была свободной, каждый занимался своим делом, не контролируя друг друга.

⁹⁹ Суворин А.С. – Розанову В.В., декабрь 1903 // Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. С. 86, 117–118.

¹⁰⁰ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960 гг. Т. 4. С. 407 (Розанов), 458 (Суворин).

Суворин оставался верным своему правилу «не насиловать волю сотрудников». Все его замечания и возражения Розанову всегда носили дружеский и деликатный характер. Он обладал уникальным даром ненавязчиво создавать талантливых журналистов. Розанов не стал исключением в ряду тех, кто работал в газете. Розанов отдавал статью наборщику (у Суворина был специальный наборщик для него, манера работы публициста и почерк требовали кропотливого рассмотрения его текста рабочим типографии), затем вычитывал корректуру, потом статью читал редактор Ф.И. Булгаков. Розанов нередко с ним ссорился из-за текста и периодичности своих публикаций. А когда их взаимоотношения дошли до апогея враждебности, он пожаловался Суворину: «Что это за отношение к делу, к литератору, к сотруднику, что со словами “Это написано для денег” берут ножницы и отстригают увлечение Ваше, любовь Вашу. Точно сердце выстригают... Скотство это, а не литература, скотское отношение к писателю...»¹⁰¹. Он попросил Суворина лично редактировать статьи. Суворин заметил отношение Булгакова к Розанову и стал сам его править.

Взаимоотношения с сотрудниками у Розанова складывались сложно. Его не очень любили в редакции за зыбкость общественных позиций (с 1905 по 1912 г. Розанов под псевдонимом В. Варварин сотрудничал в либеральном «Русском слове» с разрешения Суворина, многие об этом догадывались), идеологическую неустойчивость, странность тем и специфическую стилистику изложения. В поисках большей и разнообразной читательской аудитории Розанов даже пытался печататься в газете «Новая жизнь», которую издавали Минский с Лениным. Многие недолюбливали Розанова. «А некоторые, как Меньшиков и Буренин, и вовсе не переносили»¹⁰². Сам Розанов немало способствовал негативному к себе отношению.

Так, М.О. Меньшиков не смог простить публицисту статьи «Кроткий демонизм» (Новое время. 1897. 19 нояб. № 7806). В ней Розанов резко критиковал его высказывания о пошлости и ненужности любви. Полемизировал с ним он и по вопросам взаимоотношения христианства и язычества. А в 1903 г. Меньшиков спрово-

¹⁰¹ Розанов В.В. – Суворину А.С., приблизительно осень 1903 // Абрамович Д.И. Письма русских писателей к А.С. Суворину. С. 159.

¹⁰² *Лутохин Д.А.* Воспоминания о Розанове // Василий Розанов: Pro et contra. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 1995. С. 194.

цировал своим фельетоном «Титан и пигмеи» (Новое время. 1903. 28 марта. № 9716) закрытие Религиозно-философского собрания. Розанов не уважал Меньшикова за жадность. Не жаловал он и И.А. Гофштеттера. Сначала их взаимоотношения складывались дружески, и даже во время поездки в Германию Розанов оставил в его семье своих младших детей – Васю и Надю. Но несмотря даже на то что Гофштеттер защищал Розанова в печати в 1914 г., когда его исключали из Религиозно-философского общества, последний резко отзывался о нем как о плохо образованном и тщеславном журналисте. «Едва ли он знает географию в пределах второго класса гимназии, но подает в печати государственные советы, как управлять Россией»¹⁰³. Что же касается Буренина, то столь резкое определение их взаимоотношений несколько преувеличено. В том же письме к Суворину, в котором он жалуется на Булгакова, Розанов пишет, что единственный человек, который его понимает в редакции, – это Буренин. Их взаимоотношения не могли быть простыми, нередко они писали на одни и те же темы, иногда полемизировали, но Розанов считал его порядочным человеком и уважительно к нему относился.

Любил Розанова в редакции газеты только Суворин. Он понимал одаренность Розанова, специфичность его творческого дара и позволял ему все. Вряд ли Суворин в глубине души был в восторге от идеи публиковаться во враждебном ему издании, но все же разрешил это сделать, чувствуя, что дело не столько в деньгах (Суворин несколько раз повышал гонорары Розанову за строку), сколько в другом – в необходимости воплощения ста тысяч точек зрения на один и тот же предмет, по словам публициста. Суворин обласкал в «Новом времени» Розанова, «изнывающего в провинции в бедности и не на любимом деле, как в свое время пригрел Чехова. Много за это отпустится грехов А.С. Суворину»¹⁰⁴.

Розанов до конца жизни сохранил благоговейное отношение к Алексею Сергеевичу. В статье, посвященной его памяти, он искренно восхищался его талантом, считал одним из лучших журналистов своего времени, называл Ломоносовым в русской журналистике и великим человеком России. Написал о нем очень теплые воспоминания и никогда не забывал о той руке помощи, которую ему протянул Суворин. Тем не менее книга Розанова

¹⁰³ *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 2-й // *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. С. 456.

¹⁰⁴ *Лутухин Д.А.* Воспоминания о Розанове. С. 194.

вызвала негодование в семье Суворина. Михаил Суворин послал ему гневное письмо: «Многоуважаемый Василий Васильевич! Я решительно против Ваших вторжений в нашу частную жизнь и в Вашем освещении. Буренин, Гей, брат Борис сочли мнения, что появление подобной книги – личное оскорбление. О чем спешу Вас уведомить»¹⁰⁵. Розанову пришлось вырезать из уже готовой книги часть своих размышлений по поводу деятельности издателя «Нового времени». Но подобная оценка не повлияла на отношение Розанова к Суворину: «Розанов выбрал себе Суворина, предался ему и превыше церкви, превыше Ясной Поляны поставил его суетливый, заваленный ежедневными газетами, пачкающими гранками, шумный от перекрестных разговоров кабинет...»¹⁰⁶

По-иному в разные периоды своей жизни Розанов относился к изданию, в котором работал. В 1905 г., очарованный русской революцией, он даже порывался уйти из газеты, но помешал Суворин. Как нам кажется, газета все-таки тоже «держала» Розанова, и в целом он разделял идеологическую позицию «Нового времени». «В душе я был согласен с “Нов. Вр.” (политика) и не согласен с “Русск. Словом»¹⁰⁷, и в то же он признается: «В “Русское Слово” я не дал ни одной неискренней статьи...»¹⁰⁸ И это высказывание было правдой.

И.Д. Сытин, В.В. Розанов и «Русское слово»

«Покойный Победоносцев говорил: “В России есть две газеты. В Петербурге – “Новое время”. В Москве – “Русские ведомости””. И добавлял: “Больше и не нужно»¹⁰⁹. Но Победоносцев, возмож-

¹⁰⁵ Суворин М.А. – Розанову В.В., без даты // РГБ. Ф. 249. М. 3822. Ед. хр. 8.

¹⁰⁶ *Соловьева И., Шитова В. А.С.* Суворин: портрет на фоне газеты. С. 182.

¹⁰⁷ *Розанов В.В.* Мимолетное. 1914 // Розанов В.В. Когда начальство ушло... М.: Республика, 1997. С. 242.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *Дорошевич В.М.* Журналист Суворин // Дорошевич В.М. Воспоминания. М.: НЛЮ, 2008. С. 606.

но, по принципиальной позиции, был не так точен. В Москве была еще одна газета, на которую стоило обратить внимание, – «Русское слово» Сытина.

«Комнату редакционных совещаний “Русского слова” украшает большой портрет А.П. Чехова. Это долг благодарности писателю за само существование “Русского слова”»¹¹⁰. Случайное знакомство Сытина с Чеховым (по воспоминаниям самого Сытина, на Красной площади к нему подошел молодой человек, окликнул его и представился – это был Чехов) стало не только обоюдно выгодным сотрудничеством, но и настоящей дружбой. Сытин не только издавал книги писателя, но всячески прислушивался к его советам и рекомендациям, тем более когда они совпадали с его собственными амбициозными замыслами. Так, Чехов почти при каждой встрече с Сытиным настойчиво призывал его издавать дешевую, общедоступную, народную газету и в конце концов «не только убедил, но, – по словам Сытина, – положительно зажег меня»¹¹¹. Этот романтически-возвышенный комментарий не совсем точно определяет замысел его создателя. Сытин давно задумывался об издании собственной газеты, и прежде всего он считал это коммерчески выгодным предприятием, которое расширит возможности и укрепит его влияние в издательском деле и принесет немалую прибыль. Еще до знакомства с Чеховым Сытин обсуждал возможность издания газеты с Толстым и Чертковым, а позже еще два раза подавал прошение об издании отдела новостей еженедельной газеты в качестве приложения к журналу «Вокруг света». Но красивая легенда о создании газеты «Русское слово» прочно укрепилась в сознании современников Сытина, которому льстила такая близость к русскому писателю.

У Сытина не было возможности напрямую приобрести газету: все-таки из-за издательства «Посредник» он считался не совсем благонадежным, к тому же отсутствие образования не позволяло ему быть ее редактором (в отличие от Суворина). Но его любимой поговоркой было: «Надо дело делать!», а практическая ловкость и коммерческое чутье верно подсказали ему выход: он решил приобрести газету через подставное лицо. Свой выбор он остановил на приват-доценте Московского университета А.А. Александрове, зная, что среди его покровителей был не только редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков, но и обер-прокурор Синода

¹¹⁰ Доросевич В.М. Воспоминания. М., 2008. С. 644.

¹¹¹ Сытин И.Д. Страницы пережитого. М., 1985. С. 183.

К.П. Победоносцев. С такими именами можно было рассчитывать получить долгожданное разрешение на издание газеты. И Сытин не ошибся – 15 декабря 1894 г. вышел пробный номер ежедневной, политической, общественной, экономической и литературной газеты «Русское слово». Результаты доверия власти к Александрову превзошли все ожидания, газета выходила без предварительной цензуры, главным ее девизом были «Православие, самодержавие, народность». Эти рамки определяли убогость содержания издания, иногда доходившего до шовинизма (в первые годы своего существования издание было консервативно-монархическим). Несмотря на «добропорядочность», газета не вызывала никого интереса у подписчиков. Сытин начал нести убытки. «Мне было грустно и тоскливо. Я чувствовал, что сижу в чужих санях, которые сам же запряг»¹¹². Но он был не из тех, кто останавливается на полпути к достижению своего замысла. Ему необходима была сенсационная газета с большим тиражом, приносящая прибыль. Он был убежден в возможности смены курса издания вместе со сменой ее владельца. Настало время приобрести газету в полную собственность и сменить Александрова.

Сытин целенаправленно стремился к этому и через три года (в 1897 г.) получил свидетельство на право издания газеты «Русское слово». Уже в следующем году тираж начал медленно расти (Сытин перенес ее печатание в специально оборудованную типографию, начал издавать приложения к ней), а убытки сокращаться, но этого Сытину было мало. Он хорошо помнил совет Суворина – на вопрос Чехова о том, как нужно издавать газету, Суворин ответил: «Газету? Прежде всего нужны таланты. Где бы то ни было берите таланты, таланты, таланты»¹¹³. Удачно минуя все ловушки власти, Сытин хорошо понимал, что для популярности «Русскому слову» нужны громкие имена, необходим настоящий мастер своего дела, профессионал высокого класса, который бы возглавил газету, сделал бы ее яркой, интересной, сенсационной и увеличил бы число читателей. Сытин начал поиски способного и талантливого редактора. Неутомимый издатель искал в Москве, ездил в Петербург, по городам русской провинции, был в Одессе. Он мечтал пригласить в свою газету «короля фельетона» Власа Дорошевича (его блестящие злободневные статьи гремели по всей России).

¹¹² Там же. С. 188.

¹¹³ *Дорошевич В.М.* Воспоминания. С. 645.

Первые переговоры был начаты еще тогда, когда Дорошевич работал в «Одесском листке». Журналист пообещал присылать раз в месяц фельетон, но Сытин просил о переезде в Москву и не отступал в своей просьбе. «Этого нельзя. Я ведь дорогой, – улыбнулся Дорошевич, – я всю вашу газету съем»¹¹⁴. В данном случае цена не остановила Сытина – будучи настоящим коммерсантом, он не боялся инвестировать в самые смелые проекты, а Дорошевич был одним из самых рискованных. Сытин хорошо понимал, что талантливые, яркие люди всегда, помимо успеха и денег, могли доставлять еще и много проблем, но неутомимого предпринимателя этого не сдерживало. Ведь именно такого рода начинания всегда окупались в его деле. Так Дорошевич стал редактором газеты «Русское слово». С его приходом «газета не только ожила, но и засверкала»¹¹⁵.

Личностная яркость, блестящее владением материалом, незаурядные организаторские способности и нечеловеческая трудоспособность главного редактора «Русского слова» оправдали коммерческий риск Сытина. «Воробьиными строчками» (определение К. Чуковского)¹¹⁶ Дорошевича зачитывалась вся Россия, а тираж издания неуклонно возрастал. Всего за несколько лет газета превратилась, по меткому определению современников, в «газетного Левиафана» и стала серьезным конкурентом «Нового времени» в Петербурге.

Правда, многих раздражала тематическая «всеядность» и идеологическая беспринципность Дорошевича. Так когда-то его мягко упрекнул Н.К. Михайловский: «...уж очень Вы неуловимы. У Вас будто нет убеждений». Дорошевич мгновенно отреагировал на упрек: «Напротив, Николай Константинович, а нахожу, что у меня их слишком много... каждый день новое»¹¹⁷. Но несмотря на упреки Дорошевичу (в основном со стороны либеральной интеллигенции), именно благодаря ему, его умению, по словам С. Букчина, держать газетную интригу «Русское слово» стало самым популярным изданием в России. Газету читали все слои населения, она пользовалась неизменным успехом как в среде либеральной

¹¹⁴ *Сытин И.Д.* Страницы пережитого. С. 207.

¹¹⁵ *Гиляровский В.А.* «Русское слово» // Гиляровский В.А. Москва газетная. Минск, 1989. С. 180.

¹¹⁶ *Чуковский К.* О Владе Дорошевиче (Эпитафия) // Свобода и жизнь. 1906. 2 (15) окт. № 5.

¹¹⁷ *Дорошевич В.М.* Воспоминания. С. 301.

интеллигенции, так и среди купечества, крестьянства и рабочих. Немаловажным фактором являлась цена: «Русское слово» было одной из самых дешевых газет, годовая подписка стоила семь рублей. Сытин гордился этой стоимостью и даже в кризисные моменты старался ее не повышать. А сложных периодов в развитии его издательской империи было немало.

В декабре 1905 г. началась одна из самых крупных забастовок московских рабочих, к которой присоединились и «сытинцы». Книжная типография стала одним из центральных мест революционной деятельности. В завязавшейся перестрелке между печатниками и солдатами возник серьезный пожар, который практически полностью уничтожил четырехэтажное здание знаменитого сытинского комплекса. Сам издатель в этот момент ехал в Петербург, по его признанию, спасаясь от возможного ареста и даже убийства. На вокзале его ожидали журналисты, которых интересовало отношение Сытина к происходящему в Москве. Позвонив жене и выяснив, что сгорело все, издатель пригласил репортеров в ресторан «отметить» это событие и «кутнуть». Демонстрация почти рогожинской лихости отнюдь не означала отсутствия некой корысти. Конечно, он переживал по поводу случившегося, но, как всегда, был уверен, что даже такой катастрофический поворот сможет принести немалые дивиденды его деятельности, и не ошибся. Официальная версия пожара была весьма и весьма туманна (неизвестно, как начался пожар, но еще более непонятно то, что его не спешили тушить московские пожарные и полицейские). В ходе судебного разбирательства этот вопрос был так и не выяснен, страховая компания отказалась возместить издателю даже часть убытков. Но Сытину больше, чем возмещение материального ущерба, нужна была огласка: власть воспользовалась случаем, чтобы нанести ему удар, во-первых, считая его более либеральным издателем, чем он был, а во-вторых, надеясь подорвать способность к конкуренции. Первое было рекламным подарком для деятельности Сытина, а второе лишь укрепляло его решимость действовать. Он сумел договориться с поставщиками о кредитах и почти через полгода полностью восстановил здание фабрики. Подобный оптимизм и веру в будущее своего дела Сытин черпал в непрерывной деятельности, главным для него было движение вперед к достижению своих коммерческих целей. И на этом пути он победно преодолевал любые препятствия.

За всю историю своей эдиционной деятельности Сытин принимал участие во многих судебных процессах. «Всякий раз

как правительство возбуждало иск по содержанию книги или брошюры, уголовная ответственность автоматически возлагалась на лицо, имеющее статус издателя»¹¹⁸. Бизнес был главной составляющей интересов Сытина, а не литература. Как правило, он не только не читал издаваемых книг, но даже и не знал приблизительно об их содержании. К тому же через его издательство ежегодно проходили сотни рукописей и прочитать их, при такой деловой ежедневной загруженности Сытина, было просто физически невозможно. Адвокаты умело использовали эти доводы и кажущуюся простоту издателя, его «низкое происхождение», чтобы выиграть дело в суде. Сытин мастерски мог казаться «полуграмотным офеней, чрезвычайно умело прикидывавшимся простаком, чтобы поглубже укрыть острую смекалку, сверхъестественно чужающую вкусы и потребности окружающей обстановки»¹¹⁹. Подобная игра часто выручала издателя в наиболее сложных жизненных ситуациях, его способность договориться, интуитивное понимание собеседника и момента приводили к поразительным результатам. Но Сытин отнюдь не был тем «простаком», впечатление, которого он производил. Прежде всего он был жестким предпринимателем, заботившимся о благосостоянии своего дела. Среди современников Сытина были оппоненты, которые давали ему весьма справедливую, но нелицеприятную оценку: «Делая свою карьеру, вы всегда умели приспособляться к требованиям минуты, к запросам времени и рынка. Когда требовался “Бова Королевич”, вы подносили народу “Бову Королевича”. Когда, по-вашему, нужно было в издаваемой вами газете елейничать и черносотничать, вы бы и елейничали и черносотничали. Подуло иным ветром, вы бы стали издавать ходовые красные брошюры. Словом, вы всегда и прежде всего были купцом и заранее учитывали состояние и запросы рынка»¹²⁰.

Именно в начале XX в. «Товарищество И.Д. Сытина» начинает расправляться с конкурентами. Сначала это была типография Г.В. Васильева, затем А.Т. Соловьева, в 1911 г. Сытин приобретает контрольный пакет «Контрагентства А.С. Суворина». В 1913 г. он покупает большой писчебумажный синдикат, что дает ему

¹¹⁸ Руд Ч. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1996. С. 128.

¹¹⁹ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1932. С. 218.

¹²⁰ Книжник-фарисей // Москва. 1909. 6 июля. С. 3.

возможность не беспокоиться о ценах на бумагу. За год до революции Сытин выкупает «Московское товарищество издательства и печати Н.Л. Казецкого» и основной пай своего главного своего конкурента – издательства А.Ф. Маркса. После этого конкурентов практически не было. В планах Сытина был грандиозный проект «Дом книги». Предполагалось, что это будет нечто вроде небольшого городка недалеко от Москвы с печатными предприятиями, домами для рабочих, со школами, больницей, театром. «“Дом книги” был задуман как своеобразный учебный комбинат, в полном смысле, “университет книжного дела”, с издательским, книгопродавческим и типографским отделениями...»¹²¹ Это был широкомасштабный замысел, который Сытин серьезно обсуждал не только внутри «Товарищества», но и уже с крупными дельцами и государственными деятелями. Он все делал с размахом, когда дело касалось его замыслов.

На протяжении своей деятельности Сытин издавал почти все: произведения классиков и современников, учебные пособия (его «Букварь» переиздавался около 30 лет), детскую литературу, журналы, календари, литературу для народа, самую читаемую газету России, брошюры разного содержания, от монархических до революционных (печатал Ленина), многотомные энциклопедии, духовную литературу. В общей сложности он опубликовал около 500 млн книг и полностью изменил издательский рынок России.

Он был грандиозен в проектах, щедр и одновременно паразитически прижимист в деньгах. В Москве ходили слухи, что знаменитая забастовка рабочих в 1905 г. началась из-за Сытина (он решил не платить наборщикам деньги за запятые). В то время набор осуществлялся вручную и рабочий тратил одинаковое количество времени на букву и знак, к тому же в типографии был 12-часовой рабочий день. С другой стороны, он платил своим журналистам самые высокие зарплаты и не скупился, когда дело доходило до гонораров тем, в ком он был заинтересован. Однажды он решил оживить книжное приложение к «Русскому слову» и издавать там работы анархиста П.А. Кропоткина. Сытин, приехав к князю и сделав ему предложение об издании книг, извиняясь, сказал, что больше 10 тысяч рублей сейчас он заплатить не сможет, но заплатит еще 10 тысяч потом. Кропоткин ответил, что готов на

¹²¹ *Динерштейн Е.А.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003. С. 220.

публикацию бесплатно. Сытин изменился в лице и промолчал, а по дороге домой хмуро заметил: «Эх, дура, даже денег не берет за свои книги. Видать, что книги – собачье дерьмо»¹²².

Пригласив Розанова сотрудничать в «Русское слово», Сытин согласился на тайну его псевдонима (так дорожил он талантливым сотрудником). Это произошло вопреки желанию Дорошевича, которому пришлось делать вид, что он не понимает, кто пишет под странным псевдонимом. Статьи под подписью «Варварин» почти шесть лет появлялись в газете и будоражили русскую общественность яркой и неоднозначной тематикой. Но разразившийся скандал, по инициативе Мережковских (об этом ниже), привел к тому, что издателю пришлось принять непростое решение и попросить Розанова уйти из газеты. Но Сытину не хотелось портить о себе впечатление, и он поручил эту деликатную миссию А.В. Руманову, редактору петербургского отделения московского «Русского слова». Он так описал сообщение об отказе в сотрудничестве с Розановым: «В.В., ваши фельетоны такие длинные, а “Русское слово” так дорожит местом, что нам придется отказаться от их печатания. Розанов в ужасе: “Что же мне делать?” Но первого числа Вы будете регулярно получать жалованье. “Как? Буду получать жалованье, даже, если ничего не поместите?” Да. И притом – каждое первое число в течение целого года»¹²³. Розанов был ошеломлен этим предложением, которое, безусловно, смягчило для него утрату сотрудничества с газетой.

Сытин работал всю жизнь, не останавливаясь ни на минуту, фанатично отдаваясь идее служения книгоизданию. Обдумывая и просчитывая каждую сделку, он верил в свое дело и всегда оставался победителем. Но он не смог просчитать то, что власти того народа, к которому он принадлежал, будет не нужна его романтическая идея просвещения, так же как и его талант организатора большого дела. Его сделка с большевиками не состоялась. Несмотря на разговоры с Лениным и нэп, его издательство было конфисковано, а он сам стал никому не нужным пенсионером.

Современники вспоминают, что в 1918 г. Сытин договорился с властями и добился разрешения звонить в Пасхальную ночь на колокольне Ивана Великого. Несмотря на его радость, звон

¹²² Чуковский К. Дневник. 1936–1969. М., 2011. С. 486.

¹²³ Руманов А. Розанов // Руманов А. Штрихи к портретам: Витте, Распутин и другие // Время и мы. 1987. С. 215–216.

этот «при запертом Кремле и безмолвных соборах, производил странное, даже жуткое впечатление»¹²⁴. Эта иллюзорная радость пасхального звона стала последним символическим аккордом в жизни Сытина, но тогда он еще не понял этого. В одном из писем к новой власти он писал: «Мне прибыли не надо. Мне бы только работать»¹²⁵.

Именно у такого человека решил работать Розанов в минуты кризиса и своих сомнений. Он сам объясняет сотрудничество в двух таких разных изданиях прежде всего возросшими материальными запросами своей большой семьи. Но это лишь внешняя причина. Розанов, не вдаваясь в метафизический анализ своего поведения, считал сотрудничество в либеральном «Русском слове» и консервативном «Новом времени» не более чем биографическим фактом. Гражданская позиция в России всегда значила очень много, и этого не мог не знать Розанов. Его многогранная личность никак не вписывалась в общепринятые каноны. Будто специально он провоцировал общественность на скандал не только своими публикациями, но и своим поведением, вызывая бурное осуждение общественного мнения как справа, так и слева. Скорее всего речь идет не о двойственной позиции, а лишь о двух гранях одного целого. Хорошо это прочувствовал Голлербах: «Розанов не был двуличен, он был двулик. Подсознательная мудрость его знала, что гармония мира – в противоречии»¹²⁶. Немногие современники Розанова, к сожалению, так хорошо это понимали.

Очень сложно считать Розанова журналистом в полном смысле слова. В отличие от Суворина Розанов все-таки не мог сказать, что газета была его жизнью. Более того, на определенных этапах творчества Розанову было тесно в жестких рамках ежедневного издания. Но несомненно, что работа в газете помогла ему определить свое «я» в литературе и способствовала возникновению своеобразного уникального розановского стиля. Парадокс Розанова заключается в сочетании мыслителя и газетного публициста. Последние книги отражают его отношение не только к литературе, писательству, но и к газете. Розанов, около двух де-

¹²⁴ Дурьилин С.Н. Москва // Встречи с прошлым. М., 2000. Вып. 9. С. 180–181.

¹²⁵ Лундберг Е. Записки писателя. 1917–1920. Берлин, 1922. С. 202–203.

¹²⁶ Голлербах Э. В.В. Розанов. Жизнь и творчество. С. 74.

сятилетий проработавший в «Новом времени», ненавидел изобретение Гутенберга всей душой. «Это все Мефистофель-Гутенберг устроил. Черная память»¹²⁷. Активно борется Розанов с самим духом печати, который, как он считает, искажает действительность и заставляет читателя принимать ложь за истину. Пресса – «печатная возня». Это еще одно из противоречий розановской души. Всю жизнь он был благодарен Суворину за то, что тот предложил ему работать в газете, и всю жизнь он искренне негодовал на печать. Подобное двойственное отношение вполне вписывается в систему координат Розанова и не является лицемерной попыткой оправдать работу в «Новом времени». Как ни недолголюбивал Розанов газету, она сделала его имя известным всей России и немало способствовала его литературной славе. Бунт против печати отчасти имеет те же истоки, что и его бунт против литературы. Вне печатного слова нет Розанова, и его попытка отстраниться от него отражает возможность экзистенциального выбора, которым он очень дорожил. Для него способность открыто выразить свое отношение – часть внутренней свободы, без которой немислима его личность.

¹²⁷ *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 2-й. С. 430.

Глава 2

От мыслителя к полемисту

Истоки: славянофилы и А.С. Хомяков,
Н.Н. Страхов и К.Н. Леонтьев

«Славянофильство – первая попытка нашего самосознания, первая самостоятельная у нас идеология», – писал Н.А. Бердяев¹²⁸ и добавлял, что у его истоков стоял А.С. Хомяков. Лосский считал его родоначальником русской религиозно-философской мысли и называл В. Соловьева непосредственным последователем его учения. Но феномен этого явления русской духовной жизни будет недостаточно полно осмыслен на современном этапе без анализа его развития в более поздний период. Интересно пронаблюдать, как происходило развитие идей Хомякова, в чем была причина падения его авторитета и отхода от его учения. В рамках истории русской духовной жизни личность подобного масштаба, обладавшая универсальным философским знанием, оказала огромное влияние на своих последователей. Не менее важно, что же вызвало отторжение от учения Хомякова и чем оно было мотивировано. Крах славянофильской доктрины вместе с негативным отношением к ее духовному предводителю Хомякову – это определенный поворот в противоречиях духовной жизни русского общества. Учение Хомякова, нашедшее серьезных последователей после его смерти, в конце XIX – начале XX в. постепенно вульгализировалось и пришло в упадок.

Парадокс восприятия Розановым Хомякова выразил специфику национального сознания рубежа столетия. Розанов в начале творческого пути был одним из самых горячих приверженцев Хомякова и славянофильства, но в более зрелые годы отошел от этого учения и резко критиковал его. Субъективизм Розанова в данном вопросе выходит далеко за рамки единичного суждения.

¹²⁸ Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ, 2007. С. 1.

На материале детального анализа отношения Розанова к славянофильству выясняется скрытая причина его последующего сложного отношения к Хомякову.

Глубокий духовный кризис приводит Розанова, когда-то стипендиата А.С. Хомякова, к славянофильской доктрине, которую он полностью разделяет в период окончания университета и преподавания в провинциальных гимназиях. Розанов в это время тяготеет к поиску определенного нравственного идеала, который он находит в духовном наследии славянофилов. Он запоем читает Хомякова, Киреевского, «Борьбу с Западом» Н. Страхова, аксаковскую газету «Русь». Постепенно начинает следовать национальным традициям. К сожалению, он касается в своих воспоминаниях этого времени вскользь и ограничивается лишь разрозненными упоминаниями: «...я был в это время совершенно погружен в раскольничьи рассказы Андрея Печерского и Хомякова, в Алексея Михайловича и Московский кремль. Ничего, кроме России и ее дедины, для меня не существовало. Любил ходить в церковь, особенно ко всеобщей...» и далее добавляет, «что мы все были или густо, или слабо окрашены славянофильством»¹²⁹.

В этот период своей жизни Розанов тяготел к написанию длинных трактатов на философские темы, несмотря на то что публикация его книги «О понимании» не принесла ожидаемого результата: везде Розанов «услышал» только молчание. Но философическое начало явно располагало к антиномиям и парадоксам. Розанову был всегда интересен сам процесс мышления, он довольно своеобразно трансформировал свое философское видение в иную эстетическую и этическую плоскость. Именно философствование открыло Розанову не только перспективы поиска истины, но и неожиданные пути достижения определенных целей. На первый взгляд кажется парадоксом, как молодой, никому не известный, провинциальный учитель сразу сумел завоевать расположение известных философов своего времени, представителей русского консерватизма, очень разных по характеру и темпераменту, а также по степени творческой одаренности людей – Н. Страхова и К. Леонтьева. Но Розанова нельзя упрекнуть в какой-либо корысти. Прозябая в провинции, он был глубоко одинок, искал духовных сподвижников, нуждался в наставничестве. В свою очередь, Леонтьева и Страхова при всей их

¹²⁹ Цит. по: *Фатеев В.* Жизнеописание Василия Розанова (С русской бездною в душе). СПб.; Кострома, 2002. С. 65.

разности сближало состояние полного одиночества, отчуждение, равнодушие русского общества к их духовным подвигам и трудам. Розанов же проявил тонкое понимание и выразил искренне сочувствие и тому и другому.

«Будучи студентом 3-го курса, я прочел Вашу книгу “Борьба с Западом”. Ваша нравственная личность стала несказанно дорога для меня, и то, что Вы, столь любящей науку, столь тревожащийся за наш народ и за текущую действительность, все еще остаетесь одиноким в нашей литературе (*vox clamantis in deserto*), внушало мне какое-то смешанное чувство любви и жалости к Вам. От всех Ваших сочинений за последние годы веет какою-то невыразимою грустью, безнадежностью. Я думаю, Вам невыразимо тяжело жить. Вы столько любили и любите, а Вам отвечают равнодушием»¹³⁰. Здесь же Розанов называет себя учеником Страхова. Конечно, подобное послание, исполненное чувством глубокого уважения и любви, не могло не тронуть даже такого замкнутого, «застегнутого на все пуговицы» человека, как Страхов. Завязавшаяся переписка со временем вылилась в дружбу. Круг вопросов, обсуждаемых двумя мыслителями был чрезвычайно широк, начиная с философских проблем естествознания и заканчивая литературной критикой и анализом взаимоотношений с великими современниками – В. Соловьевым, Толстым, Достоевским, Леонтьевым и другими. Несмотря на то что по своим воззрениям Страхов был противником европейского рационализма, Розанов заметил, что он был более человеком западной культуры, нежели русской. Анализируя творческую деятельность Страхова (фактически это была рецензия на работу «Борьба с Западом в нашей литературе»), Розанов дает своеобразное видение основного диалектического противоречия славянофильства: «Мы все понимаем только в частностях, смысл же целого от нас скрыт»¹³¹. Да и вообще, замечает Розанов, почему только в России возникает вопрос, «следует ли, оставив путь самостоятельного развития, вступить на путь европейской цивилизации, или удержаться от

¹³⁰ В.В. Розанов – Н.Н. Страхову, 22 января 1888 // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 145.

¹³¹ *Розанова В.В.* Н.Н. Страхов. Его личность и деятельность (О борьбе с Западом, в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов) // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма. М., 2002. С. 30.

¹³² Там же. С. 31.

этого?»¹³². Розанову кажется странным, что все-таки до осмысления общего славянофилы так и не доходят, все время обращая внимание на частности и детали. В попытке разрешить извечный спор между западниками и славянофилами Розанов делает не менее интересное замечание, что если всмотреться в психический склад западников и славянофилов, то «мы найдем в нем обратное тому, что они, видимо, утверждают. Западники являются таковыми лишь в своих стремлениях, – и именно потому, что по своему духовному содержанию и его складу остаются часто еще нетронутыми русскими: славянофилы же, напротив, оттого так страстно тянутся прикоснуться к родному... что уже безвозвратно порвали жизненную связь с ним...»¹³³ Розанов считает, что именно в этом и кроется разгадка безуспешности и безжизненности славянофильского учения. Основное различие этих двух партий для молодого мыслителя в том, что одни не могут поступать иначе, а другие иначе мыслить. Надо заметить, что эта крамольная мысль Розанова об отрыве славянофилов от их собственных корней и о близости западников к народу понравилась Страхову, и в одном из писем он назвал ее свежей и оригинальной, но тут же со свойственной ему педагогичностью «одернул» Розанова: «напрасно говорить, что славянофилы равнодушны к русской истории, народной словесности»¹³⁴.

Статья была написана в 1890 г. Еще долгие 10 лет Розанов будет томиться в тоске, безвестности и бедности. Но уже яркая, парадоксальная, эстетически и этически экстремистская манера анализа того или иного явления русской жизни начинает проявляться у него в эти годы. И это несмотря на то, что Розанов глубоко и искренно увлечен в тот период славянофильством. Для него «славянофильство не есть только истина, выражаемая, но и некоторое нравственное требование: это – не только доктрина, но и некоторый принцип жизни...»¹³⁵ Именно данное направление отвечало внутреннему складу его души и соответствовало его

¹³² *Розанова В.В.* Н.Н. Страхов. Его личность и деятельность (О борьбе с Западом, в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов) // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма. С. 31.

¹³⁴ Н. Страхов – В. Розанову. 13 сентября 1890 // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 68.

¹³⁵ *Розанов В.* Поздние фазы славянофильства // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М., 1996. С. 213.

умонастроению. Розанов был убежден, что Хомяков, Аксаков, Киреевский заложили драгоценное и нерушимое ядро славянофильства, а такие люди, как Данилевский, Страхов, Леонтьев, продолжили их дело.

Несмотря на уважение и почтение к Страхову, Розанову психологически было гораздо ближе по складу характера, темперамента и творческой манеры изложения другой не менее яркий представитель русского консерватизма – К. Леонтьев. Этой встречи так и не суждено было сбыться. Розанов опоздал встретиться с отцом Климентом и жалел об этом всю жизнь. Узнав о смерти Леонтьева в ноябре 1891, Розанов был искренне и глубоко расстроен.

«Постарайтесь приехать... Умру, – тогда скажете: “Ах! Зачем я его не послушал и к нему не съездил!”. Смотрите! Есть вещи, которые я только Вам могу передать»¹³⁶. Пророческая фраза стала последней в переписке двух мыслителей – Леонтьев умер через 24 дня после этого письма. Розанов так и не успел с ним встретиться, долго собираясь, он все откладывал встречу до лучших времен, уверенный в том, что она обязательна состоится. Неслучайно так звал Леонтьев Розанова, интуитивно чувствуя внутреннее родство при всей разности характеров, темпераментов и склада мышления.

Именно этот молодой, бедный, никому не известный философ, учительствующий в провинции, стал его последним другом и учеником. В свою очередь, влияние Леонтьева на Розанова оказалось гораздо глубже и значительнее и проявилось не тогда, когда он почтительно соглашался с идеями своего старшего наставника, а гораздо позже – в бунте Розанова против христианства и в его нравственном релятивизме.

Парадокс восприятия Леонтьева для Розанова заключается в полном преодолении его главных идей и тем, вполне закономерном трансформированном и переосмысленном возвращении к ним на последнем этапе жизни. Розанов никогда не был эстетом, несмотря на свою близость с декадентами, в том сугубо узком значении, которое было так важно для Леонтьева. Так, например, вспоминая свою первую встречу с Тургеневым, Леонтьев честно признается, что он повернулся бы и ушел, если бы навстречу ему вышел человек с простонародной внешностью. Это было прекрас-

¹³⁶ Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 389.

но, убежден Леонтьев, что Тургенев не только большой писатель, но и барин-красавец с аристократическими манерами. Подобное признание типично для Леонтьева. Прежде всего – красота жизни (словно устами одного из героев Достоевского по поводу клейких листочков и смысла жизни), все остальное было вторичным в мироощущении Леонтьева. «Беспощадный эстет» и «турецкий игумен» – так назвал его Розанов, хорошо уловив главные противоречия в религиозно-философском мироощущении Леонтьева.

Почти за полгода до эпистолярного знакомства, прочитав в Елецкой библиотеке статью тогда ему неизвестного автора «Анализ, стиль и веяние. По поводу романов гр. Л.Н. Толстого», Розанов был потрясен яркостью и смелостью высказываний и оригинальностью трактовки романов писателя. Он запомнил фамилию автора, а свое ощущение о прочитанном прокомментировал позже. «Леонтьев вообще действовал, как пощечина. “На это нельзя не обратить внимания”, – произносил всякий читатель, прижимая ладонь к горячей щеке. Вот впечатление и действие»¹³⁷. Художественный, и не только, экстремизм и резкость в суждениях были свойственны творческой манере Леонтьева, которую заметил Розанов. Он сразу же обратился с просьбой к Страхову с просьбой достать портрет и как-то связаться с Леонтьевым. И был чрезвычайно удивлен отрицательным ответом. Его деликатный друг просто наотрез отказался содействовать в знакомстве, к тому же дал весьма своеобразную характеристику: «Леонтьева я давно знаю, но не описываю Вам его, чтобы не согрешить; он очень не дурен собою и великий волокита; несчастным он быть не способен; живет в Оптиной пустыне и получает пенсию по месту цензора»¹³⁸.

Чуткий Розанов позже понял природу подобного отношения Страхова к Леонтьеву и в одном из писем последнему указал на это неблагородное чувство, назвав его завистью. Это был единственный случай в жизни Розанова, когда он позволил себе подобное высказывание в адрес глубокого почитаемого учителя, как он часто называл Страхова. Для Розанова же Леонтьев представлял собой яркое, интересное и парадоксальное явление русской духовной жизни. Главным в его творчестве, на что обратил внимание Розанов, была абсолютная внутренняя свобода и

¹³⁷ Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 62.

¹³⁸ Там же. С. 77.

искренность, а отсюда порой чрезвычайно резкая субъективность в суждениях. Леонтьев всегда был против «общего мнения» и никогда не стеснялся открыто выражать его в публицистике.

К тому же Розанов, еще и очарованный местом проживания Леонтьева (Оптина пустынь), решил во чтобы то ни стало завязать с ним знакомство, минуя Страхова. В это время в печати появилась первая критическая работа Розанова о Достоевском «Легенда о Великом Инквизиторе». Один из критиков этого философского эссе, Говоруха-Отрок, который впоследствии стал приятелем Розанова, и дал его адрес Леонтьеву. А через некоторое время Розанов получил долгожданный конверт с надписью: «От К.Н. Леонтьева».

Однако сам Леонтьев послушником был весьма интересным. Он снял двухэтажный дом в Оптиной, перевез туда свою библиотеку, почитывал Вольтера и другую светскую литературу, любил хорошую сигару после обеда, всенощную на дому, сидел во время службы и с позволения старца Амвросия занимался публицистикой, много писал и даже интересовался женщинами. Одним из самых, по его признанию Розанову, жизнеутверждающих воспоминаний своей жизни считал удар хлыстом по лицу французскому консулу за оскорбление России. И все время говорил и писал о страхе Божиим и смирении.

Не менее своеобразно Леонтьев пришел и к монашеству, о чем рассказал в одном из писем своему молодому другу. Работая консулом в Салониках в период холерной эпидемии, Леонтьев обнаружил у себя, будучи медиком по образованию, признаки страшной болезни и пришел в ужас от мысли о телесной смерти. Тогда, обратясь к иконе Божьей Матери, он воскликнул: «Мать Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченно-грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного, верующего и в среду, и в пятницу, и в чудеса, и даже постригусь в монахи... Через два часа я был здоров...»¹³⁹ Путь к Богу был у Леонтьева прежде всего путем личного спасения, построенным на страхе смерти. Именно страх смерти как кары Господней остался у него навсегда. Физический страх прошел, а от «веры и страха Господня отказаться уже не могу, если бы даже и хотел... Религия не всегда утешение; во мно-

¹³⁹ Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым. С. 378.

гих случаях она тяжелое иго, но кто истинно уверовал, тот с этим игом уже ни за что не расстанется!»¹⁴⁰ Один из современников иронично заметил, что Леонтьев стал монахом по слову чести, данным порядочным человеком, а вовсе не по духовному призванию. Так или иначе Леонтьев был одним из самых странных послушников Оптиной пустыни.

Однако пережитый кризис и чудо исцеления привели Леонтьева не просто к Церкви, а к проповедованию самых крайних проявлений аскетизма и реакционной ортодоксальности. Христианство стало для него не религией любви, радости и обретения свободы, а религией страха, смерти и насилия. Более всего его притягивало к себе учение о зле и безбожном начале. «И Леонтьева я решаюсь назвать сатанистом, надевшим на себя христианское обличие»¹⁴¹. Подобное резкое определение вполне в духе самого Леонтьева, который был беспощаден в оценках и суждениях. Страх стал краеугольным камнем его веры, отсюда такая ненависть Леонтьева к «розовому христианству» Достоевского и Толстого. Леонтьева приводили в негодование любые попытки осуществить построение Царства Божьего на земле посредством любви и нравственного закона. «Христос не обещал нам в будущем воцарения любви и правды на этой земле, нет! Он сказал, что “под конец оскудеет любовь”... Но мы лично должны творить дела любви, если хотим себе прощенья и блаженства в загробной жизни, – вот и все»¹⁴².

Христос, продолжает Леонтьев, приказывает или советует любить ближних во имя Бога, но и сам сомневается, что его послушают. И, прежде всего, Его не слышит сам Леонтьев. «Даже в монашеских общежитиях опытные старцы не очень-то позволяют увлекаться деятельной и горячей любовью, а прежде всего учат послушанию, принижению, пассивному прощению обид...»¹⁴³ Главное для Леонтьева – это смирение и покорность, страх наказания. Он принципиально не замечает ценности личности в христианстве как образа и подобия Божьего.

Эстетика для него остается гораздо универсальнее христианства: «Я считаю эстетику мерилom наилучшим для истории

¹⁴⁰ Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым. С. 379.

¹⁴¹ *Бердяев Н.А.* К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Константин Леонтьев: Pro et contra. СПб., 1995. Т. 1. С. 220.

¹⁴² *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. С. 333.

¹⁴³ Там же. С. 324.

и жизни, ибо оно приложимо ко всем векам и ко всем местностям»¹⁴⁴. Она отвергает этику, в доказательство своего суждения он приводит поступки ветхозаветных святых, весьма далеких от этических норм и правил, однако, добавляет Леонтьев, велено молиться. И даже «победа разума и сердца над гневом и зверством есть также эстетическое явление – моральная эстетика»¹⁴⁵.

У Леонтьева был своеобразный эстетический культ насилия, предшествующий во многом идеям Ницше. В своем неистовом эстетизме он доходит до полного отрицания морали: «Это-то искание всечеловеческой равноправности и всечеловеческой правды, исходящей не от положительного вероисповедания, а от того, что философы зовут личной, автономной нравственностью, это-то и есть яд самый тонкий и самый могучий из всех столь разнородных зараз, разлагающих постепенным действием своим все европейские общества»¹⁴⁶. Идея гуманности всегда ужасала Леонтьева, он никогда не верил в свободу и равноправие, так как считал, что христианство и гуманность подобны двум разным поездам, вышедшим из одного пункта, впоследствии разошедшихся и сокрушительно столкнувшихся. Его всегда притягивал идеал силы и могучей красоты. Эстет, имморалист, аристократ духа, одинаково неистовый в проповедовании самых реакционных политических и традиционно православных суждений, защитник полицейского, деспотического государства, Леонтьев пытался спастись от пошлости прогресса. Его ненависть к Европе обусловлена крайне субъективным видением демократизации как этапа упадка и разрушения, будущее же мирового господства для мыслителя воплощала Россия. Именно Россия должна выполнить миссию спасения от мировой гибели, но только в случае создания оригинальной культуры, в основе которой лежат византийское православие и самодержавие. Это было ключевой идеей его мировоззрения. Но, несмотря на кажущуюся близость к славянофилам в данных вопросах и в проповедовании «православия, самодержавия и народности», Леонтьев был все-таки ими отвергнут и потому глубоко одинок. Неслучайно Розанов называл Леонтьева «славянофилом без добродетели». Леонтьев разорвал со славянофилами отношения, ненавидя их смиренно-мудрое православие и тихость, елейность и упорядоченность в бытовой, семейной и церковной

¹⁴⁴ Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым. С. 373.

¹⁴⁵ Там же. С. 374.

¹⁴⁶ *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. С. 93.

жизни. В свою очередь, они не могли ему простить эстетизма и платили тем же. Так, один из знакомых Розанова весьма пессимистично отзывался о современном состоянии славянофильства, утверждая, что около его незыблемых истин стоят «кабатчики... агенты сыскного отделения, отъявленные содомиты»¹⁴⁷ (намек на бисексуальность Леонтьева).

Но Розанов не обращал на это внимания, ему, находившемуся под обаянием основных идей славянофильства в тот период, психологически был гораздо ближе Леонтьев, чем даже Страхов. «Строй тогдашних мыслей Леонтьева до такой степени совпадал с моим, что нам не надо было сговариваться, договаривать до конца своих мыслей: все было с полуслова и до конца, до глубины понятно друг в друге»¹⁴⁸. Он чутко прислушивается к голосу своего старшего друга, во многом с ним соглашаясь. Так, прочитав главный труд Леонтьева «Восток, Россия и славянство», Розанов, находясь под сильным впечатлением, решает написать большую статью о творчестве мыслителя. «Эстетическое понимание истории» стала первым серьезным исследованием наследия Леонтьева, который не дожидаясь ее публикации, но читал корректуру, делал замечания.

Розанов попытался систематически изложить учение Леонтьева, и, несмотря на то что попытка оказалась не совсем удачной (об этом позже будет говорить и сам автор), у него получилось выделить главное: «Именно он (Л.) первый понял смысл исторического движения в XIX веке, преодолел впервые понятие прогресса, которым мы все более или менее движемся, и указал иное, чем какое до сих пор считалось истинным, мерило добра и зла»¹⁴⁹. Обращает внимание Розанов и на поэтапную теорию исторического развития, предложенную Леонтьевым, – от первичной простоты к цветущей сложности и вторичному смесительному упрощению, которую применяет он к развитию государств в истории. Неразрывно будущее России Леонтьев связывает с византизмом, что вызывает скепсис у Розанова, который в целом все же не сомневается в мессианской роли этого государства. Самым же важным мерилем трудов Леонтьева, считает Розанов, является стремление к красоте в значении разнообразия, выразительности, сложности. Красота есть сила, творящая мироздание, по словам

¹⁴⁷ Цит. по: *Фатеев В.* Жизнеописание Василия Розанова. С. 107.

¹⁴⁸ Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым. С. 319.

¹⁴⁹ *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории // Константин Леонтьев: Pro et contra. Т. 1. С. 37.

Розанова, именно она и легла в основу исторического видения Леонтьева, отсюда и понятие эстетического в интерпретации истории. Все было у этого автора, размышляет Розанов, кроме одного – исторической contemporaneity. Леонтьеву в целом понравилась статья, кроме, как ни странно, названия. Он решил, что немногие поймут и оценят слово «эстетика» во всей его значимости, которую он в него вкладывал.

Розанову импонирует страстность аргументации Леонтьева, которая прорывается через доброжелательный тон его переписки. Когда доходит до принципиально важных вещей, Леонтьев становится неумолим. Он положительно отнесся к работе Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. Достоевского», оценив новый взгляд на Гоголя, но попутно, правда, пожелал своему адресату избавиться от нездорового и подавляющего влияния проповедника всемирной любви и гуманизма.

Нельзя проповедовать любовь на земле, убежден Леонтьев: «Это психологически, реально невозможно, и теологически непозволительно, ибо давно осуждено церковью, как своего рода ересь»¹⁵⁰. Розанов попробовал мягко упрекнуть его в незаслуженной ненависти к Достоевскому, но Леонтьев непоколебим. Позже, при издании писем Леонтьева и Страхова в 1903 г., Розанов более весомо возразит своему оппоненту: Достоевский, на его взгляд, охватил разом всю духовную жизнь русского общества и, безусловно, поднял авторитет монашества. «Вся Россия прочла его “Братьев Карамазовых” и изображению Зосимы поверила»¹⁵¹. Кроме того, «русский инок» (определение Достоевского) отразил поиски и сомнения молодого поколения России. Впоследствии Розанов довольно своеобразно, на метафизическом уровне преодолел в себе Достоевского, но совсем не в «духе» Леонтьева.

Конец XIX столетия становится переломным в жизни Розанова. Преодолевая духовный кризис, он отходит от славянофильских воззрений, которые не оправдали его надежд и чаяний. К тому же личные отношения со многими из славянофилов у него не сложились. Мировоззренческий переворот приводит Розанова к теме пола и к идее антихристианства. Он парадоксально трансформирует идеи Леонтьева, заново переосмысливая его личность и наследие. Порой от былой почтительности не остается и следа.

¹⁵⁰ Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым. С. 337.

¹⁵¹ Там же. С. 373.

Именно Розанов одним из первых обратил внимание на близость Леонтьева к Ницше. Отрицание морали («мораль мне ненавистна» у Леонтьева), считает Розанов, имеет просто поразительное сходство с идеями немецкого философа. «Леонтьев был plus Nitzshe que Nitzsche (больше Ницше, чем сам Ницше): у того антиморализм, антихристианство все же были лишь краткой идейкой, некоторой литературной вещицей, только помазавшей по губам европейского человечества. Напротив, кто знает Леонтьева, не может не согласиться, что в нем это, в сущности, “ницшеанство” было непосредственным, чудовищным аппетитом...»¹⁵² Розанов усложнил схему имморализма Леонтьева, он не разделял Добро и Зло, не стал провозглашать торжество последнего и не призывал всех на борьбу с ним, не отрицал мораль как таковую. Его нравственный релятивизм находит иное теоретическое обоснование, его больше привлекает проблема философской множественности, выраженная в идее дихотомии Добра и Зла: «А может быть – ЗЛО это и есть ДОБРО. Притом – самое первое, избранное, и это-то и есть окончательное и абсолютное ЗЛО»¹⁵³. Из воинствующего эстетического аморализма Леонтьева он взял лишь возможность рефлексии в ситуации коллизии нравственного выбора, но применил ее в стратегии своего творческого поведения. Если Леонтьев тяготел к абсолютной идее, эстетизируя общество, религию, мораль, то Розанов все рассматривал с точки зрения относительного и колеблющегося. Он применял это и к морали, для него не существовало однозначности – он позволял себе эпатажные выходы, шокирующие русскую публику. Стоит заметить, что монах о. Климент (Леонтьев) тоже не всегда был последователен в своих смиренных устремлениях.

Розанов очень хорошо прочувствовал диалектическую природу характера Леонтьева. Его идейный, безжалостный консерватизм вполне уживался с личной легкостью и веселостью. Современники вспоминали, что Леонтьев был чрезвычайно добрым и приятным человеком в общении. Сама его натура, убежден Розанов, так и не подчинилась страшным, иссушающим идеям. Вымученное монашество Леонтьева, по мнению Розанова, так и не побороло в нем Древа Жизни, которому он так отчаянно стал сопротивляться. Придя к теме пола, Розанов, негативно отно-

¹⁵² Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым. С. 327.

¹⁵³ *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 334.

сившийся к институту монашества, считал, что Леонтьев так до конца и не понял, к чему приводит идея смирения и подавления чувственного начала в человеке. Только эта двойственность, творческая и личностная, так причудливо сочетавшаяся в Леонтьеве, оправдывала в глазах Розанова уход в монастырь: «в душе его было окно, откуда открывалась бесконечность. Древние Афины, современная Турция, Оптина пустынь – все одинаково, как бы в лунном мерцании, пронеслось под ногами этого в своем роде бурсака Хомы, на котором сидела чародейка-красавица (“Вий” Гоголя)»¹⁵⁴. Двойственность Леонтьева была гораздо страшнее в вопросах религиозных.

Христианство стало для мыслителя религией насилия и торжества Зла. Бог – это воплощение насилия, и чем насильственнее, тем и божественнее. Как-то Страхов упрекнул Леонтьева: «Вы слишком православны!» Он, который терпеть не мог Леонтьева до отвращения, испытывал ужас от его неистовости и безапелляционности в религиозном вопросе. Леонтьев видел истину православия в аскетическом отрешении от мира, в презрении к плоти, в уходе от земной жизни. Острота трагического мироощущения была для него важнее любого благополучия и покоя. Он усомнился в Христе и отказал ему в кротости и любви. Проповедуя Его учение, мыслитель был настолько далек от него, что однажды жена И.С. Аксакова сказала ему: «Не столько атеисты – враги Христа, сколько такие лица, как Вы». Именно парадоксальное христианство Леонтьева и приводило его к аберрации нравственного видения и неожиданным выводам: «Все хорошо, что прекрасно и сильно: будь это святость, будь это разврат, будь это охранение, будь это революция, все равно. Люди не поняли еще этого...» Монахи Афона учили Леонтьева избавляться от духовной гордыни, но его анархическая натура поддалась лишь внешнему воздействию. Но монах не победил в Леонтьеве аристократизма его духовной гордыни, а проповедь смирения лишь усилила антихристианский пафос. Именно этот трагический разрыв в мироощущении хорошо прочувствовал Розанов и своеобразно трансформировал в плоскость своего понимания христианства.

Трансцендентный эгоизм в христианстве (субъективная вера) у Леонтьева вылилась в открытый бунт против Христа у Розанова. «Христианство Леонтьева – вода на противохристианскую мельницу Розанова. Если о. Агеев любит Леонтьева за правду,

¹⁵⁴ Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым. С. 325.

то Розанов – за ложь: он ведь и сам бездонно лукав, может быть, лукавее Леонтьева, хотя под видом бесконечной правоты и правдивости»¹⁵⁵. Розанов не разделял преклонения перед аскетизмом, отрицательно относился к монашеству. Богом Розанова был Пол, и в этом он кардинально расходился с Леонтьевым. Но скрытое антихристианство последнего, парадокс его веры повлияли на восприятие Розанова. В следующий период своего духовного развития Розанов будет видеть в христианстве воплощение религии зла (некоторое созвучие с Леонтьевым) и смерти. Оба язычники по своей внутренней сути, Розанов и Леонтьев каждый по-своему интерпретировали христианские идеи в своем наследии и в конечном итоге пришли к единому результату. Только Леонтьев не признал этого, а Розанов был более откровенен. «Порочность мира совпадает с добродетельностью его. А непорочность мира совпадает с последним, крайним, величайшим злом... Ах, так вот почему Христос был так беспорочен. Вот разгадка... И почему еще инквизиторы так влеклись к добру. И объяснение, сердечное объяснение Константина Леонтьева»¹⁵⁶. Так виделась Розанову ноуменальная правда человеческого бытия, и снова он упомянул своего старшего наставника.

Розанов знал и любил Леонтьева. Он был одним из первых, кто открыл русскому обществу его значимость как мыслителя и писателя. Своеобразно преломил его идеи в ракурсе своего философского и религиозного понимания, оставшись его верным учеником. «Страшное дитя Леонтьева» – неслучайно так назвал Розанова Мережковский, как и неслучайно они обрели вместе вечный покой в Черниговском скиту.

Розанов же в конце XIX в. «пылает консерватизмом». Он идеологически разделяет воззрения Данилевского, Леонтьева, Страхова. Он убежден в избранности России и безоговорочно согласен с Достоевским о предназначении звезды, которая воссияет с Востока и спасет Запад. В 1893 г. выходит его критическая работа, посвященная творчеству писателя, – «Легенда о Великом Инквизиторе», которая принесет ему литературную славу.

Но, увы, его бытовая ситуация остается прежней – он изнывает в провинции под бременем материальной безысходности и нравственной пустоты окружающих. Друзья пытаются помочь

¹⁵⁵ *Мережковский Д.С.* Страшное дитя // Константин Леонтьев: Pro et contra. Т. 1. С. 245.

¹⁵⁶ *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. С. 174.

ему. И благодаря их споспешествованию Розанов обращается за помощью к Т.И. Филиппову, заведовавшему Государственным контролем в Петербурге. Друг славянофилов, церковный человек был рад принять бедного учителя под свою опеку, тем более что он очень благоволил молодым писателям консервативного направления. К сожалению, ничего хорошего из этого не вышло. В первую минуту «и возникла та антипатия между нами, отчета в которой я никогда не мог себе отдать, но которая заключилась в “терпеть не могу” с обеих сторон»¹⁵⁷. Разочарование постигло обоих. Впоследствии Филиппов был недоволен либеральным славянофильством Розанова, последнему же, в свою очередь, претили узкие, догматические рамки позднего славянофильства. Розанов чувствовал в них ложь и фарисейство.

1899 год можно считать переломным в жизни Розанова. Он разрывает свои отношения с консервативным лагерем, переходит к теме пола, занимается проблемами брака и семьи, получает от А.С. Суворина приглашение стать постоянным сотрудником газеты «Новое время». Издатель ценил Розанова его и доверял ему очень многое, начиная с редакторских статей без подписи и до написания юбилейных. Юбилейная статья предполагала определенные жанровые рамки, которые Розанов часто нарушал. Именно подобного типа статьи у Розанова превращались скорее в критико-философское эссе.

Так, в начале XX в. Россия праздновала юбилей со дня рождения Хомякова. Но Розанов, к тому времени уже отрекшийся от главных идеологических установок славянофилов, весьма своеобразно написал об этом событии. Статья была настолько субъективной, что Суворин не разрешил ее печатать в газете, и она была опубликована в журнале Мережковских «Новый путь».

Буквально с самого начала Розанов берет резко критический тон, да и вообще он говорит не о дне рождения, а о юбилее со дня смерти, подчеркивая этим не столько временную пропасть между прошлым веком и своим, сколько о несостоятельности идей Хомякова. «Теперь, когда прошло 44 года после его смерти, идеи его не представляют высокого и цельного здания»¹⁵⁸. Философски размышляя, что все принадлежит истории, а не действительности, Розанов главный недостаток Хомякова видит в том, что реальная

¹⁵⁷ Там же. С. 183.

¹⁵⁸ *Розанов В.* Памяти А.С. Хомякова // *Розанов В.В.* Около церковных стен. С. 419.

жизнь с ее скорбью, болью и уторопленностью, по его словам, не затронула глубины души мыслителя-славянофила. Именно в отсутствии любви и смирения упрекает Розанов философа. «Мне кажется, начала “любви”, им проповедуемой, не так много было у него самого. Он был слишком индивидуалист, слишком особняком стоявший человек... С окружающей жизнью он не сливался»¹⁵⁹.

Западники, уверен Розанов, были гораздо проще и любвеобильнее. Во всяком случае, полагает он, не у Хомякова русский народ выучился простоте и смирению. Рассматривая богословские труды Хомякова, Розанов пишет о самолюбовании его идей, доходящих чуть ли не до невежества. Осуждение западной церкви похоже у него на «суд Бенкендорфа о “Капитанской дочке” (вроде Вальтера Скотта, только слабее), суд докторов над Гоголем: что-то рациональное и неумное, как будто благожелательное – а в сущности, злое, ученье – и однако невежественное»¹⁶⁰. Розанов считает, что из-за своей гордыни Хомяков, мнивший себя Колумбом христианского мира, не понял драмы протестантизма и без сострадания отнесся к Риму. Розанов настолько раздражен тоном Хомякова, что доходит почти до личных оскорблений (и это все в юбилейной статье!) в адрес человека, к которому он с благоговением относился в юности. «Какой гнусно-ханжеский тон у Хомякова! Вот уже московская просфирня, вздумавшая поступить в охранное отделение, и для “удобства службы” одевшая захваченный со стороны “стихарчик”»¹⁶¹.

В методе рассуждений Хомякова Розанов не видит ничего, кроме сухости сердца и придиричivosti ума, так, рассуждает он, могли думать только в стране, где лишь спорили, а не жили. Надо отметить, что общий тон статьи вызвал негодование в определенной части русского общества. В статье «А.С. Хомяков и Н.Я. Данилевский» Николай Соколов обозвал Розанова лжецом, обворовавшим и искажившим главные идеи славянофильства. «Г-н Розанов, отбросив всякий стыд перед читателями, которых он, должно быть, считает сущими невеждами, клеветнически оболгал Хомякова...»¹⁶² Да и вообще, считает оппонент Розанова, о какой

¹⁵⁹ *Розанов В.* Памяти А.С. Хомякова // *Розанов В.В.* Около церковных стен. С. 420.

¹⁶⁰ Там же. С. 422.

¹⁶¹ Там же. С. 427.

¹⁶² *Розанов В.* Еще о славянофилах и о г-не Ник. Соколове // *Розанов В.* Около церковных стен. С. 429.

любви можно говорить человек, если он пишет непристойные статьи о еврейской микве и «об индивидуальной физиологии всякого». Розанов достойно возразил г. Соколову, указав на документ, письмо, написанное перед смертью Т.Н. Грановским Кавелину, в котором высказывается мнение, что от учения славянофилов веет мертвечиной. «Письмо это не могло не запечатлеться и в моей душе. И когда пришла минута сказать о Хомякове свое слово, я сказал: “В них не было любви, они никого, кроме своей партии и своих преубеждений, не любили”»¹⁶³.

Почти через месяц в продолжении дискуссии Розанов уже в «Новом времени» опубликовал статью со звучным названием «Поминки по славянофильству и славянофилах» (весьма говорящий заголовок). В ней автор продолжает избранную им тактику резкой, доходящей до сарказма критики. Он сравнивает раннее славянофильство с пресным блюдом, от которого фактически не было никакой пользы. «Все вообще славянофильство похоже на прекрасно сервированный стол, но в котором забыли посолить все кушанья. И они все, от этой одной ошибки повара, получили удивительно сходный, однообразный и утомительный вкус: попробовать еще ничего. Но есть по-настоящему – невозможно. Таковы их стихи, рассуждения, пафос, негодование»¹⁶⁴. Почти десять лет назад Розанов с такой же пылкостью утверждал в статье «О Достоевском», что в России существует только одна школа по-настоящему оригинальной мысли – это школа славянофилов во главе с их идейным вождем Хомяковым. В последних же статьях, посвященных юбилею Хомякова и анализу славянофильства, у Розанова преобладает иная тональность.

Розанов жестоко рассчитывается с увлечениями своей молодости. Глубоко негативно относясь к демократическому направлению в русской литературе и общественной мысли, он низвергает и своих собственных кумиров, упрекая их мысли в безжизненности и оторванности от реалий современной России. «А вот перед проверкою делом большинство его (Хомякова. – Н. К.) возвышенных и благородный теорий: исторических, общественных, не говоря уже о научных, оказывается не реальнее и не целебнее, чем знаменитое средство от холеры»¹⁶⁵. Для Розанова

¹⁶³ Там же. С. 430.

¹⁶⁴ *Розанов В.* Поминки по славянофильству и славянофилах // *Розанов В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 450.

¹⁶⁵ Там же. С. 448.

славянофильство в целом потеряло блуждающую привлекательность и значимость. Динамика духовного развития и внутреннего поиска привела его к осуждению их деятельности – абсолютно иллюзорной, на его взгляд, и практически никому ненужной.

Розанов почувствовал ложь и фарисейство в учении Хомякова, а все схоластические, мертвые системы вызывали у него чувство раздражения. И со свойственной ему резкостью суждений предъявил собственный нравственный счет к мыслителю, обманувшему его надежды и чаяния. Он искал в наследии славянофилов силы сопротивления надвигающимся катаклизмам и не находил их. В незаслуженно оскорбительных словах и упреках в адрес Хомякова сквозит его онтологическое разочарование в эпохе в целом. От идеологических установок славянофилов Розанов отрекся, оставив себе вечное, как он полагал, – частности национального быта и бытия, которые остались для него незабываемыми до конца жизни. Парадоксальность восприятия Розановым славянофильства кроется в его невозможности, с одной стороны, отречься от него полностью, а с другой – однозначно принять и разрешить взгляды и идеи.

Первые полемики:
Н.К. Михайловский, В.С. Соловьев

По своему собственному признанию, Розанову приходилось учиться быть журналистом в самом жестком понимании этого слова. Ежедневная газета требовала полной отдачи сил, и ему приходилось искать новые формы для выражения своих суждений и оценок. Для этого Розанову было необходимо создание иной творческой атмосферы, в которой бы у него была возможность полностью раскрыться. Публицистика, несомненно, диктовала свои условия существования в такой газете, как «Новое время», но Розанов нашел способ, оставаясь мыслителем, стать довольно своеобразным журналистом. Он кардинально изменил оценочный ракурс в анализе того или иного явления, предложив другую картину мира, к восприятию которой были не совсем готовы его современники. Доминантой его журналистики стала диалогичность в самовыражении. Многоголосие Розанова, полифоничность его воззрений создавали уникальную палитру его

публицистики. Розанов, навсегда отказавшись от довлеющего монологизма философского дискурса, стал сочетать в своем творчестве несочетаемое – возможность изложения сразу нескольких точек зрения на один и тот же предмет. Он нарушил рамки самодостаточности одной идеи в рамках единой идеологической доминанты, соответствующей данному историческому периоду. Розанов – один из немногих, кто слышал всё многообразие своего времени и отражал его в публицистике. «Было что-то двоящиеся, были люди с двоящимися мыслями. Не было волевого выбора. Повсюду разлита была нездоровая мистическая чувственность, которой раньше в России не было»¹⁶⁶. Розанов предлагал читателю не просто информацию по поводу, он обрушивал на него поток сознания, открывал сам процесс размышления на избранную им тему: «...в плоскости его современности сходились и спорили прошлое, настоящее и будущее»¹⁶⁷. Он ломал стереотипы в публицистике начала века – особенно это проявлялось в дискуссиях. А его беспринципность, с точки зрения его оппонентов, становилась опасным прецедентом в определении истинности суждения.

Это своеобразие Розанова-журналиста и оригинальность его творческой манеры особенно ярко проявились в дискуссиях. Исследователь его творчества Ю. Иваск писал, что Розанов – это большой скандал в литературе. Можно с уверенностью сказать, что Розанов был еще большим скандалом в публицистике. Русская общественность была шокирована откровенным цинизмом творческих принципов Розанова, в восприятии срабатывал механизм устоявшейся этической нормы. Розанов по одному и тому же поводу говорил «да» и «нет», предлагал тезис, чтобы тут же доказать антитезис, и возводил это в единственно верный закон творчества. «И в этом сказывается не только противоречивость его натуры, или ее многогранность, или нежелание останавливаться на каком-то одном определении, на одном готовом и застывшем решении. В этом также особый способ и стиль розановской доказательности»¹⁶⁸.

Под видимой беспринципностью журналиста «Нового времени» скрывалась некая эстетическая позиция, обусловлен-

¹⁶⁶ Бердяев Н. Самопознание. М.: ДЭМ, 1990. С. 131.

¹⁶⁷ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: NEXT, 1994. С. 297.

¹⁶⁸ Синяевский А. «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. М., 1999. С. 237.

ная розановской полифоничностью, многогранностью взглядов на предмет. Розанов подчеркивал иррациональность природы личности. Он был уверен в безграничности и беспредельности возможностей человеческой души, как и Достоевский. Человек является загадкой, парадоксом, по Розанову. «Как же тогда объяснить, что такое нравственность, а что – безнравственность?» – задавался вопросом публицист на протяжении всего своего творческого пути. Истина у Розанова где-то посередине, в колебаниях.

« – Неужели же колебание – принцип?

– Первый в жизни. Единственный, который тверд. Тот, которым цветет все, и все – живет. Наступи-ка устойчивость – и мир закаменел бы, заledenел»¹⁶⁹. Именно эти колебания и вылились для большинства его современников в размытость и зыбкость общественной и гражданской позиции Розанова, а релятивизм публициста доводил до бешенства его оппонентов. Розанов-полемист в сугубо идеологическую эпоху пытался быть подчеркнута антиидеологичным. В самой дискуссии он бывал добродушен, а порой злоязычен и нарочито невежлив, глубоко несправедлив, но в каждом случае он был абсолютно искренен. Правда, то была искренность особого рода. Она не связана с характером личности, а исполняет скорее функцию литературного приема.

Надо заметить, что Розанов сам практически всегда провоцировал начало скандала. Первый литературно-публицистический скандал в прессе был у него еще в 1895 г., после выхода его статьи о Толстом «По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого». Рассматривая отношение Толстого к смерти, Розанов приходит к выводу, что тревога у писателя должна быть направлена не на страх перед смертью как перед актом умирания, а на психологический анализ процесса греха. А главный грех писателя в нем самом – это грех уныния перед неизбежностью конца, грех гордыни и неверия.

И тут Розанов совершает невозможный с точки зрения этики XIX в. поступок. В конце статьи он начинает обращаться к Толстому на «ты»: «Отчего же ты не попытаешься покориться Богу? Ты не хочешь “сопротивляться злу” и сопротивляться даже благу. Ты все умничаешь, выдумываешь, лепишь снова из глины человека, когда его уже слепил Бог»¹⁷⁰. Подобное обращение привело в шок

¹⁶⁹ *Розанов В.* Литературные и политические афоризмы. Ответ К.И. Чуковскому и П.Б. Струве // Новое время. 1910. 25 нояб. № 12467.

¹⁷⁰ *Розанов В.В.* По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 400.

русское общество. На Розанова обрушился целый шквал резких и оскорбительных статей, его оппоненты доходили до крайних степеней грубости. Так, Буренин назвал статью Розанова о Толстом «бредом куриной души». Он считал, что это даже не критика, а литературный транс: «Ведь нельзя, в самом деле, безнаказанно, добровольно или притворно говорить тоном пророка и учителя глупости, обращенные в качестве увещания к гениальному художнику»¹⁷¹. Розанову даже пришлось печатать опровержение «Необходимое разъяснение», вышедшее в № 10 «Русского вестника» за 1895 г., но редакция многое решила сократить в статье, и он перепечатал ее полностью под названием «“Письмо в редакцию” (По поводу “Необходимого разъяснения”）」 в другом издании, в № 11 «Русского обозрения». Надо заметить, что это был единственный случай, когда Розанов писал опровержение. Позднее, в 1913 г., публицист так объяснит этот тон своим оппонентам: «...“ты” мы говорим Государю, Богу...»¹⁷²

Однако Михайловский, не вдаваясь в подобные лингвистические тонкости взаимоотношений с Государем и Богом, задолго до Мережковского и знаменитого заседания Религиозно-философского общества, именно после этой статьи призывал исключить Розанова из литературы. Вполне возможно, что подобная фамильярность, на которую не обратил внимания лишь сам Толстой, была вызвана глубинным неприятием писателя со стороны Розанова. Это было началом в долгом неллицеприятном диалоге, который будет односторонне вести с ним Розанов. Но этот скандал ознаменовал собой становление той своеобразной, уникальной творческой позиции, которую определит для себя Розанов в публицистике.

Розанов выводит полемику на качественно иной уровень – дискуссия выходит за рамки общественного спора и приобретает онтологический характер. Еще до своего прихода в «Новое время» Розанов четко определил свои мировоззренческие позиции в полемике с Н. Михайловским по поводу отношения к «наследству» 60-х годов. Впоследствии эта дискуссия существенно повлияла на отношение Розанова к русской литературе XIX в. Оппоненты стоят на диаметрально противоположных идеологических и философских позициях: народник, западник Михайловский и Роза-

¹⁷¹ Буренин В.П. Критические очерки: Литературное юродство и кликушество // Новое время. 1895. 1 сент. № 7007.

¹⁷² Розанов В.В. Примечание // Розанов В.В. Литературные изгнанники. С. 276.

нов, в тот период увлеченный славянофильством, тяготеющий к интуитивизму и идеализму.

Полемика началась со статьи Розанова «Почему мы отказываемся от наследства 60–70-х годов?», напечатанной в газете «Московские ведомости» 7 июля 1891 г. Н.К. Михайловский ответил статьей «Письма о разных разностях», опубликованной в «Русских ведомостях» 25 июля 1891 г., впоследствии эта статья вошла в его книгу «Литература и жизнь» под названием «Опять об отцах и детях». (Мы будем приводить цитаты по этой книге.) Более позднее название статьи как раз и определяет болевые точки дискуссии – взаимодействие поколений 60-х и 90-х годов.

Для Михайловского, убежденного последователя шестидесятников, отказ от «наследства» не может быть ничем оправдан: «Зачем же так огулом отказываться?»¹⁷³ Его тревожит эта тенденция поколения 90-х обвинять поколение 60-х, преданно служившее самым светлым идеалам и самым высоким целям, ведь «мы очень хорошо понимали, как жертвовать и за что бороться»¹⁷⁴. Михайловский обеспокоен сменой поколений: вместе с другим временем пришли другие идеалы.

Розанов подходит к данному вопросу по-иному. Для него смена поколений не играет роли, важно другое: во-первых, отношение к вечным идеалам, а во-вторых, отношение к личности. «И если мы видели, как опять и опять человек рассматривается только как средство, если мы с отвращением заметили, как таким же средством становится и сама истина, могли ли мы не отвратиться от поколения, которое все это сделало?»¹⁷⁵

Рассматривая человека как особенное существо, Розанов обращает внимание на цельность его восприятия мира, богатство его внутренних переживаний, своеобразие его внутреннего бытия. Природа личности для мыслителя безгранична, она не измеряется лишь потребностями человека. Розанов полагает, что непонимание этого и привело к краху поколение 60-х, а впоследствии и отвортило от него: «...грубость мысли, способной лишь к поверхностным наблюдениям и заключениям, была главным недостатком людей 60–70-х годов и... последствием этого недостатка была

¹⁷³ Михайловский Н.К. Опять об отцах и детях // Михайловский Н.К. Литература и жизнь. СПб., 1892. С. 371.

¹⁷⁴ Там же. С. 370.

¹⁷⁵ Розанов В.В. Старое и новое // Розанов В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 160.

неверность их воззрений как на всю окружающую природу, так и на самого человека»¹⁷⁶.

Именно в 60-е годы в России появляется новый тип революционера – разночинец. Новые люди были «неподатного сословия, но без личного дворянства и не приписанные ни к гильдии, ни к цеху»¹⁷⁷, социально они находились на границе между дворянством и крестьянством, таким образом приобретая маргинальный статус. Их деятельность не укладывалась в сословные рамки, а идеологические взгляды были основаны на философии позитивизма и нигилизма. Фактически они подготовили почву для вульгарного материализма. Стремление познать человека лишь с точки зрения его биологических потребностей, попытка синтезировать науку, искусство, религию, выделяя положительное знание и доказывая материалистическую основу бытия, привело, как считает Розанов, к обеднению в восприятии человека и мира. «Страшная бедность мысли, отсутствие какой бы то ни было вдумчивости – вот, что сильнее всего поражает нас в этом поколении, одном из самых жалких и скудно одаренных в истории»¹⁷⁸.

Делая акцент на «душевной скудности» и «бедности мысли», Розанов сознательно перечеркивает высоту тех светлых идеалов, на которую уповает Н. Михайловский. Он принципиально не замечает того громадного идеологического влияния, которое оказали шестидесятники на русскую общественность того и последующих периодов.

Надо заметить, что сам Розанов воспитывался на идеях 60-х годов. Он самозабвенно увлекался трудами Дж.С. Милля, Г. Бокля, К. Фохта, атеистической и социалистической литературой. Еще учась в гимназии, он писал своему товарищу о том большом запасе доказательств, которые он имеет против самой идеи Бога. На этом этапе Розанов читал Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Однако юношеская рефлексия и поиск истины приводят всегда неуверенного и сомневающегося Розанова к выводам, далеко не совпадающим с воззрениями его учителей. В университете он переживает «религиозный переворот» и при-

¹⁷⁶ *Розанов В.В.* В чем главный недостаток «наследства» 60–70-х годов? // Там же. С. 170.

¹⁷⁷ Цит. по: *Русская философия: Словарь.* М.: Республика, 1986. С. 318.

¹⁷⁸ *Розанов В.В.* В чем главный недостаток «наследства» 60–70-х годов? С. 175.

ходит к вере в Бога: «Уже с 1-го курса университета я перестал быть безбожником. И не преувеличивая скажу: Бог поселился во мне»¹⁷⁹. Розанов, как и большинство представителей русского религиозного ренессанса, «перерос» своих кумиров и впоследствии часто бывал к ним несправедлив. Для него неприемлем сам тип разночинца и революционера-демократа, ибо он является для Розанова не просто разрушителем государственной системы, а «губителем России в целом». «Пришел вонючий “разночинец”. Пришел со своей ненавистью, пришел со своей завистью, пришел со своей грязью. Он был не черен, а грязен. И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина. Культуру и литературу»¹⁸⁰.

Михайловский же так и остался верным шестидесятником. Прежде всего его удивляет это «мы» в дискуссии с Розановым. Он заявляет: «...автор... поразил меня своею голословностью: ни единого фактического доказательства г. Розанов не привел»¹⁸¹. Михайловский не принимает этих доказательств. Розанов же убежденно доказывает в статье, что это время не принесло России никакой пользы. Более того, он полагает, что определенная доля вины лежит на поколении 60–70-х годов. «Без Чернышевского и “Современника” Россия имела бы конституцию уже в 60-х годах, без Желябова, как “благодетеля”, она имела бы ее в 1881 году»¹⁸². Михайловский верно отмечает «взаимное непонимание» в диалоге с Розановым. Особенно ярко оно проявилось в споре двух публицистов о западничестве и славянофильстве.

Если Михайловский делает уступки в адрес славянофильства: «Я отнюдь не брал на себя защиту западничества... известной доли истины в славянофильстве я никогда не отрицал и не отрицаю...»¹⁸³, то Розанов убежденно следует славянофильству в ущерб западничеству. Надо заметить, что в это время выходит критическая работа Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского». Розанов находится под влиянием идей Достоевского

¹⁷⁹ *Розанов В.В.* Анкета для Библиографического словаря деятелей Нижегородского Поволжья // Налепин А.Л., Померанская Т.В. Розанов@etc.ru. Псков, 2013. С. 139.

¹⁸⁰ *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 1-й. С. 257.

¹⁸¹ *Михайловский Н.К.* О г. Розанове и о том, почему он отказывается от наследства // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1909. Т. 7. С. 371.

¹⁸² *Розанов В.В.* Тьма // Новое время. 1910. 4 сент. № 12385.

¹⁸³ *Михайловский Н.К.* О г. Розанове... С. 373.

о Западе и Востоке. Он целиком разделяет позицию писателя в данном вопросе – взгляд на римско-католическую церковь, гибель Европы, будущее Европы и России, грядущую звезду с Востока, спасающую народы. Позже Розанов частично изменит свои выводы, но концептуально останется верен идее до конца.

В полемике с Михайловским мы наблюдаем эту убежденность Розанова: на его взгляд, славянофильству принадлежит великая задача «продлить культурное существование человечества чрез отсечение славянского мира от очевидно разлагающейся культуры Западной Европы»¹⁸⁴.

Михайловский уверенно возражает Розанову. Он доказывает, что славянофильство потеряло былое величие и влияние, течение утратило былую силу, измельчало, у него нет перспективы развития в будущем. «Оно умерло, напротив, от своего несоответствия с усложнившимися задачами жизни, от узости своих форм и догматов»¹⁸⁵. В воспеании Розановым славянства он видит примитивность и односторонность мышления, ибо, как он считает, необходимо выбирать в очевидной реальности между истиной и ложью. «Когда нравственно-политическая доктрина теряет способность этого выбора, она умерла, как умер Буриданов осел между двумя связками сена»¹⁸⁶.

Пolemика Михайловского с Розановым не удалась, ибо диалога, увы, не получилось. Если несколько усилить определение, данное Михайловским, – это не просто взаимное непонимание, но взаимная глухота. К тому же оппоненты позволяют в адрес друга откровенно оскорбительные замечания. Вряд ли можно считать остроумным заявление Михайловского о том, что у тех, кто отказывается от наследства, нет простоты мысли. Более того, он полагает, что имеет дело просто с горячечным бредом, а не с идеями. Несправедлив и его вывод о том, что Розанов чрезвычайно мало осведомлен в вопросах славянофильства. Михайловский заблуждается в этом вопросе. Славянофильство принципиально важно для Розанова, и он свободно владеет концепцией, оперируя близкими ему по духу категориями. Он лишь вносит свое видение в проблему, что раздражает Михайловского. «Никогда, кажется, люди не говорили с такою развязностью и даже горячно-

¹⁸⁴ *Розанов В.В.* Европейская культура и наше к ней отношение // *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 181.

¹⁸⁵ *Михайловский Н.К.* О г. Розанове... С. 378.

¹⁸⁶ Там же. С. 389.

стью о вещах им неизвестных или мало известных»¹⁸⁷. Еще один их современник дал своеобразный совет читателям. В.И. Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся?», однозначно охарактеризовав Розанова с Михайловским, писал: «Должен признаться, что, по моему мнению, вы ровно ничего не потеряли, если не познакомились с ними»¹⁸⁸.

Начиная дискуссию с Михайловским, Розанов писал, что отсутствие вдумчивости и примитивность чуть ли не самый большой недостаток людей 60-х. Весьма своеобразно он оценил Михайловского и как писателя. Публицист считал, что в литературе есть учителя и продолжатели, именно к последним он относит Михайловского, сравнивая его с капельмейстером усталого оркестра. «У Михайловского нет таланта души, – может быть, первого и главного таланта писателя»¹⁸⁹.

Не более высокого мнения о писательском даре Розанова был и Михайловский. Он гораздо в более несдержанных выражениях оценил стиль и идеи Розанова в статье, посвященной книге «В мире неясного и нерешенного» (1904). Михайловский был глубоко возмущен откровениями Розанова о поле. «Неприличен он прежде всего своей нечистоплотной маханальностью: той разнузданностью, с которой он пускает в обращение небывалые факты собственного сочинения или делает долговерные, но ни для кого не интересные сообщения о подробностях житья-бытья своих знакомых, с которой он пишет “первые попавшиеся слова”, не давая себе труда в них вдуматься...»¹⁹⁰ Надо заметить, что Михайловский был далеко не единственный, кого Розанов раздражал идейно и философски. Проблемы, которые его волновали, никогда не входили в круг интересов одного из ведущих сотрудников «Русского богатства». Розанов вспоминал, что его идеи почему-то были смешны Михайловскому. Подобный идейный диссонанс стал причиной того, что сотрудничества между ними тоже не получилось, да и не могло получиться. Измученный нуждой Розанов лично обратился к Михайловскому, прося участия для публикации своих статей в «Русском богатстве». Тот отказал

¹⁸⁷ Михайловский Н.К. О г. Розанове... С. 375.

¹⁸⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. 1958–1965. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 2. С. 505.

¹⁸⁹ Розанов В.В. Писатель семидесятых годов // Новое время. 1900. 16 июня. № 8728.

¹⁹⁰ Михайловский Н.К. О г. Розанове... С. 349.

и, как вспоминает публицист, сослался на идеологическую конфронтацию: «Читатели бы очень удивились, увидев меня вместе с Вами в журнале», – обосновал свой отказ Михайловский. «Мне же этого ничего не приходило в голову»¹⁹¹, – заметил Розанов, который никогда не придавал значения своим идеологическим воззрениям. «Я сам “убеждения” менял, как перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крепки ли), чем убеждениями (своими и чужими)»¹⁹². Михайловский же, уверенный в правоте своих убеждений, проповедовавший всю жизнь идеалы народников, презирал идейную зыбкость Розанова не только в суждениях, но и в выборе издания. Так «Русское богатство» отвергло одного из самых талантливых и выдающихся журналистов своего времени, а Розанов стал впоследствии сотрудником «Нового времени».

Михайловский был для Розанова не просто оппонентом, но олицетворением той эпохи, того класса людей, которые, по убеждению Розанова, постепенно вели Россию к хаосу. Розанов не только намеренно снижал их идеалы в России, но и жестоко писал об их ничтожности и безнравственности, суетности их устремлений и поисков. Публицисту претило чувство ненависти, которое возникло вместе с обличительной литературой того времени. С этого спора с Михайловским Розанов начинает «радикальную критику основ русской ментальности»¹⁹³.

Идейное неприятие Розановым поколения 60–70-х годов приводит его и к полному отрицанию их литературного наследия. Михайловский представлен у него «естественным Судейкиным... с страшным честолюбием, жаждой охвата власти»¹⁹⁴, «неужели Пушкин виноват, что Писарев его “не читал”»¹⁹⁵, «пренесносный Щедрин»¹⁹⁶, который «как матерый волк наелся русской крови и сытый отвалился в могилу»¹⁹⁷, – все они были для Розанова представителями «лакейского оголтения русского духа»¹⁹⁸.

¹⁹¹ Ответы В.В. Розанова на анкету нижегородской губернской ученой архивной комиссии. С. 711.

¹⁹² *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 1-й. С. 255.

¹⁹³ *Болдырев Н.* Молитва по имени Розанов // Волга. 1994. № 2. С. 140.

¹⁹⁴ *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 2-й. С. 89.

¹⁹⁵ Там же. С. 492.

¹⁹⁶ *Розанов В.В.* Уединенное. С. 76.

¹⁹⁷ Там же. С. 101.

¹⁹⁸ *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 2-й. С. 560.

С яростью, достойной критика-нигилиста, Розанов развенчивает кумиров русской интеллигенции, нимало не страшась крайней резкости своих высказываний. «Там, где только начиналось касание человека к политике и общественности, Розанов становился иногда истинным богом бестактности, и хульные глаголы, от которых могли зауглиться страницы, падали на бумагу»¹⁹⁹. Крайний субъективизм в суждениях, оригинальность подачи умозаключений, построенных порой на своеобразных сравнениях, метафорах, пристрастность тона присущи не только философским работам Розанова, посвященным вопросам религии, пола, но и его журналистике. Розанов искренен в своих симпатиях и антипатиях, а потому так убедителен, с одной стороны, и крайне возмутителен – с другой.

Все отзывы о Михайловском носят у публициста критический и в основном негативный характер, за исключением посмертной статьи. «После смерти Михайловского в литературе станет несколько скучнее: позволю себе сказать эту краткую похвалу всегдашнему своему литературному противнику»²⁰⁰. Не пожалел он также и эпоху 60–70-х годов. Розанов был одним из первых, кто провел прямую параллель между этим временем и революциями начала века. Наследие тех лет становится губительным для России, считал Розанов, но лишь немногие услышали голос «беспринципного журналиста» одной из самых консервативных газет. Апокалипсическое видение Розановым истоков грядущих революционных потрясений стало жестоким приговором «наследству». А век XIX, убежден он, ответственен за происходящее в XX.

И все же для Розанова важна не только критическая, но и экзистенциальная суть феномена 60-х, которую он и определяет логически, по-своему выражая отношение к эпохе: «Кое в чем 60-е годы были безумно счастливы: ну а такое безумное счастье, назовете ли вы его “иллюзией” или нет, есть “вещь в себе”, кантовская “das Ding an sich”. Счастье, господа...

Господа, знаете ли вы, что радость человеческая выше философий и есть вполне религия? Нет? Тогда вы не умеете читать первые буквы истории человечества: кто же знает – не проклянет

¹⁹⁹ Измайлов А.А. Закат ересиарха // Василий Розанов: Pro et contra. К. 2. СПб., 1995. С. 95.

²⁰⁰ Розанов В.В. Февральские потери // Новое время. 1904. 3 марта. № 10056.

никогда 60-х годов»²⁰¹. Словно признание в любви звучат эти слова Розанова, в них он отдает должное тому времени, признавая неизбежность возникновения революционных умонастроений России 60-х. Розанов более объективен, для него очевидна и значимость этого исторического периода, и его громадное влияние на русскую ментальность. В дискуссии с Михайловским в голосе Розанова не было подобных интонаций. «В своей полемичности Розанов до крайности запальчив, горяч и нетерпим. Вплоть до нарушения всех правил литературной полемики, вплоть до перехода на самую грубую и оскорбительную брань, задевающую личность противника. Розанов не спорит и не дискутирует, а ругается и дерется»²⁰².

Ярким примером полемичности Розанова стали его взаимоотношения с В. Соловьевым.

Начало века ознаменовано трагическим событием в русской духовной жизни – 31 июля 1900 г. умер В. Соловьев. Взаимоотношения двух мыслителей складывались непросто. Соловьев был одним из самых выдающихся оппонентов Розанова на протяжении всей жизни. Их отношения можно определить скорее как вежливую вражду, нежели как дипломатическую дружбу. Соловьев был органически чужд Розанову в идеологическом смысле и глубоко неприятен лично: «...почему я особенно не люблю Толстого, Соловьева и Рачинского. Не люблю их мысли, не люблю их жизни, не люблю самой души...»²⁰³

Отвечая на анкету для Библиографического словаря деятелей Нижегородского Поволжья в 1909 г., Розанов лукаво признавался, что никогда не обижался на тех, кто его оскорблял, даже на людей грубых, и приводил в пример свой конфликт с романистом Всеволодом Соловьевым (старшим братом Владимира Соловьева). Якобы он никогда не думал, что его критика знаменитого историка С.М. Соловьева (их отца) может быть воспринята как очень серьезное оскорбление, приводящее к подобной ситуации: на одной из встреч с литераторами «он [Соловьев] неожиданно подошел ко мне и покрыл потоком ругательств, между коими “мерзавец”, “недостойн развязать ремень у сапога”, “я набил бы тебе морду, если б встретил не здесь, в постороннем обществе” –

²⁰¹ *Розанов В.В.* Когда начальство ушло... С. 345.

²⁰² *Синяевский А.* «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. С. 259.

²⁰³ *Розанов В.В.* Уединенное. С. 174.

были едва ли не самые мягкие»²⁰⁴. Такая бурная, да еще и публичная реакция совсем не затронула самолюбия Розанова, и он не почувствовал себя глубоко оскорбленным, в чем пытался убедить читателя. Правда, первоначально в тексте анкеты было написано «Вла...», а затем зачеркнуто и исправлено на «Всеволод». И скорее всего, несмотря на резкость Всеволода Соловьева, Розанов никогда не мог забыть (анкета была написана в 1909 г.) тех эпитетов, которые именно Владимир Соловьев позволил в его адрес.

Первоначальное знакомство Розанова с Соловьевым завязалось заочно и относится приблизительно к 1890 г. Соловьев написал положительную рецензию на книгу Розанова «Место христианства в истории». Но доброжелательный тон в скором времени резко изменился.

Розанов публикует статью «“Свобода и вера” (по поводу религиозных толков нашего времени)». Смысл свободы для истории и для человека он видит в том, что прежде всего нельзя «переступить смысл чужой свободы»²⁰⁵, только вера в Бога дает истинное ее познание. Розанов убежден, что «только не веруя ни во что, можно требовать для всего свободы»²⁰⁶. На эту работу Розанова В. Соловьев дал резкую отповедь, оскорбительную по своей сути в статье «Порфирий Головлев о свободе и вере», опубликованной впервые в «Вестнике Европы» в феврале 1894 г. Тема, затронутая мыслителем, является одной из самых важных для Соловьева. Он считает, что Розанов не просто не понимает данной проблематики, но умышленно искажает истину, используя туманные фразы и нечеткие формулировки. Соловьев называет писателя Иудушкой Головлевым за его стиль изложения и образ мышления: «По натуре своей он еще более лжив, чем скотоподобен; свой готтентовский субъективизм он фальшиво привязывает к универсальной и объективной истине...»²⁰⁷

Соловьев выступает за универсализацию понятия «свобода», тогда как Розанов защищает субъективный ее смысл. Соловьев

²⁰⁴ *Розанов В.В.* Анкета для Библиографического словаря деятелей Нижегородского Поволожья // Налепин А.Л., Померанская Т.В. Розанов@etc.ru. С. 143.

²⁰⁵ *Розанов В.В.* Свобода и вера (по поводу религиозных толков нашего времени) // Русский вестник. 1894. № 1. С. 268.

²⁰⁶ Там же. С. 286.

²⁰⁷ *Соловьев В.С.* Порфирий Головлев о свободе и вере // Василий Розанов: Pro et contra. С. 288.

считает, что особенно бесцеремонен Розанов в вопросе о свободе христианства по отношению к другим вероисповеданиям, его выводы просто нелепы, потому что он нечестен со словом. «Относясь к слову систематически нечестно, Иудушка называет свободой то, что все называют несвободой... он указывает, что идеальная свобода “не исключает страдания, тесноты для людей”»²⁰⁸. Статья Соловьева повлияла на отношение к Розанову его последующих оппонентов, а сравнение с Иудушкой Головлевым надолго станет ассоциироваться с жизненной и общественной позицией мыслителя. В одной из последних своих книг, «Мимолетное», Розанов вспоминал, что, несмотря на жаркие дискуссии, которые вызывали его статьи, и злобные выпады против него, особенную боль ему доставила статья В. Соловьева. Ответ Розанова не заставил себя долго ждать и был не менее резок.

Ядовитый скепсис у публициста вызывает все, написанное философом: идея слияния церквей и увлечения католицизмом, постоянное обращение к Евангелию, неудачная работа, как полагает Розанов, «Национальный вопрос в России» и многое другое: «...книги его не только не отвечают цели своей, но иногда ей противодействуют»²⁰⁹. Розанов считает, что его оппонент является ненавистником России, который презирает православную церковь и не позволяет себе ни одного упрека Западу. Главная и отличительная его черта – это неспособность определиться: то он падает на плечи славянофилов, то на плечи западников, с Достоевским едет в Оптину пустынь, затем он уже в Париже. Розанов утверждает, что это качество является причиной сущностной неопределенности Соловьева. Кто же он – богослов, философ, поэт? Подобные перевоплощения неприятны Розанову, который делает уничтожающий вывод: «Бедный танцор из кордебалета, пытающийся взойти на пылающий огнем Синай; жалкий тапер на разбитых клавишах, думающий удивить мир мелодией игры своей; человек тысячи крошечных способностей без всякой черты в себе гения; слепец, ушедший в букву страницы, не понимающий смысла читаемых книг, книг собственных, наконец, и он – в роли вождя народа, с бесстыдными словами, какими-то заклинаниями, – было ли в истории не нашей, но чьей-нибудь, явление столь жалкое, смешное, и, наконец, унижительное, унижительное не для

²⁰⁸ Там же. С. 286.

²⁰⁹ *Розанов В.В.* Ответ Вл. Соловьеву // *Русский вестник*. 1894. Апр. С. 198.

него уже, но для человеческого достоинства»²¹⁰. Сложно назвать это критикой, так резки определения Розанова, они выглядят грубой бранью в адрес Соловьева. Poleмика выглядела как самая настоящая перебранка. Никогда и никто так резко не писал о философе. Даже В.П. Буренин, отнюдь не благоволивший к В. Соловьеву, был вынужден за него заступиться в статье «Ноги в перчатках, желудки, цепляющиеся за маски, и проч.», опубликованной в «Новом времени» 29 июня 1894 г. Следует заметить, что такой полемический задор Розанова вполне соответствовал тону Соловьева, который не смягчал выражений. «Отсюда трудности войти с Розановым в полемику. Быть может, этим объясняется, что почти всегда к невыгоде противников Розанова полемика с ним превращалась в сквернословие и истерику, даже если противником был такой блестящий полемист, как Владимир Соловьев»²¹¹. В этой дискуссии гораздо грубее был Розанов, в его выражениях не было изысканной колкости, он был слишком прямолинеен и не считал нужным быть снисходительным. В дальнейшем Розанову будет присуща более вкрадчивая и насмешливая с убийственным сарказмом тональность полемики, которая оправдывает данное ему определение, – «ядовитый нововременец».

Позже, в 1895 г. состоялось личное знакомство Розанова с Соловьевым по инициативе последнего, во время которого ни один из них не обмолвился о споре. «О полемике мы никогда не вспоминали – просто как о том, что “прошло”»²¹². По обоюдному согласию, они «забыли» о прошедшем, но эта дискуссия несомненно наложила глубокий отпечаток на их взаимоотношения. Соловьев раздражал Розанова не только идейно, но и своими личными качествами. Розанов думал, что философ неискренен в порывах доброты, холоден душой и высокомерен; всегда утверждал, что Соловьев не тот, за кого его принимают, да и вообще в нем нет ничего теплого и живого. «Он был весь блестящий, холодный, стальной (поразительно стальной смех у него, – кажется, Толстой выразился: “ужасный смех Соловьева”)...»²¹³

Расхождения этих двух великих людей прослеживаются практически в каждом вопросе, которого они касаются. Их мне-

²¹⁰ *Розанов В.В.* Ответ Вл. Соловьеву. С. 203–204.

²¹¹ *Ильин В.Н.* Стилизация и стиль // Розанов Василий: Pro et contra. С. 412.

²¹² *Розанов В.В.* Из старых писем // Золотое руно. 1907. № 2. С. 52.

²¹³ *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. С. 142.

ния всегда были диаметрально противоположными. Особенно ярко эти противоречия проявляются в вопросах религии и пола, что чрезвычайно важно для Розанова. Если Соловьев видит в половой жизни нравственное зло, то Богом в религии Розанова был Пол; если внутренне философ ближе к аскетизму, то именно за это бичует Розанов христианство, если Соловьев мечется между православием и католицизмом, между Россией и Западом, то Розанов убежден в величии Востока и порой яростно национален.

Публикация Соловьева о Пушкине снова привела к дискуссии с Розановым и к их неформальной ссоре (мы рассмотрим эту полемику позже). Розанов не мог удержаться от саркастической насмешки в каждой статье, посвященной произведениям Соловьева.

Одним из самых необычных псевдонимов Розанова является «Мнимоупавший со стула». Объяснение случаю, в результате которого появилась столь странная подпись, было дано в «Новом времени» от 29 февраля 1900 г. На лекции Соловьева о конце всемирной истории в полной тишине кто-то свалился со стула, вызвав испуг у окружающих. Этот кто-то и был Розанов, который сказал, что произошло это по двум причинам: «от крайнего старья в меблировке зала городской думы» и «от крайней скуки», ибо на чтении все «было так же обыкновенно буднично и не ново, как в отделе всякой газеты, под рубрикой “Среди газет и журналов”»²¹⁴.

Часто Розанов не просто скептичен, но и несправедлив к личности Соловьева. Так, анализируя достижения русской литературы и философии за 25 лет в статье «Умственные течения в России», он приходит к выводу, что Соловьев чрезвычайно мало русский по духу и чуть ли не великий компилятор. В рецензии «Что приснилось философу», посвященной фельетону Соловьева «О поддельном добре», Розанов пишет: «Г. Соловьев напустил такой туман, что при чтении у меня даже волосы отсырели»²¹⁵. Статья философа, вызвавшая возмущение публициста, написана, по мнению Розанова, как реклама собственному труду: «Вот я умираю, но написал самую важную книгу»²¹⁶. «Так закатывается солнце нашей философии», – с усмешкой заканчивает статью Розанов, не предвидя, сколь пророческими окажутся его слова.

²¹⁴ *Мнимоупавший со стула*. Письмо в редакцию. В.В. Розанов // Новое время. 1900. 29 февр. № 8623.

²¹⁵ *Розанов В.В.* Что приснилось философу // Там же. 16 мая. № 8698.

²¹⁶ Там же.

Холодно отдавая дань многим дарованиям Соловьева, Розанов выше всего ставит его поэзию: «Думается, что болящей его душе необходимы забвение, отдых, утешение – и стихи, естественно, появились как ответ на эту потребность»²¹⁷. Подобное утверждение лишь на первый взгляд кажется очередной иронией Розанова. Оригинальный мыслитель, философ Соловьев стоит у истоков русской религиозной философии. Но высказывание Розанова неслучайно. «Еще надо посчитать, сколько в философии своей, и в публицистике, и в политике Соловьев был просто поэтом и не более как поэтом»²¹⁸. Поэзия – тот вид литературного творчества, в котором невозможна неискренность и холодность души. Это всегда было важно для Розанова. Одно из основных качеств, за которое публицист всегда упрекал Соловьева, – это «смятение ума и чувств, соединенное с ледяным равнодушием сердца»²¹⁹. Только в поэзии он видел магию соловьевской души, ибо тот был открыт и искренен. Именно поэтому данная область творчества Соловьева так важна для Розанова.

Касаясь взаимоотношений двух мыслителей, Э. Голлербах, первый биограф Розанова, человек, близко знавший его, делает вывод: «Розанов был Соловьеву интересен, Соловьев Розанову – едва ли»²²⁰. Слишком категоричным и субъективным звучит подобное высказывание. Скорее наоборот, Соловьев интересовал Розанова гораздо больше, чем Розанов Соловьева. Упреки в равнодушии, холодности, отсутствии сострадания неслучайны у Розанова, так как у философа нет подобных выводов о личности Розанова, да и вообще Соловьев писал о Розанове гораздо меньше. В одном из писем К. Леонтьеву Соловьев называет Розанова человеком способным и мыслящим, и это единственная его характеристика. Именно то, что Соловьев не проявлял к Розанову особого интереса, вызывало у последнего такую болезненную реакцию. Отношение Розанова к Соловьеву порой напоминает его отношение к Гоголю. Однако, на наш взгляд, именно Розанов

²¹⁷ *Розанов В.В.* На границах поэзии и философии (Стихотв. Вл. Соловьева, 3-е изд., доп. СПб., 1900) // Новое время. 1900. 9 июня. № 8721.

²¹⁸ *Розанов В.В.* Философ Рудин (Собрание сочинений Вл.С. Соловьева. Т. 1 (1873–1877). СПб., 1901) // Там же. 1901. 13 нояб. № 9230.

²¹⁹ *Розанов В.В.* На границах поэзии и философии (Стихотв. Вл. Соловьева, 3-е изд., доп. СПб., 1900) // Там же. 1900. 9 июня. № 8721.

²²⁰ *Голлербах Э. В.В.* Розанов. Жизнь и творчество. М., 1991. С. 26.

понимал и глубоко чувствовал Соловьева, как никто из современников философа.

После смерти Соловьева многие говорили о некоей его божественности и мессианстве, Розанов же видел в нем нечто другое: «В Соловьеве только интересное, что “бесенок сидел у него на плече” (в “Балтийском море”). Об этом стоило поговорить. Загадочна и глубока его тоска; то, о чем он молчал. А слова, написанное – все самая обыкновенная журналистика (“бранделясы”). Он нес перед собою свою гордость. И она была – ничто. Лучшее в себе, грусть, – он о ней промолчал»²²¹. Антихристом называли самого Розанова за низведение принципов христианства и проповедь плотской любви. Однако он замечал демонические черты в Соловьеве, считая его одержимым нечеловеческой гордыней. «Соловьев был странный, многоодаренный и страшный человек. Несомненно, что он себя считал и чувствовал выше всех окружающих людей, выше России, ея Церкви...»²²² Розанов был уверен, что Соловьев неискренен в общении и презирает окружающих, утверждаясь в собственном величии. Розанов упрекает его в том, чему сам следует всю жизнь: вечный духовный поиск, взлеты и падения – все то, что присуще ему самому, вызывает у него наибольшее раздражение. В то же время Розанов глубоко прочувствовал тоску и одиночество гения, быстротечность и суетность бытия, непонимание и боль жизни. «“Скованный Прометей” – вот другое возможное для него определение: но “скованный” земною половиною своего безмерного существа, скованный внутренне, а не внешне – и, следовательно, особенно роковым образом. В общем его жизнь и судьба может быть названа грустною»²²³.

Смерть Соловьева поразила Розанова. Он потерял достойного идеологического противника, лучшего из лучших мыслящих оппонентов, блестящего полемиста. В год смерти философа глгучее раскаяние не покидает Розанова. Вспоминая множество резких слов, высказанных им о покойном, Розанов пишет: «Хоть поздно, но можно и хочется обратиться к нему не одно общее всем людям надмогильное “Прощай”, но и отдельное свое “прости”...»²²⁴

²²¹ *Розанов В.В.* Уединенное. С. 111.

²²² *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. С. 142.

²²³ *Розанова В.В.* Еще о Вл. Соловьеве // Новое время. 1900. 20 авг. № 8793.

²²⁴ *Розанов В.В.* Памяти Соловьева // Мир искусства. Т. 4. 1900. С. 36.

Публикуя через пять лет после кончины философа несколько писем к нему в журнале «Вопросы жизни» в 1905 г. с комментариями, Розанов признался: «Чем я воспользовался от Соловьева, его знаний, души? Ничем. Просто – прошел мимо, совершенно тупо, как мимо верстового столба. Отчего я с ним не заговорил “по душам”, хотя так много думал о нем до встречи, после встречи и после смерти. Думал о нем, когда не видел; а когда видел – совершенно ничего не думал и просто ходил мимо, погруженный во всяческую дребедень»²²⁵. Но, к сожалению, это христианское «прости» и печальные размышления об упущенной возможности настоящего диалога с Соловьевым не стали последним словом в их долгом единоборстве. Лишь в первые годы после смерти философа Розанова будет пронизывать желание оправдаться, позднее в «Уединенном», «Опавших листьях», «Мимолетном» он снова начнет упрекать Соловьева в отсутствии любви. В одной из статей Розанов неожиданно сравнил Соловьева с Гоголем, однако подобное сравнение неслучайно. Гоголь, правда, хранил сакраментальное молчание, а Соловьев бурно дискутировал. Розанов считал, что «Повесть об Антихристе» Соловьева похожа на «Авторское завещание» Гоголя, – такое же непомерное самолюбие автора, такая же неуместность и ошибочность выводов. «Но, к счастью, ошибки философов еще не образуют ошибки мира»²²⁶.

²²⁵ *Розанов В.В.* Из старых писем. Письма Вл. Серг. Соловьева // Розанов В. Русская мысль. М.: Алгоритм – Книга, изд-во «Эксмо», 2006. С. 444.

²²⁶ *Розанов В.В.* Философ Рудин...

Глава 3

Философия игры: В.В. Розанов в полемиках с современниками

«Заклятые друзья»: В.В. Розанов и Д.С. Мережковский

Знакомство Мережковского с Розановым произошло еще до того, как он стал служить в газете А.С. Суворина «Новое время». Их сближению способствовал П. Перцов. Весной 1897 г. Мережковские посетили Розанова, который жил тогда на окраине Петербурга. Гиппиус после этого визита показалось, что она побывала в провинции – так темно и грязно было на улице, когда они возвращались. Но она сразу же оценила неординарность мышления и оригинальность взглядов Розанова, который щедро в первый же вечер делился с новыми гостями своими идеями в области пола и христианства. Гиппиус отметила нелепость его социального положения, будучи уверенной, что такой человек, конечно, не может быть учителем или служить в Контроле. Но главное, что было важнее всего для Мережковских, – они почувствовали близость в мировосприятии до такой степени, что Мережковский осенью напишет Перцову о том, что в это время для него Розанов «один единственный человек в Петербурге, с которым мы с Вами можем отводить душу»²²⁷.

Именно отсюда и начинается эта странная дружба. Сложно представить двух более противоположных людей, чем Розанов и Мережковский. Один из них убежденный (ему так казалось в то время) консерватор, тяготеющий к славянофильству, другой – декадент, символист и не менее убежденный западник.

Но в конце XIX в. перед приходом к Суворину Розанов, переживая внутренний кризис, начинает интересоваться декадентством (до этого он публиковал не очень лестные статьи о нем,

²²⁷ Мережковский Д.С. – Перцову П.П., 2 сентября 1897 // Русская литература. 1990. № 1. С. 164.

называя его «смрадным явлением» в русской литературе в статье «Декаденты» (1896), разбирая там стихотворение Мережковско-го). Правда, Розанов сразу обратил внимание на две существенные для него вещи в развитии современной литературы – критика позитивизма и отношение к Эросу. Декаденты во главе с Мережковским становятся все более интересны ему. В одном из писем Перцову он скажет: «Потянуло новым в воздухе... “фиолетовые руки” восторжествовали и либерализм сам “спасется куда можно” – я становлюсь внутренне свободным. Да, больше сумрака, больше неясности! Больше поэтического, больше святого! К черту политика и да здравствует арфа...»²²⁸

Познакомившись с Мережковским, Розанов входит в новый для него круг молодых и амбициозных писателей, поэтов, художников. Он активно посещает понедельники Дягилева (становится постоянным автором «Мира искусства»), среды Мережковских, а также приглашает к себе по воскресеньям. В этот период для Розанова наступает время развития темы пола, критики христианства и аскетизма, поиска новых путей церковного обновления. Для них же он становится неиссякаемым источником и даже своеобразным идеологом их замысла построения Новой Вселенской Церкви. Неслучайно Бердяев заметил, что Мережковский очень много заимствовал у Розанова: «Огромное влияние оказал на Мережковского Розанов, его постановка религиозных тем, его критика христианства»²²⁹.

Именно тема пола в творчестве Розанова и его анализ христианства с этой точки зрения производили большое впечатление на Мережковского. Однако Розанов, погружаясь в тему пола, пел гимн семье и деторождению – отсюда его интерес к Египту, а потом и к иудаизму. Для Мережковского же более важным была критика ортодоксального христианства и обретение Нового пути.

В 1904 г. выходит книга Розанова «В мире неясного и нерешенного». Ее центральная тема – это мистика пола, как некоей космической величины, лежащей в основе и развитии человеческой жизни. Пол для Розанова является первоосновой бытия и прежде всего духовной жизни человека, потому что пол духовен,

²²⁸ Розанов В.В. – Перцову П.П., декабрь 1897 // Розанов В.В. Соч. М.: Советская Россия, 1990. С. 497.

²²⁹ Бердяев Н.А. Новое христианство (Мережковский) // Мережковский Д.С. Pro et contra. С. 332.

а соитие, по словам Розанова, «есть озарение Пола, минута его гениальности»²³⁰. Он свят и целомудрен. Высшую степень проявления Божественного в Поле Розанов видит только в семье и деторождении: «Нет высшей красоты религии, нежели религия семьи»²³¹.

Мережковский быстро откликнулся обширной рецензией. Он сразу же отметил гениальную прозорливость и интуицию Розанова, который, опираясь только на Библию, так детально описывает эротическую культуру Востока, Египта и древних евреев, возводя пол до некоего святого абсолюта. Розанов, определяя пол как «трансцендентный ноумен», сомневается, что в историческом христианстве он может разрешить главный для себя вопрос о новом отношении к полу и о преобразении Брака. И это вызывает возражение Мережковского, он считает, что Розанов не понимает, что «Христос освящает плоть, что аскетизм Христа есть преобразование Пола, а не его отрицание, что будущность Пола – в стремлении к новой христианской влюбленности, а отнюдь не в идеале скопческого изуверства... И в этом великая правда грядущей церкви»²³². К тому же Мережковскому совершенно чужда идея образа Мира как вечного родильного дома (определение Мережковского) у Розанова. На взгляд мыслителя, перебарщивает Розанов и с деторождением как с высшей точкой, в которой проявляется святость Пола. В этом нет ни движения, ни будущего, полагает Мережковский, стихия Пола никогда не ограничится лишь рамками деторождения. Но несмотря на эти возражения, Мережковский восхищен смелостью взглядов и признает, что «Розанов живет среди смертельных опасностей. Он изучает молнию. Он открыл новую, чудесную силу, которую до него или не замечали, или считали дьявольским наваждением... <...> Розанов... расширяя наше религиозное сознание, выдвинул и осветил такие стороны нашего бытия, которые до него пребывали в темноте»²³³. Идеи Розанова до такой степени близки Мережковскому, что он считает вредным и опасным критиковать Розанова, потому что немногие понимают всю глубину его прозрений о Поле и надо дать время обществу по достоинству их оценить.

²³⁰ *Розанов В.В.* В мире неясного и нерешенного. С. 279.

²³¹ Там же. С. 79.

²³² *Мережковский Д.С.* Новый Вавилон // Новый путь. 1904. № 3. С. 171–180.

²³³ Там же. С. 179–180.

Здесь стоит отметить, что именно круг Мережковского (и прежде всего он сам) объявил Розанова гениальным мыслителем. Декаденты, к которым Розанов относился с некоторым предубеждением и страхом, оценили всю оригинальность экстравагантных идей Розанова. За это ему, как никому другому, прощалось многое, даже близость к «Новому времени». Гиппиус лукаво вспоминает: «Мы все держались в стороне от “Нового времени”; но Розанову его “суворинство” инстинктивно прощалось; очень уж было ясно, что он не “ихний” (ничей): просто “детिशкам на молочишко”»²³⁴.

Такие журналы, как «Мир искусства» и особенно «Новый путь», основанный Мережковскими (в нем у Розанова даже была собственная рубрика «В своем углу»), охотно предоставляли Розанову возможность для изложения самых заветных идей. «В мире искусства», журнале, далеком от всякой церковности, только и слышалось: «Мережковские, Розанов»²³⁵, вспоминал Андрей Белый.

Если в этих изданиях Розанов чувствовал понимание и близость своим, даже очень смелым взглядам, то в «Новом времени» ему приходилось защищать декадентов от нападок коллег. Газета не поддерживала новых исканий молодых литераторов и художников и часто подвергала их критике, иногда весьма несправедливой и очень резкой: «Трудно представить, с какой ненавистью был встречен журнал и вся деятельность кружка среди “старомодных” элементов художественного мира...»²³⁶ Чего стоит, например, история Буренина с Дягилевым (Буренин написал о нем резкий фельетон, обозвав его Митрофанушкой, дилетантом и шарлатаном²³⁷. В свою очередь, Дягилев, придя домой к критику, дал ему пощечину. Скандал гремел на весь Петербург)²³⁸. В еще одной злобной статье Буренин писал, что в журнале «Новый путь» принимают участие поэт Блох и философ Мистицизм Мистицизмич Миква (непрозрачный намек на Розанова, который в

²³⁴ Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания, стихотворения // Гиппиус З. Собр. соч.: В 15 т. М.: Русская книга, 2012. Т. 6. С. 109.

²³⁵ Белый А. Встреча с Мережковским и Зинаидой Гиппиус // Белый А. Начало века. М.: В/О Союзтеатр СТД СССР, 1990. С. 192.

²³⁶ Перцов П.П. Литературные воспоминания 1890–1902. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 224.

²³⁷ Буренин В.П. Критические очерки // Новое время. 1899. 16 апр.

²³⁸ Примечания. 1899 // Дневник Алексея Суворина. С. 583.

нем публиковал свою большую работу об иудаизме). Последнему приходилось несколько раз защищать Мережковского от нападок критиков, называя его «своим милым другом».

Розанову были близки не только религиозные, философские и художественные взгляды его новых друзей, сколько поведенческие стратегии представителей Серебряного века. Определенная устоявшаяся модель мира, предложенная старой художественной реальностью, не устраивала декадентов, они начали противопоставлять ей игровое пространство, которое кардинально меняло не только литературные правила, но и личное поведение. Именно литература задавала основные правила игры и была главным мерилom в дискурсе поведенческого текста. Декаденты приносили литературу в жизнь и жили в этой заданной эстетической реальности. Так, Мережковский в тот период видел себя не меньше, чем пророком, вестником Новой Церкви (например, собирая материал о царевиче Алексее для своего нового романа, он посетил Керженские леса, где, сидя на пне, рассказывал мужикам об Апокалипсисе и был поражен тем вниманием, с каким его слушали, – об этом мы узнаем из статьи Розанова «Среди иноязычных»).

Условное и литературное становилось сущностным и сокровенным, вытесняя подлинную реальность и открывая возможности обретения свободы выражения: «Подлинная сущность человека не может раскрыться в реальности. Искусство переносит человека в мир свободы и этим самым раскрывает возможности его поступков»²³⁹. Так текст становился метафорой жизни, нарушая запреты существующих законов в обществе. А снятие ограничений на определенные темы обсуждаемых вопросов не могло не влиять на общественное мнение. Дружеское взаимопонимание Розанова с Мережковским строилось не только на духовной близости в вопросах религии и пола (они довольно серьезно расходились в конечных выводах), но и во многом в новом видении реальности, в своеобразном бунте против устоявшихся норм общественного быта и бытия, который был очень важен для Розанова в то время. Смелость его воззрений активно приветствовалась и полностью разделялась Мережковским.

Розанов в тот период дружески поддерживает Мережковско-го, и критика его работ в основном очень доброжелательна. Так,

²³⁹ *Лотман Ю.М. Феномен искусства // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 131.*

в статье «Серия недоразумений», посвященной докладу Мережковского о Толстом и Достоевском в Религиозно-философском собрании (а Мережковский в это время печатает свою книгу в «Мире искусства»), Розанов призывает критиков сначала внимательно прочитать Мережковского, а потом уж высказывать свое негативное мнение.

В 1903 г. Розанов опубликовал статью «Среди иноязычных», посвященную Мережковскому. Данный очерк – первая попытка Розанова осмыслить его личность. В нем он впервые обращает внимание именно на те качества его характера, которые позднее будут так серьезно раздражать мыслителя, прежде всего нерусскость Мережковского. Он всего-то и знает в России, как пишет Розанов, «только Варшавскую жел. дорогу, по которой он уезжал за границу, да еще одно-два дачных места около Петербурга...»²⁴⁰ Но все изменилось в Мережковском после поездки в Керженские леса, где он собирал материал для своего нового романа «Цесаревич Алексей», и «сейчас я его знаю», признается Розанов, «как человека, который ни в одном народе, кроме русского, не видит уже интереса, занимательности, содержания»²⁴¹.

Выделяя самые интересные качества Мережковского-писателя, Розанов пишет, что как ему как никому другому дано почувствовать таинства самых разных миров: «Но я не знаю другого литературного явления, чем “Д.С. Мережковский” (беру попен взамен “орега Omnia”), которое бы так вразумительно и наглядно подводило нас к постижению другого, тоже никогда не разгаданного, огромного исторического явления»²⁴². Так же Мережковскому удалось примирить мир христианский и внехристианский в своих воззрениях, он соединил острое в христианстве и острое в язычестве. В этом задача Мережковского достигает своего апогея – найти в Христе лицо древнего Диониса-Адониса и «таким образом персонально и религиозно слить оба мира»²⁴³. Мережковский либо все разрушает, либо преображает, но ничего не оставляет в прежнем виде, и в этом причина его одиночества и непонимания (метафорически Розанов сравнил его с несчастным англичанином, который замерз на улице Петербурга, не силах

²⁴⁰ Лотман Ю.М. Феномен искусства // Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 83.

²⁴¹ Там же. С. 84.

²⁴² Там же. С. 85.

²⁴³ Там же. С. 90.

объясниться и назвать адрес гостиницы, в которой он остановился). Очерк уже тогда производил двусмысленное впечатление своими выводами о творчестве Мережковского. Но статья очень понравилась последнему, и он просил Розанова прислать дополнительные оттиски.

В своей небольшой заметке о Мережковском Розанов, продолжая защищать его от нападков критики по поводу анализа творчества Толстого, приводит в доказательство уважения Мережковского к писателю устный разговор с критиком, не спрашивая разрешения об этом. Мережковский был несколько удивлен и прислал письмо в редакцию. Розанову пришлось печатно извиниться, но все отнеслось к этому как небольшому недоразумению. Тогда еще никто не подозревал, к чему и какие формы может обрести подобное легкомыслие Розанова-публициста.

Но 1903–1905 годы стали годами духовного кризиса Мережковского, который обусловили в том числе и внешние обстоятельства: в 1903 г. Синод запретил религиозно-философские собрания, в 1904 г. закрылся (в основном из-за финансовых проблем) «Новый путь», разразился знаменитый скандал с Образцовой (последняя была слишком горячей поклонницей Мережковского, уверовав в его проповедь «нового религиозного действия» так, что даже пожертвовала 3000 рублей на журнал, а потом потребовала их назад). В обществе распространились сплетни, что писатель взял деньги за любовь, эта история позволила Розанову в момент ссоры с Мережковским назвать его «прогрессивным сутенером».

Сильное впечатление на Мережковского произвела революция 1905 г. Возмущенный наступившей после нее реакцией, он в 1906 г. уезжает из России в добровольное изгнание на два года. Но, даже находясь в добровольном изгнании, он не прерывает связи с Россией. В либеральной прессе регулярно появляются статьи Мережковского. В одной из них, анализируя одну из своих самых главных тем – тему религиозного смысла русской революции, – Мережковский обращается к фигуре Розанова и дает интересный, сжатый анализ основных идей мыслителя периода 900-х годов.

Мережковский считает его явлением более антихристианским, чем Ницше: «Достоевский ужаснулся бы, увидев, кого произвел на свет в лице этого ученика своего»²⁴⁴. Философ счи-

²⁴⁴ Мережковский Д.С. Революция и религия // Мережковский Д.С. Не мир, но меч. М.: Аст, 2000. С. 65.

тает, что Розанов находится под влиянием соблазна возвращения к язычеству, используя миф о потерянном рае для борьбы с Христом. В этом истоки его предпочтения Ветхого Завета перед Новым. Для Розанова все древние религии – религии святости пола и святости семени, что полностью отрицается христианским миром и прежде всего Христом. Именно в нем для Розанова заключено отрицание мира и культуры. Но в данный период для Мережковского все еще чрезвычайно важно видеть в Розанове своего сообщника, поэтому он прощает ему многое и делает вывод о том, что с подобными воззрениями Розанов не мог войти ни в одну из настоящих поместных церквей христианских, «но в грядущую, вселенскую Церковь он должен войти»²⁴⁵. Не о своих ли планах (о Церкви Грядущей) делится Мережковский? И тут же признается, что единственные люди в России, которые по достоинству смогли «величайшего писателя современности» Розанова, – это декаденты.

Не слишком резко критикуя Розанова, Мережковский тем не менее называет его «смесью Акакия Акакиевича с Великим Инквизитором». И, подчеркивая всю мизерабельность его внешности, сравнивает его с В. Соловьевым далеко не в пользу Розанова. Мыслитель выглядит как мелкий чиновник или провинциальный гимназический учитель из поповичей. Вряд ли это было приятно Розанову, который статью, конечно, читал.

Но здесь интересен и другой момент: в тот период в связи с возобновлением работы Религиозно-философского общества в Петербурге в 1907–1908 гг. на заседаниях снова остро встал вопрос о «новом религиозном сознании». Это прежде всего касалось Мережковского, выдвигавшего главные идеи в построении религии Третьего Завета. И в своем первом докладе (15 октября 1907 г.) «О нужде и неизбежности нового религиозного сознания» Розанов выступает не только против определенных позиций докладчиков (С.А. Аскольдова и В.П. Свенцицкого), но и в защиту Мережковского. Розанов считает, что в основе религии прежде всего лежит душевное переживание отдельной личности, и в этом вопросе он понимает Мережковского. Также вызывает острую критику Розанова ложь старой церкви: «Все зрелище, весь вид церкви, все старые иконы ее нашептывают мне: “ложь! ложь! ты пришел сюда ко лжи, ты здесь стоишь перед ложью. Все здесь

²⁴⁵ *Мережковский Д.С.* Революция и религия // Мережковский Д.С. Не мир, но меч. С. 73.

тобою видимое – ложно»²⁴⁶. В докладе он практически занимает позицию Мережковского (церковь устарела и нуждается в обновлении). Но позже Розанов меняет свое отношение к мыслителю и уже в следующем докладе вступит в открытую полемику с ним по поводу взаимоотношения культуры и христианства.

Темы, обсуждаемые в то время, были настолько актуальными и интересными, что Бердяев в том же 1907 году опубликовал книгу «“Новое религиозное сознание” и общественность», в которой он глубоко анализировал и выразил свою точку зрения на главные темы этого направления в русской религиозно-философской мысли. Но, поблагодарив Мережковского во вступлении к работе, философ парадоксальным образом больше ни разу не упомянул его фамилию, при этом часто полемизируя с его идеями.

Становится очевидным, что Розанов в статье «Представители “нового религиозного сознания”», которая выходит уже в следующем 1908 году, решается завершить эту полемику, давая собственный краткий аналитический обзор. И прежде всего он называет причины, лежащие у истоков этого явления. С одной стороны – это скитальчество и «тоска русского дворянина», а с другой – семейные нужды русского православного человека. В первом случае Розанов указывает на Мережковского, во втором – он пишет о себе. Несомненно, что Мережковский и Розанов стояли у истоков возникновения «нового религиозного сознания», но каждый исходил из глубины собственных озарений и поисков.

Розанов в этой статье более открыто критикует Мережковского. Он, отдавая должное образованности мыслителя, считает, что в его утонченной культурности лежит слабость и оторванность от реалий действительности. И в этом, полагает Розанов, Мережковский очень похож на Белинского. Подобную реминисценцию можно рассматривать лишь как ответный саркастический выпад Розанова на те литературные (и не только) сравнения, который допустил в его адрес Мережковский. Все-таки не очень образованный представитель натуральной школы, позитивист, атеист Белинский (которого к тому же терпеть не мог Розанов) и невероятно образованный религиозный мыслитель, символист Мережковский явно принадлежали к разным пластам культуры и не имели никаких признаков интеллектуального сходства.

²⁴⁶ *Розанов В.В.* О нужде и неизбежности нового религиозного сознания // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. 1907–1909. М.: Русский путь, 2009. С. 62.

Между тем Мережковские возвратились в Петербург. «Вернулись, не отдохнув. Вторая зима. В России – крепкий сон, мороз реакции и торжество виселиц (1909–1910)»²⁴⁷ – так написала Гиппиус.

И если Мережковский остался верен своим либеральным убеждениям и политическому радикализму, которым он был охвачен после революции 1905 г., то с Розановым произошло иначе. С одной стороны, революционные события повлияли на его своеобразный «уход» из «Нового времени» (он стал печататься в «Русском слове», которое идеологически было более либеральным), а с другой – Розанов уже к 1909 г. снова занял более консервативную позицию. К этому моменту и формируется специфический розановский стиль журналистского поведения, который начинает приводить в бешенство его оппонентов: «Розанов начинает писать двумя руками: в “Новом времени” одно – в “Русском слове”, под прозрачным и не скрывающимся псевдонимом, другое»²⁴⁸.

Двуликость Розанова, его нежелание подчиниться общепринятым правилам и соответствовать только одной позиции вызывает все большее и большее раздражение. К тому же он начинает практически открыто выступать против политики Мережковского в Религиозно-философском обществе. Ему неприятно главенство Мережковского и люди, которых он приглашает на заседания, представители левых партий и марксисты. Розанов высмеивает выступления отдельных докладчиков, и больше всего снова достается «декадентам». Так, А. Блок читает доклад «Стихия и культура» с «лицом мертвеца», как пишет Розанов, и говорит о катастрофе грядущего, о разрыве интеллигенции с народом. «Публика захламлена от ожидания. Вот мертвец заплачет или завопит. Но мертвец сел на стул, точно в гроб упал. Завопил Д.С. Мережковский»²⁴⁹. Розанова возмущает лицемерие последнего, который сравнил политику современной России с внутренней Цусимой. Он убежден, что Мережковский неискренен, да и не понимает того, что реально происходит. Его потуги на пророчество

²⁴⁷ Гиппиус З. О бывшем (1899–1914) // Гиппиус З. Дневники: В 2 т. М.: НПК «Интелвак», 1999. Т. 1. С. 142.

²⁴⁸ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Стихотворения // Гиппиус З. Собр. соч.: В 8 т. М.: Русская книга, 2012. Т. 6. С. 131.

²⁴⁹ Розанов В.В. Литературные спекулянты // Новое время. 1909. 11 янв. № 11794.

обречены на провал, ибо его просто не слышат приглашенные им же марксисты. «Но он не пророк, именно не пророк. Он ученый, мыслитель, писатель и только»²⁵⁰.

Розанов понял, что Религиозно-философское общество, членством в котором он очень дорожил, будет совсем другим, ибо на этот раз Мережковский уже не заинтересован в его участии в нем. В письме к Блоку он пишет об измене Мережковского духу товарищества: «...что это за цыганство и что же это за лакейство, что за “российский нигилизм” (не лучше Пуришкевича)... все это пойдет лучше, если мы оттолкнем синодского чиновника Тернавцева и нововременца Розанова, которые решительно нас компрометируют...»²⁵¹ И это лакейство почти после 10 лет дружбы, «сидений», «лежаний», «чаепитий», продолжает обиженный Розанов, «ибо это была дружба настоящая, простая, ясная, глубоко скромная... Все это смесь Смердякова с Каинством»²⁵². Но тут же добавляет, что он уверен, что «все это идет не от Д.С., а от “переумничавшей” (и по сему попавшей в “дуры”) Зин. Ник.»²⁵³.

Подобные настроения и явно охлаждающие дружеские отношения привели к тому, что Розанов январе 1909 г. опубликовал в «Новом времени» открытое письмо, в котором сообщал о своем выходе из совета Религиозно-философского общества. Он сразу оговорился, что не испытывает личной неприязни к членам совета, но более не может «выслушивать литературные счета, сшибки литературных самолюбий»²⁵⁴. Фактически тем самым Розанов ставил себя в оппозицию к Мережковскому и лицам, приближенным к нему.

Усугубили конфликтную ситуацию и две рецензии Розанова на статьи А. Блока «Мережковский» и «Стихия и культура». И до этого Розанов несколько раз публиковал резкие статьи в адрес Блока. В статье «Автор “Балаганчика” о петербургских религиозно-философских собраниях», опубликованной в «Русском слове» 25 января 1908 г., он обвинил поэта в непонимании и равнодушии к религиозным исканиям русской интеллигенции.

²⁵⁰ Розанов В.В. Трагическое остроумие // Там же. 9 февр. № 11822.

²⁵¹ Розанов В.В. – Блоку А.А., 19 февраля 1909 // Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 517.

²⁵² Там же. С. 517–518.

²⁵³ Там же. С. 518.

²⁵⁴ Розанов В. Письмо в редакцию // Новое время. 1909. 17 янв. № 11800.

После этого Блок писал о Розанове: «Не теряя к нему уважения вообще, не хотел бы подавать ему руки»²⁵⁵. В статье «Трагическое остроумие» Розанов, делая комплимент Блоку в неожиданном остроумии, ядовито пишет о рекламном характере богоискательства Мережковского, характеризуя его как религиозно безвкусного человека. Розанов убежден, что религиозный путь познания Бога – процесс глубоко сокровенный, не общественный, а Мережковский «как бы арестует Бога и требует от него отречения от извечной сущности Его – скрытости, тайны...»²⁵⁶ Мережковский пытается быть пророком, заигрывает с демонами, но публицист считает, что в его книгах нет Божьей тайны, а весь его нарочитый сумрак – не покров этой тайны, а чердак с мышами вместо демонов. Темнота его книг обусловлена путаницей мыслей, пишет Розанов и делает горький и впечатляющий вывод: «Мне осталось проститься, задвинуть урну с пеплом моего друга в самый далекий уголок сердца, хоть все же капризно грустящего»²⁵⁷.

Возможно, что с другом Розанов и простился, но с новоявленным врагом нет. Продолжая критику Мережковского, Розанов в следующей статье неблагоприятно отзываеся и о Блоке. Поэт считает заслугой Мережковского, что он, будучи светским человеком, так смело рассуждает о Боге. Розанов тут же отзываеся, что о Боге писали и другие светские люди, например В. Соловьев, Н. Страхов, К. Леонтьев, и стыдно об этом не знать. Иронизируя над патетическим стилем Блока, публицист предлагает ему сыграть Демона в опере Рубинштейна и делает уничижительный вывод: мрачный демонизм декадентов «от того, что они пишут плохие стихи»²⁵⁸. Говоря о том, что у Блока безжалостное поэтическое сердце, Розанов обобщает: «Суть декадентов в том и состоит, что они ничего не чувствуют», их тоска – «это тоска отъединения, одиночества, глубокого эгоизма»²⁵⁹. Он убежден в несерьезности и незрелости суждений поэта о народе. Он полагает, что Блок вооб-

²⁵⁵ Блок А.А. – Иванову Е.П., 31 января 1908 // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 228.

²⁵⁶ *Розанов В.* Трагическое остроумие // Новое время. 1909. 9 февр. № 11822.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ *Розанов В.* Попы, жандармы и Блок // Новое время. 1909. 16 февр. № 11829.

²⁵⁹ Там же.

ще не понимает, насколько русскому народу нужна вера, церковь, и не согласен с идеей поэта о разъединении народа и интеллигенции. Статья была настолько резкой, что Блок решил объясниться с Розановым.

«Возражать я буду меньше всего – глубокому мистик и замечательному писателю Розанову, больше всего – “нововременцу” В.В. Розанову»²⁶⁰. Напрасно, как он считает, Розанов упрекает его в холодности, безжалостности и декадентстве. «Ведь я, Василий Васильевич, с молоком матери впитал в себя дух русского “гуманизма”»²⁶¹. «Дед мой – А.Н. Бекетов, ректор Спб. университета, и я по происхождению и по крови “гуманист”, т. е., как говорят теперь, – “интеллигент”». Поэт не отрицает, что повинен в грехе декадентства, но кто же его не избежал? Он объясняет Розанову, что любит и понимает народ, но ему отвратительно это фарисейство: «...не могу различить, что блестит: солдатская каска или икона, что болтается – жандармская епитрахиль или поповская нагайка»²⁶². В этом случае, считает поэт, уж лучше быть бесчувственным, чем сентиментальным.

Но Блок не убедил Розанова. Он остался уверен, что поэт оправдывает революционное пролитие крови в отмщение за казни правительства, и идейно поддерживает Мережковского: «...ничего у меня к Вам не изменилось. Мне враждебен не столько идейный поворот рел.-фил. собрания (хотя он и враждебен), сколько измена Мережковских тому духу товарищества, какой был с 1902–1903 и с каким все было начато»²⁶³. Розанов считает, что Мережковские стали предателями идей и духа, царивших в Религиозно-философском обществе.

Сенсацией 1909 г. стал сборник «Вехи», вышедший в марте. Скандал был обусловлен самой постановкой вопроса сборника – полным провалом той роли, которую играла интеллигенция в политической и нравственной жизни государства.

А его апогеем явился доклад Мережковского в Религиозно-философском обществе, впоследствии опубликованный. Реакция Мережковского была важна еще и потому, что он был не просто

²⁶⁰ Блок А.А. – Розанову В.В., 17 февраля 1909 // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 274.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Там же. С. 275.

²⁶³ Розанов В.В. – Блоку А.А., 19 февраля 1909 // Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 577.

лично знаком почти со всеми авторами сборника, а с некоторыми находился в дружеских отношениях (Бердяев, Гершензон). В связи с этим Мережковский чувствовал себя лично оскорбленным данным изданием. Неслучайно он назвал свой доклад «Семь смиренных», уподобив авторов сборника семи смиренным митрополитам, подписавшим отлучение Л.Н. Толстого от русской церкви, подчеркнув таким образом их (авторов статей) консерватизм и реакционное мракобесие.

Начиная с цитат из Достоевского, Мережковский последовательно доказывает порочность и несостоятельность авторов «Вех», попутно обвиняя их в антихристианстве и непонимании истинных идей революции. Главным для него стал вопрос о религиозной природе личности и русской революции. В отличие от «веховцев» Мережковский видел религиозный смысл и в революции, и в жизни русского интеллигента, правда, в соответствии с собственными идеями «нового религиозного сознания», не совпадавшими с традиционным православием. Мережковский полагал, что авторы предали дело Достоевского, отказывая русской интеллигенции в праве на религиозность и на ее понимание русского народа. Правда, которую они говорят о ней, – «правда не о любви», делает вывод мыслитель.

Но на защиту «Вех» неожиданно для всех встал Розанов. Возражая Мережковскому, Розанов считает, что он пронзил своим оружием «его (Достоевского) духовных детей, его пламенных учеников»²⁶⁴. Публицист подчеркивает, что его оппонент не понимает всей глубины и значительности выхода в свет этой книги. Раз появились «Вехи» – значит русская интеллигенция жива, убежден Розанов. Самая большая ошибка Мережковского в том, что он не увидел возрождения русской интеллигенции в «Вехах». Если Мережковский клеймит их позором, то Розанов поднимает кубок за «цветущую и прекрасную русскую интеллигенцию»²⁶⁵. Возражение Розанова Мережковскому стало окончанием их дружеских отношений и началом их последующей вражды, которая привела к окончательному разрыву.

Парадоксально, что «консервативный» Розанов поддержал «веховцев», тогда как «революционный» и либеральный Мережковский подверг их жесточайшей критике. Розанов сумел в данном

²⁶⁴ Розанов В. Мережковский против «Вех» // Вехи: Pro et contra. СПб., 1998. С. 112.

²⁶⁵ Там же. С. 115.

вопросе быть выше личностных обвинений и оценить ту горькую смелость, с которой авторы статей обратились к обществу.

Публикация Розановым книги «Когда начальство ушло...» (1910), в которой он сочувственно отзывался о русской революции 1905 г., и одновременно статей, резко осуждавших ее, в «Новом времени» привели к еще одному грандиозному скандалу. Розанов намеренно нарушал определенные правила существования в публицистике, декларируя свое право существования в нормах собственного субъективного представления о морали. Писательство в русском обществе всегда воспринималось не менее, чем служение истине. И каждая литературная (а в данном случае публицистическая практика) того времени приводила к воссоединению индивидуального и интертекстуального сюжетов. У Розанова слияние жизни и творчества вело к особому видению через призму понимания события настоящего, через чувственное в быте и бытийности, а не абстрактное, как у Мережковского. Парадоксально, но, на наш взгляд, декадент Мережковский был более консервативен и несомненно идеологически принципиален и устойчив во взглядах и публицистике, чем Розанов. И их окончательный разрыв был неизбежен. «Русские богословы очень охотно связывают нас в неразрывную парочку... В темноте только увидели или, вернее, услышали, что мы близки друг другу. Но никто не подозревал, что это – близость двух противников, которые готовятся на смертный бой»²⁶⁶.

Мережковский сделал многое, чтобы представить Розанова однозначно непорядочным человеком в общественной жизни: после ряда скандальных публикаций Розанова он и Философов поставили ультиматум перед Сытиным, в результате которого Розанов был вынужден уйти из «Русского слова», дело Бейлиса и статьи Розанова по этому вопросу привели практически к суду над ним в Религиозно-философском обществе, инициаторами которого стали Мережковский и Философов. Но в этой истории (исключения Розанова) был еще один, особый мотив у Мережковского, и он касался не только неприемлемой стратегии поведения Розанова в журналистике.

22 января 1914 г. в «Русском слове» был опубликован фельетон Мережковского «Суворин и Чехов». Начав с того, что

²⁶⁶ Мережковский Д.С. О новом религиозном действии (открытое письмо Н.А. Бердяеву) // Мережковский Д.С. Большая Россия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 94.

«Суворин и Чехов – соединение противоестественное... это как черт с младенцем связался»²⁶⁷, Мережковский гневно обрушивается на Суворина, обвиняя его во лжи и бесстыдстве, грубости и проповедовании низостей и чуть ли не в гибели Чехова. Он призывает к тому, что необходимо выполнить посмертный долг перед писателем и отделить чистого и нежного Чехова от соблазнителя (почти Дьявола в его жизни) Суворина. Статья была очень резкой (по воспоминаниям Гиппиус, Мережковский в ней называл Суворина подлецом, но в самый последний момент смягчил свое определение). Розанов был потрясен фельетоном, считая его низостью и клеветой. Он по-особому относился к Суворину, будучи благодарным ему до конца за спасение от нищеты, безвестности и, возможно, гибели (в 1913 г. он издал их переписку).

Несомненно, Мережковский имел отношения с Сувориним: он встречался с ним и Чеховым в Венеции, приятно был удивлен эрудицией и смелостью взглядов издателя. В 1892 г. именно Суворин издал второй поэтический сборник Мережковского «Символы. Песни и поэмы», печатал рекламу «Нового пути», давал деньги на издание журнала, весьма при этом скептически относясь к декадентам и символистам. Мережковский, возмущенный политикой «Нового времени», нарочито забывает об этом. Но об этом ему тут же напомнил Розанов, пересказав устные разговоры последнего с его просьбами посодействовать в устройстве в «Новое время» (со слов П.П. Перцова).

«Вся Россия рассудит, какого названия заслуживает писатель, стоявшей, если не в передней Суворина, то во всяком случае просивший пройти через эту переднюю, но чего-то недополучивший или получивший, по его расценке, “мало”... теперь говорящий ругань в спину своего недостаточного благодетеля, и когда тот не может ему ответить»²⁶⁸. Более того, газета «Новое время» начинает публиковать письма Мережковского к Суворину, в которых он почтительно и почти подобострастно обращается к издателю с просьбами о деньгах и публикациях: «...мне чувствуется, что между нами есть взаимное понимание, вне всяких узких литературных партий и предрассудков. Все трое: Вы, Розанов и я, мы – люди широкие, внутренне свободные, в высшем смысле “либеральные”... Поэтому несмотря на то, что

²⁶⁷ Мережковский Д.С. Суворин и Чехов // Русское слово. 1914. 17, 22 янв.

²⁶⁸ Розанов В.В. А.С. Суворин и Д.С. Мережковский (Письмо в редакцию) // Новое время. 1914. 25 янв. № 13604.

я обращаюсь к вашей материальной помощи, я искренно ощущаю возможность ясного и бескорыстного отношения к Вам»²⁶⁹.

Сразу после ответа Розанова Мережковский принимает решение о немедленном его исключении из Религиозно-философского общества, а 28 января, в день публикации писем Мережковского к Суворину, состоялось собрание, на котором Философов объявил о недостойных приемах борьбы Розанова и невозможности сосуществования с ним в одном обществе.

Хотя вопрос об исключении Розанова из Религиозно-философского общества ставился еще в декабре 1913 г., окончательная резолюция будет принята 26 января 1914 г., т. е. сразу после выхода в свет статьи. Нам кажется неслучайным такое совпадение. Мережковский спешил «расплатиться» с Розановым, понимая, что статья о Суворине вызвала бурю негодования в его душе.

Торжественного исключения Розанова из Религиозно-философского общества не получилось, хотя сценарий судилища был продуман Мережковскими детально. Кроме призывающих к ненависти и мести речей Философова и Карташева, были и другие голоса, в которых звучали ноты понимания и снисхождения. А.Н. Чеботаревская и П.Б. Струве сочли невозможным исключение Розанова за его идейные расхождения с обществом и гражданскую позицию. Струве, жестко полемизировавший с ним, назвал действия Мережковских, Карташева, Философова бандитскими. Шесть членов Религиозно-философского общества сразу после резолюции, принятой в мягкой форме, вышли в знак протеста из общества (П.Б. Струве, А.Н. Чеботаревская, С.Л. Франк, В.И. Иванов, А.Д. Скалдин, А.М. Коноплянцев). Партийная принципиальность Мережковских в вопросе осуждения «безнравственного» Розанова не встретила желаемого понимания. Через много лет З.Н. Гиппиус в своих воспоминаниях о Розанове будет сожалеть о его исключении из Религиозно-философского общества и сочтет этот эпизод малозначительным. «Хочу сознаться, увы, что, на мой тогдашний взгляд, Розанов был еще слишком “человек”, и предельная безответственность его, как человека, мне была нестерпима. Сколько несправедливых слов было сказано, несправедливых и бесцельных, – как я о них теперь жалею»²⁷⁰.

²⁶⁹ Из писем г-на Д. Мережковского к А.С. Суворину // Новое время. 1914. 28 янв. № 13607.

²⁷⁰ *Гиппиус З.Н.* Задумчивый странник // Розанов Василий: Pro et contra. Кн. 1. С. 178.

«Новое время» живо откликалось на события в Религиозно-философском обществе. За несколько дней до рокового заседания была опубликована статья Кассия (Гофштеттера) «Мечь религиозно-философских бейлистов», в которой убедительно доказывалась исключительность Розанова в отличие от остальных членов. Философов был назван «безличным и бесплодным на всех поприщах и во всех смыслах, в силу каких-то органических изъянов ума и сердца...»²⁷¹ К Мережковскому автор еще более строг и субъективен: «Мыслитель без хотя бы единой врожденной мысли... сквозная голова, не родившая ничего своего, словесник в философии... внутренне холодный и ко всему тайно равнодушный авгур мысли...»²⁷² Он считает, что исключить Розанова из общества нельзя, ибо «разве можно исключить душу из тела?»²⁷³

Ситуацию исключения Розанова из Религиозно-философского общества А. Столыпин (сотрудник «Нового времени») сравнил с обстановкой «суда афинской черни над Аристидом, невежественных схоластиков над Галилеем и, – в более современном драматическом переложении, – ибсеновских горожан над доктором Штокманом»²⁷⁴. Он считал, что единственно верным отношением к Розанову, специфическому писателю, и должно быть наблюдение и изучение. Решение Религиозно-философского общества – это поражение перед силой, потому что «в лице В.В. Розанова мы стоим перед совершенно исключительным явлением мыслителя громадной силы и таланта...»²⁷⁵

Несмотря на поддержку редакции, Розанов глубоко переживал случившееся. Отныне он был отрезан стараниями Мережковского от либеральной печати, а его образ черносотенного и реакционного журналиста прочно укрепился в определенной части русской интеллигенции. «...Розанов подвергался отлучению от интеллигенции, от нравственности, от религии и просто от звания порядочного человека»²⁷⁶. Розанов не думал оправдываться

²⁷¹ *Кассий (Гофштеттер)*. Мечь религиозно-философских бейлистов // Новое время. 1914. 22 янв. № 13601.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ *Столыпин А.* Апофеоз Розанова // Новое время. 1914. 29 янв. № 13608.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ *Синявский А.* «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. С. 254.

перед общественностью, но сумел доказать, что нравственный облик его врага (Мережковского), устроившего суд чести, далеко не безупречен. Ведь, по верному определению А. Белого, «Розанов-фельетонист, это – рысь, посаженная в клетку. Лихорадочно мечется она взад и вперед, возбуждая жалость, и вдруг оскалится. Тогда станет жутко»²⁷⁷.

Мережковский сразу в нескольких редакциях опубликовал свой ответ на статью Розанова «А.С. Суворин и Д.С. Мережковский», в котором заявил, что не собирается отвечать «ни на какие слова “Н.В.” вообще и В. Розанова в частности»²⁷⁸, ибо считает их заведомой ложью. Но Розанов продолжил тему клеветы и неблагодарности Мережковского в адрес Суворина. Пытаясь хоть как-то оправдаться, Мережковский даже опубликовал 28 января в «Речи» свое последнее письмо к Суворину, в котором он обрисовал всю редакцию «Нового времени» как безбожников, атеистов и нигилистов, защищающих самодержавие накануне революции и революцию во время реакции. Он пытался доказать, что всегда относился к Суворину и к его изданию негативно, что не было правдой, ибо даже после этих резких обменов письмами с Сувориным он искал личных контактов с издателем газеты.

Надо заметить, что Мережковский неискренен и неблагороден в данном вопросе, и это хорошо почувствовал Розанов, дав ему резкую отповедь. Ведь в каждом письме Мережковского к Алексею Сергеевичу «поклоны, панегирики, слова любви, – а в заключение почти всюду просьбы о даровых объявлениях, о благосклонных газетных заметках в ненавистном ему “Н.В.”, о постановке его пьесы и т. д. Был ли он лучше, – когда был ночным “Никодимом”, или теперь, когда выступил дневным Хамом, – право трудно сказать»²⁷⁹. Это было правдой. Еще в период дружбы с Розановым Мережковский обращался и к нему. В письме от 12 сентября 1902 г. Мережковский просил отдать его статью в «Новое время»: «Заметка нарочито написана холодно и бледно, нечто яркое о язычестве под моим именем не могло бы появиться

²⁷⁷ *Белый А.* Отцы и дети русского символизма // Василий Розанов: Pro et contra. Кн. 2. С. 75.

²⁷⁸ *Розанов В.* Кто такой Мережковский? // Новое время. 1914. 27 янв. № 13606.

²⁷⁹ Там же.

в “Новом времени”»²⁸⁰, или «хотелось бы в “Новом времени” видеть отчет о моей лекции»²⁸¹.

Таким образом, наряду с осуждением безответственного поведения публициста в творчестве и справедливого гражданского негодования у Мережковского был личный мотив отомстить Розанову. Он заклеил его непорядочным и безнравственным публицистом (явно опасаясь за свою репутацию) и фактически навсегда исключил его не только из круга либеральной интеллигенции, но и из круга порядочных людей. «Мы были за свое – против многих. Против старых друзей. Тяжелая история с Дмитрием, на которого напало “Новое время” за статью о Суворине. Печатало его к нему старые письма, обличало в сношениях. Приходилось отвечать. И теперь еще эта тень не кончена»²⁸².

История взаимоотношений Розанова с Мережковским драматична и отражает отношение к публицисту большинства его современников. Их полемика была нелицеприятной и показала далеко не с лучшей стороны и того и другого. Мережковский хорошо чувствовал Розанова: «Противоречие в основании, противоречие и в выводах»²⁸³. Розанов платил ему тем же, глубина его оценки Мережковского показывает степень экзистенциальной отстраненности публициста: это не просто взгляд на выдающегося современника, но философское обобщение явления Мережковского в литературе. «Потухает солнце... О, Мережковский: это ты в нем. Когда-нибудь вся “русская литература”, – если она продолжится и сохранится, что очень сомнительно, – будет названа в заключительном своем периоде “Эпохой Мережковского”. И его мыслей, – что тоже важно: но главным образом его действительно вещей и трагических ожиданий, предчувствий, намеков, а самое главное – его “натурки”, расхлябанной, сухой, ледящей, узенькой... Его ломанья искреннего, его фальши непритворной и всего, всего его...»²⁸⁴ Наряду с трагическим видением Мережковского в последних работах Розанова много сарказма и откоро-

²⁸⁰ Мережковский Д.С. – Розанову В.В., 12 сентября 1902 // РГБ. Ф. 249. М. 3875. Ед. хр. 29.

²⁸¹ Мережковский Д.С. – Розанову В.В., без даты, 1904 // Там же.

²⁸² *Гиттиус* З. Дневники. Т. 1. С. 164.

²⁸³ *Мережковский Д.С.* Розанов // Розанов Василий: Pro et contra. Кн. 1. С. 414.

²⁸⁴ *Розанов В.В.* Апокалиптика русской литературы // Новый мир. 1999. № 7. С. 149.

венной издевки. Оппоненты Розанова отвечали ему тем же, не стесняясь в выражениях.

Их отношения складывались ярко и драматично на протяжении длительного времени. Это были два оппонента, ведущих непрерывную и жесткую дискуссию друг с другом даже в наиболее мирный период их отношений. Много несправедливых и бесцельных слов, как написала Гиппиус, было сказано ими. Но они оба жили в мире двойного напряжения, с одной стороны – в творчестве, а с другой – в проекции этого творчества на события в жизни. Бунт против обыденности и устоявшихся воззрений практически на все аспекты духовной и религиозной жизни в обществе всегда больше притягивал их, чем отталкивал. И это было главным парадоксом в их отношении друг к другу.

Но примирение состоялось. Умирая от голода и болезни в Сергиевом Посаде, Розанов рассылал письма прощания и любви не только своим друзьям, но и оппонентам. Он писал Мережковским: «Дорогой, дорогой, милый, Митя, Зина и Дима! Спасибо дорогим, милым за любовь, за привязанность, сострадание. Были бы вечными друзьями – но, уже, кажется, поздно. Обнимаю вас всех и крепко целую вместе с Россией дорогой и милой. Мы все стоим у порога, и крылья есть, но воздуха под крыльями не оказывается»²⁸⁵.

Мережковские были потрясены смертью Розанова. Буквально через неделю после его кончины дочь Розанова Надежда Васильевна получила письмо от Мережковского: «Мне очень больно, что я не успел написать В.В. Вы, вероятно, знаете, что между нами были глубокие и сложные отношения. Он знал, что я его люблю и признаю одним из величайших религиозных мыслителей, не только русских, но и всемирных»²⁸⁶.

²⁸⁵ Розанов В.В. – Мережковскому Д.С., декабрь 1918 // Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 521.

²⁸⁶ Мережковский Д.С. – Розановой Н.В., 15 (28) февраля 1919. ОР РГБ. Ф. 249. К. 8. Ед. хр. 22.

Философия несогласия:
В.В. Розанов и Н.А. Бердяев

Летом 1904 г. З. Гиппиус начинает чувствовать стремительно меняющийся исторический и идеологический контекст жизни и понимает, что судьба журнала «Новый путь» становится более зыбкой и уязвимой. Ей кажется, что издание все меньше и меньше отвечает духу времени, к тому же финансовые трудности становятся все жестче. Положение было настолько сложным, что Философов, чтобы спасти журнал, предложил уделять больше внимания общественно-политическим вопросам, нежели религиозным. Правда, возникал другой вопрос: «Где искать людей, которые могли бы поставить и вести журнал в области общественно-политической? Таких, притом, с какими наш журнал не утерял бы совершенно и окончательно первоначального своего облика и главного задания»²⁸⁷. Выбор пал на группу «идеалистов» (бывших марксистов), которые, с одной стороны, остро ставили религиозные и философские вопросы, а с другой – были хорошо ориентированы в насущных общественных проблемах. По мнению Гиппиус, это было именно то, что нужно, чтобы оживить медленно угасавшее издание. Так, новыми сотрудниками журнала, фактически его редакторами, стали С. Булгаков и Н. Бердяев, а остальные, как скромно пишет Гиппиус, отделились от общественной части издания²⁸⁸.

Бердяев с большим энтузиазмом погрузился в мир философской публицистики. Он вел в каждом номере раздел «Философия и жизнь. Дневник публициста», в котором писал на самые разнообразные темы: о личности, рационализме, о взаимоотношениях «идеализма» с наукой, о судьбе русского консерватизма и т. д. В письме к матери он скажет: «Журнал очень интересное и близкое для меня дело...»²⁸⁹

Но взаимодействие «старой» и «новой» редакции было довольно непрочным, и отношения с каждым днем становились сложнее. Через несколько номеров стало очевидным, что жур-

²⁸⁷ Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Серебряный век. Мемуары. М.: Известия, 1990. С. 106.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Цит. по: Вадимов А. Жизнь Бердяева. Россия // Berkeley Slavic Specialties. 1993. С. 73.

нал в таком виде существовать не может. Фактически к разрыву привела ситуация со статьей Гишпиус о Блоке, которую отказался печатать Булгаков, объясняя свое решение незначительностью последнего как поэта. Статья после серьезных дискуссий все-таки вышла, правда, без подписи, но начало было положено. «Пугал Булгаков... был силой в редакции; к нам поворачиваясь, имел мину профессора-экономиста; он, по носу щелкнув статистикой, сильно дручил либеральной теологистикой; вид имел осторожный; формально любезный, зажал у себя в журнале он декадентов в кулак; и – не пикни...»²⁹⁰ Подобные трения (несовпадения литературных вкусов и пристрастий) стали возникать все чаще и чаще, было ясно, что журнал из литературно-религиозного все больше и больше становится философским. «Старая» редакция все реже и реже появлялась в журнале, а потом и вовсе объявила о своем выходе. Издание в конце концов прекратило свое существование, а в январе 1906 г. начал выходить новый журнал с новым названием «Вопросы жизни». Имя Розанова отсутствовало в перечне сотрудников.

А вот в старой редакции «Нового пути» положение В. Розанова было одним из самых значимых. Именно в отделе, целиком ему принадлежавшем («В своем углу»), он много и вдохновенно писал о самом для него сокровенном – поле и иудаизме. Мережковские периодически опасались за судьбу журнала, так смелы и неоднозначны были публикации Розанова. Но новые сотрудники редакции думали иначе, им прежде всего не нравилось, что в обновленном журнале будет сотрудничать «нововременец». Общественная позиция Розанова была для них однозначной. Еще до прихода в журнал Бердяев довольно категорично поставил вопрос о его сотрудниках в одном из писем к Струве: «...(мы) приобретаем целый ряд талантливых сотрудников, которых и без того желали бы иметь у себя в журнале. Розанов может быть совершенно устранен, так же, как и некоторые другие подобные писатели»²⁹¹. Так и получилось. Положение Розанова в редакции существенно изменилось. «Розанов совсем скис и в редакцию почти не приходил. А раньше – отовсюду забегал, хоть на минуту»²⁹².

²⁹⁰ *Белый А.* Религиозные философы. С. 474.

²⁹¹ Цит. по: *Колеров М.А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб.: Алетейя, 1996. С. 75.

²⁹² *Гишпиус З.Н.* Дмитрий Мережковский. С. 106.

Его публикации прекратились, да и вряд ли ему самому импонировала новая направленность журнала.

Одним из существенных моментов духовной составляющей общественной жизни в Петербурге этого периода были возобновленные при содействии Бердяева заседания Религиозно-философского общества. Розанов принимал в них активное участие, был членом совета. Так, 12 ноября 1907 г. он прочитал доклад «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», который привел к большим дискуссиям.

Это был один из периодов творчества Розанова, когда он критиковал историческое христианство и личность Иисуса Христа так, что Булгаков говорил, что в своем общественном радикализме Розанов сильнее его с Бердяевым. Это время было для Розанова сложным периодом внутреннего кризиса и антихристианских размышлений, поисков истины в свете неясного и нерешенного, поэтому он так смело излагал свои взгляды на Христа и христианство.

В начале Розанов упоминает доклад Мережковского «Гоголь и о. Матвей», который был прочитан Мережковским еще в 1903 г. Анализируя последние трагические дни Гоголя, Мережковский рассматривает влияние христианства на творчество писателя. Большую роль в этом сыграл духовник Гоголя о. Матвей. Победа священника над писателем заключалась в том, как считает мыслитель, что он заставил поверить Гоголя в то, «что “воля Божия” требует, чтобы он отрекся от литературы»²⁹³. Это привело к гибели писателя. Но Гоголь хотел понять еще другое, он обращался к Церкви, чтобы она научила его отличать добро от зла, божеское от демонического, «научила его отделять мир, который “весь лежит во зле”, от мира, который Бог так возлюбил»²⁹⁴. На эти вопросы церковь не дала ответа. Но этому противопоставлению мира и Христа Мережковский предлагает еще один вариант: «Мы хотим, чтобы жизнь была во Христе и Христос в жизни»²⁹⁵. Мережковский предполагает возможность совмещения христианства с жизнью и искусством.

Розанов неслучайно обращается к этому докладу, ибо основной мыслью, вызывающей его возражение, является

²⁹³ Заседание X. Доклад Д.С. Мережковского «Гоголь и отец Матвей» // Записки Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903. М.: Республика, 2005. С. 182.

²⁹⁴ Там же. С. 183.

²⁹⁵ Там же. С. 190.

именно эта идея. «Ни Гоголь, ни вообще литература, как игра, шалости, улыбки, грация, как цветок бытия человеческого, во все несовместимы с моноцветком, “Сладчайшим Иисусом”»²⁹⁶. Для этого Розанов предлагает вставить кусок из прозы Гоголя в Евангелие и сразу увидеть разницу. А разве можно представить духовных лиц в театре? Розанов убежден, что это невозможно так же, как невозможно слияние радости и полноты любовной жизни с христианством. Монах может даже иметь ребенка, размышляет Розанов, но он должен бросить его в воду ради истинной веры, а если он не отрекается от него, то именно здесь и кончается христианство. Ибо христианская религия – это религия смерти, религия «умаления», нисходящей прогрессии, в ней нет радости, счастья, любви, родовой жизни семьи. Все прогоркло и стало печальным, все подчинилось Христу, который никогда не смеялся, как пишет Розанов. «С Рождением Христа, с воссиянием Евангелия все плоды Земли вдруг стали горьки. Во Христе прогорк мир, и именно от его сладости. Как только вы вкусите сладчайшего, неслыханного, подлинно небесного, – так вы потеряли вкус к обыкновенному хлебу»²⁹⁷. Розанов убежден, что жизнь, литература, искусство и творчество фатально несовместимы с христианством и Христом. Погребение мира – вот, на его взгляд, высшее проявление красоты в христианстве. Религия, которая отрицает радость быта, в которую контрабандою прокралось «вино, чай, большие рыбы, варенье, хорошая квартира и мебель»²⁹⁸, не может оправдать и принять бытия творчества. Христианство у Розанова – это религия Голгофы, а в этом споре с жизнью и культурой оно, на взгляд Розанова, уступает религии Вифлеема, т. е. религии Ветхого Завета. Мыслитель убежден, что в христианстве заложено отрицание правды Мира. Единственно Сущее для Розанова – радость жизни в Поле, именно в Ветхом Завете он находит подтверждение своим идеям.

Столь радикальное отношение к христианству не могло не вызвать ответных реакций. И уже через несколько недель на заседании выступил Николай Бердяев с ответом Розанову в докладе «Христос и мир (Ответ Розанову В.В.)».

²⁹⁶ *Розанов В.В.* О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира // *Розанов В.В.* Несовместимые контрасты жития. М.: Искусство, 1990. С. 420.

²⁹⁷ Там же. С. 426.

²⁹⁸ Там же. С. 421.

Прежде всего Бердяев говорит о том, как пугает христиан Розанов отказом Христа понять и признать этот мир, будучи воплощенным мироотрицанием. И начать надо с того, как считает философ, что «пора разрушить как то, что Розанов является реформатором христианства, так и то, что он страшный и непобедимый враг веры Христовой, более страшный, чем Ницше»²⁹⁹. Он видит много путаницы и двусмысленности в парадоксальных выводах Розанова о Христе и христианстве.

Розанов, влюбившись в быт и во все мирское, декларирует право человека только на родовое и семейное, на сладкую жизнь быта (забывая о главном – о личности.) Он для Бердяева – «гениальный обыватель, и вопрос его в конце концов есть обывательский, мещанский, обыденный вопрос, но сформулированный с блестящим талантом»³⁰⁰. В этом глубокая сила розановского видения данной проблемы, но именно в этом его слабость, потому что он, как считает Бердяев, не совсем понимает, о каком мире размышляет. Исходная точка его размышления ложна. Ведь говоря о мире, он говорит только о мире быта, не поднимая вопроса о зле и смерти. И хитрый Розанов умышленно не касается этих главных точек, в которых существует мир. Ведь прежде всего «не от Христа пошла смерть в мире: Христос пришел спасти от смерти, а не мир умертвить»³⁰¹. И это одно из главных возражений Бердяева. Он в отличие от Розанова глубоко убежден, что Христос – настоящий Спаситель этого мира, мира подлинного бытия, он внес в него ощущение трансцендентности взамен старого имманентного ощущения жизни.

Определяя мировосприятие Розанова как «имманентный пантеизм»³⁰² (с этой точкой зрения был не согласен В.В. Зеньковский), Бердяев считает, что религия Вавилона, которую активно противопоставляет христианству, – это некое безумие, ибо нельзя двигаться назад, как бы этого и ни хотелось Розанову. Воспевая радость родовой жизни, он отказывает человеку в чувстве личности и забывает о его небесном происхождении. «Поэтому Розанов и не сознает трагизма смерти, трагизма личной судьбы,

²⁹⁹ Бердяев Н.А. Христос и мир (ответ Розанову В.В.) // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 275.

³⁰⁰ Там же. С. 276.

³⁰¹ Там же. С. 277.

³⁰² Там же. С. 278.

ужаса индивидуальной гибели»³⁰³. Бердяев убежден, что все, что было важным в истории мира, было прежде всего трансцендентным – искусство, философия, творчество. Это было желание человека разбить сковывающие его границы ветхозаветного мира.

Розанов противопоставляет Пол Слово как единственному божественному спасению от ужаса христианства и смерти. Пол для него священен и трансцендентен, но Бердяев считает, что Пол темен в своей основе и только Слово может спасти его. Бердяев сравнивает с кладбищем эту основу мира для Розанова – семью и Пол. Розанов, обожествляя биологическую тайну Рождения, отказывает человеку в существовании другой мистической загадки, трагической антиномии, которая связана с тайной смерти. Именно в Христе она разгадана, и в нем Бердяев видит божественную гармонию, которая спасет личность. И главное, как считает философ, согласно своей теории Розанов должен отрицать воскресение. И в этом он начинает сближаться с вульгарными позитивистами. «Бывший консерватор, почти реакционер, Розанов, сотрудник “Русского вестника” и “Московских ведомостей”, начинает флиртовать со стихией революции, незаметно перерождается в радикала»³⁰⁴. Надо заметить, что сарказм Бердяева не лишен смысла. Он, говоря о близости взглядов Розанова с социалистами (это союз имманентного пантеизма и религиозного социализма), сетует на то, что «левые» не понимают, как в вопросах материальной жизни к ним близок Розанов. И все-таки настоящий радикализм мыслителя Бердяев видит в другом – в постановке вопроса о Поле.

Отдавая должное той актуальной теме, которую поднял Розанов в своем докладе, Бердяев однозначен в своем выводе: «Христос есть новый мир, противоположный всякому быту»³⁰⁵. Таким образом, Бердяев отвечает на вопрос, который поставил Розанов. Но главным для него было опровергнуть розановский тезис о христианстве как о религии смерти и о приоритете быта над бытием в ветхозаветном значении. Философ выдвинул слишком серьезные обвинения Розанову – непонимание личного начала в человеке, отсутствие персонализма, непонимание важности трансцендентного, непонимание сути мира, излишнее поэтизирование быта (имманентный пантеизм) и даже (!) близость к позитивизму. Бердяев противопоставил свою философскую метафизику мифо-

³⁰³ Там же. С. 279.

³⁰⁴ Там же. С. 286.

³⁰⁵ Там же. С. 290.

логическому размышлению Розанова. Но он верно уловил весьма двусмысленную позицию последнего по отношению к бытовому христианству, которое тот в некоторых случаях оправдывал. Главные обвинения Розанов предъявлял Христу, и Бердяев последовательно опроверг его тезис.

В прениях по докладу Бердяева принимали участие многие члены Религиозно-философского общества. В основном они разделяли точку зрения Бердяева и возражали Розанову. Так, В.А. Тернавцев поддержал идею философа, что христианство отнюдь не является религией смерти, ибо именно в победе над смертью раскрывается творческая тайна мира – идея Воскресения, о которой даже не упомянул в докладе Розанов. Возвращаясь к нему, Тернавцев считает, что «розановские доклады полны нелепостей. Их нельзя назвать иначе, как арлекинадами, потому что самому ему они доставляют гораздо больше муки, нежели тем, против кого он их направляет»³⁰⁶.

Защитил Розанова М.В. Морозов³⁰⁷, высказавший удивление по поводу того, что каждый, кто вступает в дискуссию с Розановым, критикует почему-то не только его суждения, но и в резкой, беспощадной форме личные качества докладчика: «Такого рода критике подвергают писателя, с необычайной выпуклостью и яркостью высказывающего свои мнения. Такое отношение мне кажется недопустимым»³⁰⁸. Надо заметить, что это был чуть ли

³⁰⁶ *Тернавцев В.А.* Выступление в прениях по докладу Бердяева Н.А. Христос и мир. Ответ Розанову В.В. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге... Т. 1. С. 206.

³⁰⁷ М.В. Морозов – профессиональный революционер, критик, беллетрист, поэт. Активный участник революционного движения в Туркестане. В 1907 г. выслан за пределы края, поселился в Санкт-Петербурге. С 1911 по 1917 г. находился в эмиграции. Участник Октябрьской революции в Петрограде. Председатель Союза революционных драматургов, вице-президент Всероссийской Академии художеств, заведующий сектором искусства при критико-библиографической студии (1932–1936). Редактор литературного отдела ЗиФ, член ГАХН. Его литературно-критические статьи, печатавшиеся в изданиях 1908–1910 гг., соединенные в сборнике «Очерки новейшей литературы», посвящены творчеству Л. Андреева, С. Сергеева-Ценского, Б. Зайцева, В. Ропшина, М. Горького и Л. Толстого.

³⁰⁸ *Морозов М.В.* выступление в прениях по докладу Бердяева Н.А. Христос и мир. Ответ Розанову В.В. // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге... Т. 1. С. 211–212.

не единственный случай, когда выступавший обратил серьезное внимание на переход на личности в рамках полемики. Он глубоко убежден, что идея Розанова о христианстве как религии смерти верна и остается особенно актуальной в современный период.

Своеобразное мнение высказал В.П. Протейкинский³⁰⁹, объясняя свою точку зрения на то, почему критики так часто обращаются непосредственно к личности Розанова. Он считает, что во всем, о чем пишет мыслитель, присутствует его личность и то умонастроение, которое, наряду с «толстовщиной» вполне можно назвать «розановщиной». И поэтому нельзя согласиться с выводом Бердяева, что у Розанова мало чувства личного самосознания.

Поразительным фактом является то, что Розанов не захотел отвечать Бердяеву, и эта дискуссия между ними была закончена. Прот. Георгий Флоровский считал, что «мировоззрение Розанова слагалось в опыте личных огорчений и обид»³¹⁰. В этом довольно спорном утверждении есть некоторая доля правды. Отношения Розанова и новых сотрудников «Нового пути», а затем и «Вопросов жизни» не складывались, его личные взаимоотношения с Мережковскими в то время постепенно, но неуклонно ухудшались (супруги были в Париже, и Гиппиус слала оттуда довольно дерзкие письма Розанову), новое Религиозно-философское общество все меньше и меньше вызывало энтузиазма и симпатий у Розанова. Именно тогда он читает свой доклад (надо заметить, что Розанов никогда не читал своих докладов, за него это делал всегда другой человек, который настолько шокирует публику своей

³⁰⁹ В.В. Розанов так пишет о Протейкинском в своей статье: «Вы удивляетесь, что я называю “Виктора Петровича” без фамилии. Но в Петербурге немногие знают его фамилию, никто решительно не знает его адреса и жилища, и все решительно знают “Виктора Петровича”, иногда переименовываемого в дружеское “Виктор” и в любовное “Ви-сенька”... Катехизические свойства “существа Божия” – вездесущие, всеведение, всемогущество – до изумительности соединены в этом “образе и подобии Божиим”, которое я, грешный человек, много раз порывался определить в уме своем как “колдуна”, и только останавливала меня постоянная доброта, постоянная ласковость, постоянная филантропия этого “Виктора Петровича”...» (Розанов В.В. Анна Павловна Философова // Русское слово. 1909. 17 февр. № 38).

³¹⁰ Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Р.: УМСА-Press, 1983. Р. 460.

антихристианской направленностью, что выступление выглядит продуманной провокацией).

Розанов берет в качестве основного своего аргумента – несогласие с докладом Мережковского, чтобы еще раз подчеркнуть неправоту основного тезиса последнего и ложность «третьего пути», которому он следует. Прошло четыре года, но дискуссия на эту тему все еще была бурной. Розанов же, предлагая собственную картину мира, прежде всего хочет уязвить Мережковского. Ведь в своих обвинениях Христу и христианству он высказывается гораздо смелее, да и аргументы у него весомей. Но в данном случае Розанову мало было указать на несостоятельность выводов только Мережковского. Возможно, в большей степени ему хотелось вступить в полемику с новыми «богоискателями» в лице Бердяева и Булгакова. «Я же всем им ужасные “свинства” устраивал (минутные раздражения, которым я всегда подчиняюсь)»³¹¹, – признался он позже. Розанов, предлагая новый текст о христианстве, явно ждал скандала и намеренно провоцировал своих оппонентов. Но Бердяев не поддался на лукавство Розанова, а, возражая ему и блестяще аргументируя, вывел полемику на метафизический уровень. Скорее всего это и увидел Розанов в ответе своего оппонента и не стал дальше полемизировать с ним.

С легкой руки Бердяева очень многие стали называть Розанова «гениальным обывателем» и считать пантеистом в философии. Атмосфера религиозно-философских собраний начинала раздражать в тот период не только Розанова. Так, А. Блок оставил своеобразные впечатления от посещения этих заседаний: «Образованные и ехидные интеллигенты, поседевшие в спорах о Христе и Антихристе, дамы, супруги, дочери, своячницы в приличных кофточках, многодумные философы, попы, лоснящиеся от самодовольного жира, – вся эта невообразимая и безобразная каша, идиотское мелькание слов»³¹², которая к тому же, как он думал, была очень далека от той реальности, в которой находилась Россия.

И, если Бердяев был уверен, что остался с Розановым в приятельских отношениях после этой полемики, то Розанов скорее всего думал иначе. В 1907 г. он посетил открытую лекцию Бердяева в Тенишевском училище и оставил любопытные для взаимо-

³¹¹ *Розанов В.В.* Смертное // Розанов В.В. О себе и жизни своей. С. 254.

³¹² *Блок А.* Литературные итоги. 1907 // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1962. Т. 5. С. 211.

отношений с философом замечания. Он обратил внимание на изложение Бердяевым материала перед аудиторией и описал свое состояние во время слушания: «...дремля или опустив головы, слушаешь, заслушиваешься...»³¹³ Надо заметить, что у Розанова уже был похожий опыт посещения философской лекции: задремав, он упал со стула на лекции Владимира Соловьева. Бердяева он также слушает в полудреме, в чем сам признается. Но отмечает при этом сложность лектора: «Пассивная, одухотворенная, эстетическая натура Бердяева... знает уклонения, путанности, “подпольный мир” философии, морали и, может быть, политики»³¹⁴. Интересно, что Розанов не комментирует содержания лекции, он останавливает свое внимание лишь на эмпирическом восприятии личности и способе подачи материала. А вот после лекции Розанов делает довольно резкий вывод, замечая, что у них разные дороги в философской и общественной жизни России, им не по пути и с философом надо быть поосторожнее: «С Бердяевым вообще надо говорить “попридерживаясь”, слушать его “попридерживаясь” и, словом, все дела с ним иметь “попридерживаясь”. Таково впечатление от формы ума его, от стиля его речи, от него *au total*»³¹⁵. Остается заметить, что при жизни Розанова эта заметка не была опубликована. Нам неведомы причины, по которым он решил не печатать свой краткий отчет от посещения лекций Бердяева и Булгакова, в котором достаточно ясно прослеживается отношение Розанова к Бердяеву. Правда, вот именно этого «попридерживаясь» не хватало Розанову в полемиках с Бердяевым.

Неприязнь Розанова к Бердяеву была вполне объяснима. Как полагает А. Пятигорский, Розанову были органически чужды идейные интеллектуалы, к которым несомненно принадлежал Бердяев. Отсюда его нелюбовь к мыслителям конца XIX в., к Владимиру Соловьеву. Личность Розанова была другой, его раздражала эта пылкость и пафос интеллектуального и непосредственно философского превосходства, который ему демонстрировали в полемиках мыслители подобного типа. К тому же Розанов хорошо чувствовал эту всепоглащающую власть и опасность идеи, которой ничем не мог противостоять. «...Розанов невероятно остро ощущал “экранизирующее” действие идей и идейных людей, чувствовал, как

³¹³ *Розанов В.В.* На чтениях Бердяева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/berdyev.html> (дата обращения 18.10.2020).

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Там же.

идеи закрывают жизнь от него и его самого от жизни»³¹⁶. Но главное различие лежало, конечно, в самом типе мышления; весьма сложно говорить о системности и о какой-бы то ни было структуре философских размышлений Розанова в отличие от Бердяева: «Его философская беда была в том, что он не мог быть монологичен»³¹⁷. Розанов всегда неоднозначен в оценках и многообразен в выводах («на предмет надо иметь тысячу точек зрения»). В этом скрывается его отличие от Бердяева, который всегда был последователен в выражении своих идей и придерживался одного и четкого мнения. «Розанов через свое собственное мышление увидел текучесть мысли и перенес ее на объективность духа»³¹⁸.

В 1914 г. Розанов издал книгу «Война 1914 года и русское возрождение». Она вся проникнута радостью и патриотическим чувством большой гордости за доблестную русскую армию и нравственный русский народ. Он видит необыкновенное воодушевление, сродни религиозному чувству, которое охватило нацию из-за участия России в Первой мировой войне: «Великая минута, великий год»³¹⁹. Эта война для Розанова – столкновение двух миров, двух нравственностей, двух культурных цивилизаций: германской и русской. Он противопоставляет немецкому корректному и хорошо воспитанному, но механистическому человеку человека святого и нравственного – русского. Розанов считает, что в немецкой душе нет «воды святой», и поэтому он способен на равнодушную и страшную жестокость. У них нет и икон: «...из материала дерева у них выходит только “крепкая мебель”»³²⁰. Напротив, русский человек является образцом высочайшей человечности, Бог всегда в его душе вместе с образами святых земли русской.

Особое внимание Розанов уделяет славянофильству. Ведь именно в это время, как он полагает, данному направлению русской мысли воздается должное. Даже свой очерк, посвященный этой теме, Розанов назвал «Забывтые и ныне оправданные». Осуждая

³¹⁶ *Пятигорский А.М.* «Племянник своего дяди» (Философские заметки о книге А. Синявского «Опавшие листья» В.В. Розанова) // Пятигорский А.М. Избр. тр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 246.

³¹⁷ Там же. С. 244.

³¹⁸ Там же. С. 245.

³¹⁹ *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение // Розанов В.В. Последние листья. М.: Республика, 2000. С. 256.

³²⁰ Там же. С. 285.

историческую несправедливость, продолжающуюся почти 70 лет по отношению к славянофильству, Розанов улавливает определенную тенденцию в обществе, которому необходимы ценности славянофилов. Ведь они дали не только объяснение всей русской жизни и истории, но и ее идеал. Именно в славянофильстве, по мнению Розанова, отражена русская душа, в нем – возрождение русского духа и спасение всего западного мира. «Итак, – считает Розанов, – заря новой войны – не только племенная борьба с германским миром, а и культурное возрождение России, возрождение на исконных русских началах»³²¹. Надо заметить, что в тот момент подобные идеи были созвучны не только Розанову, но и многим другим. Так, Розанов для подтверждения своих идей ссылается на С. Булгакова. Для последнего война свидетельствовала о кризисе европейской цивилизации. По его словам, Запад уже сказал все, что мог сказать, и теперь Россия призвана духовно вести и спасти европейские народы. Интересна в данном случае оценка Розановым Булгакова: «Так говорит профессор политической экономии, знаток революционных движений в Европе, член 2-й нашей думы, автор серии крупных книг. Много перегорело в душе его. Но не сгорела самая душа, а выплавил в себе золотой слиток таких глубоких признаний»³²².

Единственное, что вызывает у Розанова несогласие со славянофилами – это их отношение к правительству. Критикуемое со всех сторон (и даже со стороны славянофилов) правительство, по мнению Розанова, столько времени несет на себе непосильную ношу управления сложным государством и делает это разумно и терпеливо.

В доказательство своей идеи о торжестве русского оружия, неминуемой победы славянского мира в войне Розанов делится впечатлением от русской конницы, которую он наблюдал за несколько лет до этого. Он описывает почти эротическое чувство, которое возникло у него при виде огромных всадников и лошадей. Подавляющая энергия силы, которую он почувствовал при их появлении, глубоко потрясла его: «Этот колосс физиологии, колосс жизни и, должно быть, источников жизни вызвал во мне чисто женственное ощущение безвольности, покорности и ненасытного желания “побыть вблизи”, видеть, не спускать глаз...»³²³

³²¹ Там же. С. 280.

³²² Там же. С. 275.

³²³ Там же. С. 340.

Розанову показалось, что он соприкоснулся с одной из тайн мира: в мужественности и силе красота, которая покоряет и побеждает и которой хочется подчиниться. В маскулинности и сокрыта тайна этой силы, которая превращает всех в слабых женщин. Это неожиданное обращение к Полу у Розанова в данный исторический момент является отражением его теории концентрации всего сущего в Поле. В войне побеждает сила, и вот ее демонстрация (образ кавалерии) приводит Розанова в искреннее восхищение и подтверждает его размышления об эротическом источнике, в котором ему открывается тайна этого вопроса, в нем тайна превосходства русского оружия, как он полагает.

Именно эту идею противопоставления мужского и женского в русской душе и использовал Бердяев для опровержения главных идей Розанова, изложенных в книге.

И снова философ начинает с комплиментов Розанову как стилисту, необыкновенному художнику слова, ведь он «писатель с настоящими проблесками гениальности. <...> Чтение Розанова – чувственное наслаждение»³²⁴. Отмечая особый дар Розанова, философ делает вывод о его творчестве как о почти биологическом процессе, лишенном каких-либо сдерживающих рамок. Эта стихия выговаривания обо всем, изнанка внутреннего мира, открытое обращение к самому сокровенному и интимному в душе делает прозу Розанова уникальной. Но именно в этом, по мнению Бердяева, и кроется главная порочность его текстов. «Гениальная физиология розановских писаний поражает своей безыдейностью, беспринципностью, равнодушием к добру и злу, неверностью, полным отсутствием нравственного характера и духовного упора. <...> Розанов – это какая-то первородная биология, переживаемая как мистика»³²⁵. Розанов и сам признается в отсутствии в нем силы, замечает Бердяев. Он практически ничему не противостоит – ни потоку националистической реакции в конце XIX в., ни декадентству, ни революционному потоку 1905 г., ни реакции, ни потоку антисемитизма в деле Бейлиса, ни могучему потоку войны. Восприимчивость Розанова и живость его непосредственных откликов на происходящие события привлекают к нему читателя. Он отражает в своем творчестве

³²⁴ Бердяев Н.А. О «вечно-бабьем» в русской душе // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 290.

³²⁵ Там же. С. 291.

какую-то определенную сторону русской души, убежден философ. «Он – гениальный выразитель какой-то стороны русской природы, русской стихии. Он возможен только в России. <...> Розанов – гениальная русская баба, мистическая баба. И это “бабье” чувствуется и в самой России»³²⁶.

Бердяев, обращаясь непосредственно к критике книги о войне, неслучайно начинает с конца – с места о впечатлениях от кавалерии. Именно в этом преклонении перед силой (а философ видит в этом отрывке метафору силы: конница – это олицетворение сильной государственной власти) и таится дар смирения и покорности русского народа перед государством. И для Розанова, как считает Бердяев, чрезвычайно важна эта идея: «Подобного поклонения государственной силе как мистическому факту истории еще не было в русской литературе»³²⁷.

В возрождении славянофильства видит Розанов настоящий патриотизм. В нем заключена та важная и единственно верная национальная идея, которая всех объединит и примирит западников со славянофилами. Но только с одной стороны, как отмечает Бердяев. Позиция Розанова не предполагает понимания и согласия с противоположными мнениями и воссоединение партий, а только безоговорочное согласие с мнением лишь одной из сторон. И война отнюдь не приводит к этому, а как раз обнажает все противоречия во взглядах и направлениях. Бердяев уверен: «Розановские настроения служат делу злобы, а не мира»³²⁸.

Розанов не во всем согласен со славянофилами, он расходится с ними и даже критикует за отсутствие понимания роли государственности. Считая русский народ безгосударственным, славянофилы несомненно ошибались, пишет Розанов, ведь русская история всем обязана государственной власти. Но Бердяев считает, что в этом вопросе в чертах Розанова проступает больше чиновник, нежели мыслитель и публицист. А его идеи преклонения перед силой и властью – еще одна попытка выразить «обывательскую точку зрения на мир». А главное, что Розанов уже сам себя изобличил в других произведениях, он лишен серьезного нравственного характера и, конечно, «никогда не возьмет на себя ответственности за все сказанное им в книге о войне»³²⁹.

³²⁶ Там же. С. 292.

³²⁷ Там же. С. 293.

³²⁸ Там же. С. 295.

³²⁹ Там же. С. 298.

Бердяев не разделяет восторженных мнений Розанова о войне как о силе возрождения русского народа и России. Он прежде всего видит в ней зло и мировую трагедию, напоминает о ее отрицательной природе, которая приводит к хаосу и смерти.

Обращая внимание на восхваление православия в книге, Бердяев неслучайно снова возвращается к теме антихристианства у Розанова, вспоминая его доклад «Об Иисусе Сладчайшем и о горьких плодах мира». Он глубоко убежден, что в душе Розанова не произошло никакого переворота и его обращение к православию – еще одна уловка, на которую тот идет для подтверждения своих идей по поводу войны. Розанов, как полагает Бердяев, гораздо дальше от Христа и опаснее для него, чем интеллигенты-атеисты. Они-то как раз в некоторых вопросах являются выразителями русского духа, чего не скажешь о лицемерных высказываниях Розанова. Ведь православие ему нужно лишь для усиления патриотического тона в книге.

Розанов, по мнению Бердяева, слишком акцентирует внимание на покорности народа власти, на его недостатке мужественности и на отсутствии личного начала в стихии родового и коллективного. Розанов уверен в добродетельности этих качеств и считает, что именно в них кроется та непобедимая нравственность, которая поможет в войне. Бердяев же называет все это «бабьим и рабьим», по его мнению, это приводит к ложному патриотизму. Он глубоко убежден в противоположном: «“Розановщина” губит Россию, тянет ее вниз, засасывает, и освобождение от нее есть спасение России»³³⁰.

Надо заметить, что начало войны Бердяев воспринял с глубоким патриотическим чувством и в ряде статей его мнение довольно близко совпадает с главными взглядами Розанова, изложенными в книге. Главные возражения Бердяева касаются темы славянофильства и истинного патриотизма, а также отношения к Христу.

Но в защиту мыслителя от едких нападок Бердяева выступил В.Ф. Эрн в статье «Налет валькирий». Эрн иронично критикует Бердяева, интерпретируя определение «вечно-бабьего». Он считает, что в целом статья философа выглядит как кавалерийский наезд в адрес Розанова по степени грубости. К тому же Бердяев, обвиняя Розанова в женственности, по мнению Эрна, обладает

³³⁰ Бердяев Н.А. О «вечно-бабьем» в русской душе // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. С. 300.

довольно странной мужественностью и часто колеблется в своих взглядах и мнениях, периодически попадая под разные влияния. «Дует марксизм – Бердяев-марксист. Стало спускаться с высот Достоевского и Соловьева веяние “идеализма” – Бердяев охватывается им. Мережковский поднял свою бурю в стакане воды, и вот в числе наэлектризованных им – Бердяев. Женственный дух Бердяева резонирует на все воздушные зовы. Он, как эхо, откликается на нищестанство. Он отражает духовные бури Ибсена. Теперь он “вдохновляется” штейнерианством»³³¹. Эрн считает, что подобная критика слишком претенциозна и несерьезна, потому что Бердяев упрекает Розанова в тех качествах, которыми обладает сам.

Поддержал Розанова в его взглядах на славянофильство и В.И. Иванов. У него тоже вызвало недоумение, что нарочито «женского» увидел Бердяев в понимании славянофилами отношений между властью и народом. Он считает, что Бердяев ложно истолковывает эту важную идею, в которой совсем нет ни навыка «невеститься» перед властью, ни «мнимого жениховства»³³² перед ней.

В воспоминаниях Э. Голлербаха на его вопрос о творчестве Бердяева Розанов жестко отвечает, что не только ничего не думает, но ничего и не хочет думать об этом философе. Но скорее всего подобная однозначность была лукавым преувеличением в духе Розанова. Конечно, его интересовал Бердяев: например, по поводу «Смысла творчества» (1916) Розанов написал самое большое количество статей из всей посвященной этой книге критики. Вряд ли данный факт говорит об отсутствии интереса.

Книга была воспринята неоднозначно в православных и интеллигентских кругах. Главный пафос работы Бердяева заключается в том, что только в творчестве человек становится личностью, обретает свое истинное божественное начало, способное преобразить мир. Неразрывно с творчеством для Бердяева связаны идеи Бога и Свободы. Подобные мысли о творческом призвании человека вызывали большие сомнения и критику: творческий человек у Бердяева, по мнению многих, стал сверхчеловеком с оттенками демонизма и с мессианскими замашками.

Конечно, Розанов не мог не выразить своего мнения по поводу такой серьезной философской работы. Одну из своих статей

³³¹ Эрн В.Ф. Налет валькирий // Эрн В.Ф. Соч. М.: Правда, 1991. С. 364.

³³² Иванов В.И. Живое предание. Ответ Бердяеву // Славянофильство: Pro et contra. С. 769.

он начинает с весьма двусмысленного комплимента; отмечая, что книга читается с философским восхищением, обращает внимание, что ее содержание – мир неполной правды, «это скольжение ума по краю правдоподобия, вероятности, “приблизительного”, внутрь коего заключены величайшие ценности бытия, истории и самого человека»³³³. Розанов сравнивает автора с человеком, взбирающимся на гору, ведь серьезность и глубина поднятых Бердяевым вопросов говорит о его личном героизме. Но смелость в разрешении поставленных проблем напоминает Розанову работы Чернышевского и Михайловского. Правда, тон философских рассуждений немного изменился. Ведь бывший марксист Бердяев, уточняет Розанов, обратился совсем к другим темам. И если в этой статье можно заметить попытку Розанова быть объективным, то уже в других он становится более язвительным и тенденциозным.

Один из недостатков работы Розанов видит в тоне назидательности, который в ней прослеживается: «Слышим проповедника, но не видим философа»³³⁴. Бердяев запутывается в мире, с одной стороны, он у него «грех» и «разлад», а с другой – аллилуйя. «Он хочет из “разлада” выставить на лоно какого-то покоя, где (посмеюсь над ним) сон и сытость философствующего буржуа...»³³⁵ И в конце концов сам Бердяев видит себе уже настоящим еретиком, как пишет Розанов. К тому же ему кажется ложным гуманистический пафос Бердяева, похоже, что человек для него начинается с великих, наподобие Наполеона или Беме. Философ крадется бесшумно к реставрации этих именно «байронических» и «демонических идеалов»³³⁶ и переносит их из области «литературных побасенок» в серьезные области философии, религии и церкви. Бердяев призывает к «новому религиозному сознанию» и мессианству в истории, но Розанов, возражая ему, убежден, что не в этом удел России.

Отношения Розанова с Бердяевым складывались по-разному, переходя от вражды (в основном со стороны Розанова) до

³³³ *Розанов В.В.* Николай Бердяев. Смысл творчества // Розанов В. От Достоевского до Бердяева. Размышления о судьбах России. М.: Алгоритм, 2017. С. 451.

³³⁴ *Розанов В.В.* Новая религиозно-философская концепция // Там же. С. 465.

³³⁵ Там же. С. 468.

³³⁶ Там же. С. 473.

вежливой (в основном со стороны Бердяева) дружбы. Философ называл Розанова Федором Павловичем Карамазовым, гениальным писателем и обывателем одновременно. Розанов при встрече с ним переходил на «ты», называя его то «баринном», то «Адонисом» и довольно злобно подшучивал над ним (один из случаев описан в воспоминаниях Андрея Белого). Но Бердяев, как никто из многих современников, оценил всю глубину и оригинальность творческого дара Розанова и смелость поставленных вопросов в области пола и христианства, отметил то влияние, которое он оказал на философскую и литературную мысль Серебряного века. В то же время он резко критиковал воспевание повседневной обыденности жизни и плотской любви у Розанова, убежденно полагая, что таким образом мыслитель лишает человека личностного самоопределения и свободы. Осуждал Бердяев и диалектику идейных колебаний Розанова, считая ее нравственной беспринципностью и моральной распушенностью. Размытость оценок Розанова в анализе серьезных исторических событий не вызывала понимания у философа. И хотя именно Бердяев одним из первых увидел в эпохе Серебряного века людей с двоящимися мыслями, публицистической раздвоенности Розанова он явно не сочувствовал и относился к ней негативно.

Бердяев все-таки был философом одной идеи, и полифоничность не была присуща его философскому творчеству. В его философском дискурсе была претензия на обладание истиной, присущая больше монологизму, который не располагал к полноценному диалогу. Наверное, это чувствовал Розанов и не продолжал с ним дискуссий после критики в адрес своих идей. К тому же Розанов считал Бердяева по складу мировосприятия человеком чужим для России, человеком «новым», обладающим слишком индивидуальным видением, оторванным от реальной почвы. «...Несчастье Бердяева, что он не православный, не католик, не мусульманин, не язычник, не просто светский человек и не только писатель. Около этого есть немного мистика и немного философа. К тому дан блеск стилиста, собеседника и члена общества. Однако больше всего в нем француза и мусульманина. Я бы назвал его французом из Алжира. Но Бог послал его писать для русских в неуклюжих русских журналах. От этого он вечно “не на месте” и всегда раздражен, не удовлетворен и сердится. Но “по-алжирски”, т. е. красиво»³³⁷.

³³⁷ *Розанов В.В.* Последние листья. 16.VII.1916. С. 176.

Эстетика против этики:
В.В. Розанов в деле Бейлиса

Весной 1911 г. в Киеве был убит при странных обстоятельствах мальчик Андрияша Ющинский. Его тело было найдено в одной из пещер недалеко от кирпичного завода. Возможно, что это убийство ничем бы и не отличалось от обычной хроники уголовной текучки (первоначальное подозрение пало на членов воровской шайки под предводительством Веры Чеберяковой (Чеберячки, как ее называли в народе), если бы в деле не появились внезапно новые обстоятельства. Повторная медицинская экспертиза выявила новый мотив: характер и количество колотых ран на теле убитого якобы свидетельствовали о ритуальном характере преступления и возможном использовании крови христианского мальчика для иудейского обряда. А 22 июля того же года обвинение в убийстве Ющинского было предъявлено Менделю Менахему Тевье Бейлису с последующим арестом.

Почти сразу дело Бейлиса стало известно всей стране. На драматической сцене России разыгрывалась постановка одного из самых зловещих судебных процессов. Николаю II лично докладывали о ходе киевского суда, и он внимательно следил за происходящим. В стране, где существовала черта оседлости и практиковались не только откровенные антисемитские выпады, но и еврейские погромы, подобный процесс мог привести к непредсказуемым последствиям.

К началу судебного процесса Бейлису было около 40 лет. Это был человек среднего роста, «при нормальных обстоятельствах, лицо его было скорее полное и тяжеловатое, обрамленное короткой черной бородой; он носил очки, но не производил впечатление начитанного человека»³³⁸. Многие очевидцы подчеркивают эту обычную внешность и незначительность личности главной фигуры процесса. Он был одним из тех 20 000 евреев, которые проживали в Киеве и боролись с суровой действительностью за существование. В 22 года, уже отслужив на военной службе, он женился и по протекции отца стал работать экспедитором на кирпичном заводе. Отец Бейлиса был хасидом (глубоко верующим, чрезвычайно набожным евреем), но сам Мендель постепенно

³³⁸ Морис С. Кровавый навет. Странная история дела Бейлиса. N.Y., 1975. С. 54.

отошел от соблюдения строгих религиозных обрядов, часто работал по субботам и по праздникам, отмечал только Новый год и Судный день (по зловещей иронии судьбы Ющинский был убит в субботу утром). Отец Бейлиса был дружен с Ионой Зайцевым – сахарным магнатом и владельцем того завода, на котором работал Мендель. На определенном этапе, по поручению Зайцева, Бейлис занимался распределением мацы к Пасхе среди местных евреев. Этот факт стал роковым в биографии Бейлиса, ведь именно маца и должна была в соответствии с выдвинутым обвинением содержать христианскую кровь (мальчик был убит накануне Пасхи).

К моменту ареста в семье уже было пятеро детей, Бейлис работал по 12 часов в сутки и строил большие планы для будущего своего старшего сына. Для того, чтобы определить его в гимназию, он даже продал корову, а жена готовила обеды для столовников. «Он не был одним из тех, кто поднимается твердой поступью на костер или эшафот, чтобы возвеличить имя Господне и вдохновлять им потомство. У него не было желания сделаться исторической фигурой... Однако роль ему навязанную – непостижимую для него – он провел с достоинством...»³³⁹

Свидетели процесса, который продолжался около месяца, вспоминали, что он плакал три или четыре раза и однажды рассмеялся – когда один из обвинителей сказал, что он происходил из рода цадиков – святых. Именно такой человек и был выбран в главные герои того действия, которое развертывалось на общественно-политической сцене России.

Общество резко разделилось на два враждебных лагеря.

Либерально-настроенная интеллигенция взывала к чувству разума, пылко доказывая, что Бейлис невиновен. Консервативно-реакционная часть доказывала обратное, ссылаясь на всемирный еврейский заговор. Стремление к истине приводило в действие механизмы разных психологических установок, а диапазон нравственной правоты и общественной поддержки открывал чрезвычайно широкие возможности как той, так и другой стороне. Основная же часть русского общества все-таки хотела досконально разобраться в преступлении и судить виновных.

Ситуацию усугубило злодейское убийство в Киеве молодым евреем Д. Богровым П.А. Столыпина. Именно этот факт в существенной мере и повлиял на дело Бейлиса, если не стал основой для хорошо продуманной игры с национальным колоритом.

³³⁹ Там же. С. 59.

Необходимо было найти и наказать реальных виновников убийства Столыпина, и правительство, по всей видимости, решило разыграть «еврейскую карту».

Газета «Новое время», которая до этого момента ограничивалась редкими сообщениями в отделе «Судебной хроники» или «Судебных разбирательств» по поводу странного дела из Киева, уже через две недели резко изменила ракурс в освещении этого дела и начала давать определенную политическую установку своему читателю в духе антисемитской пропаганды самых яростных черносотенцев, подробнее и подробнее останавливаясь на деталях судопроизводства. Постепенно этот судебный процесс из Киева стал едва ли не главным событием ее каждого номера.

В конце 1911 г. в газете «Речь» был опубликован манифест к русскому обществу, подписанный 83-мя представителями русской интеллигенции (писателями, поэтами, художниками, учеными), осуждавшими «темную и злую легенду» о ритуальном убийстве и протестовавшими против обвинений, выдвинутых в адрес евреев. «Новое время», отвечая на «манифест восьмидесяти трех» (именно так издание стало называть это воззвание с очевидной долей сарказма и насмешки), подвергло критике основной пафос его содержания: «Несмотря на либерально-гуманный стиль манифеста, его трудно понять иначе, как покушение на свободу суда и той самой живой совести, к которой взывают составители». Главное, на что обращает внимание газета, это то, что в создавшейся обстановке «евреи должны не бороться с русским правосудием в случаях еврейской преступности, но всем миром содействовать его торжеству»³⁴⁰. Именно в такое время Розанов и начинает ряд своих публикаций на еврейские темы, вызванные, как он предполагал, актуальностью момента.

В данном случае Розанов был не только ведущим сотрудником «Нового времени», но прежде всего одним из тех, кто серьезно занимался иудаизмом. Он выступал в роли того компетентного источника, мнение которого имело особое значение для окружающих. К сожалению, на определенном этапе Розанов недопонял всей серьезности именно своего положения. Оно усугублялось еще и тем, что публикуя статьи, посвященные процессу Бейлиса (их около 15), Розанов так и не стал выразителем общего мнения редакции. Ведь статьи Розанова о Бейлисе – это не примитивные

³⁴⁰ Евреи и убийство Юцинского // Новое время. 1911. 4 дек. № 12835.

прокламации зоологических антисемитов, а попытки признания своих мистических откровений и прозрений. Проклятия Розанова в адрес евреев того времени сродни его анафеме христианству в период написания «Людей лунного света». Увлечение Ветхим Заветом и иудаизмом постепенно привело Розанова к отрицанию христианства. Иудаизм был необходим мыслителю как противопоставление религии жизни и плотской любви аскетичному и безжизненному христианству. Пол–Ветхий Завет–евреи – вот та философская цепь, которую использовал Розанов в своей борьбе с религией смерти. Парадигма розановского отношения к евреям выходила далеко за рамки обсуждаемых в деле Бейлиса проблем. Главным для мыслителя было другое: совершение ритуального убийства подтверждало концепцию Розанова об особом отношении евреев к крови. А подобная интерпретация открывала ему тайну иудейства. Именно ритуальная кровь и была для него неким ключом для разрешения таинства у евреев. «Так как в иудаизме – все тайны и покров, все иносказание и намек, то посторонним людям необыкновенно трудно судить, где кончаются эти намеки, чем ограничиваются эти иносказания»³⁴¹. В этих статьях в большей степени принимал участие Розанов-мистик и философ, нежели журналист официальной газеты. И поэтому концепт «Бейлиса» Розанов рассматривает исключительно в дискурсе созданный мыслителем мифологемы: «Евреи, еврейские обычаи и нравы в историческом аспекте и еврейский вопрос в современной России – все это для Розанова составляло некую мифологему, которую он пытался обосновать и разрешить во вневременном контексте»³⁴².

Но история, как замечает Аристотель, говорит о единичном, Розанов же реальное трагическое событие однозначно возвел в общее. «В своих книгах Розанов с уверенностью утверждал, что есть ортодоксальные еврейские секты, употребляющие христианскую кровь для своих ритуалов, и он этим не только не возмущался, а видел в этом особую глубину и значение»³⁴³. Интеллектуальная интуиция в данном случае подвела Розанова. Истина, которую он представлял в разных измерениях, обернулась для него в этом случае аберрацией нравственного зрения и привела к деконструкции его и без того пошатнувшегося творческого образа.

³⁴¹ *Розанов В.В.* Есть ли у евреев «тайны» (Ответ на заявление 400 раввинов) // *Розанов В.В.* Сахарна. М.: Республика, 1998. С. 283.

³⁴² *Николюкин А.Н.* Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 423.

³⁴³ *Крымов В.* Портреты необычных людей. Париж, 1971. С. 173.

В момент непосредственного суда (1913 г.) над Бейлисом все газеты России публиковали материалы своих корреспондентов из Киева. «Новое время» давало информацию на первой полосе. Газета использовала все возможные и невозможные средства для доказательства своей точки зрения. Правда, надо признать, что издание ни разу четко не оговорило вины Бейлиса – все ждали приговора суда и до этого времени соблюдали некую политкорректность, но в остальном борьба была беспрецедентной по степени той оскорбительной брани, которая ежедневно выливалась в адрес оппонентов. «Картавая “Речь” лихорадочно готовит материалы для речей Грузенберга... кугелевский “День” сделался пасмурным и старается уверить своих читателей, что в России сейчас не день, а глубокая ночь»³⁴⁴. Главным пунктом безжалостной критики стал даже не сам Бейлис, а итоги судебного следствия, которые «гораздо больше говорят против всех евреев, чем даже против одного Бейлиса»³⁴⁵. Самым страшным, считала газета, было влияние на ход следствия мировой еврейской организации: «Дело Бейлиса, независимо от своего содержания, интересно, как смотр еврейским международным силам»³⁴⁶. Издание пускало в ход самые разные средства для манипуляции обыденным сознанием – печатало «архивные» справки о ритуальных убийствах евреями христианских младенцев чуть ли не в Средние века, постоянно подчеркивало разницу в поведении русских и еврейских свидетелей (в пользу русских, конечно) и разницу в поведении адвокатов и обвинителей, периодические оскорбления в адрес судей и т. д.

Либеральная пресса не сдавалась и тоже не скупилась на яркие эпитеты, она отчаянно ратовала за цивилизованность российской юриспруденции, отстаивала права еврейского меньшинства и отвергала в самых резких выражениях чудовищное мракобесие обвинения. В самый разгар этих страстей и того черносотенного безумия, до которого опустилось «Новое время», Розанов написал статью «К прекращению ритуального убоя скота», посвященную еврейскому ритуалу, с «замечательным» выводом: «Россия вовсе не обязана законом признавать грубейшие остатки язычества (фетишизм крови, “кровь-фетиш”). Вот

³⁴⁴ Судебные вести // Новое время. 1913. 4 окт. № 13493.

³⁴⁵ Поруганная правда // Там же. 1 окт. № 13490.

³⁴⁶ Судебные вести // Там же. 5 окт. № 13494.

ее просвещенное право сказать *volò* и *veto*»³⁴⁷. Худшее в подобной ситуации вряд ли можно было совершить. Но Розанов был единственным, кто не только поверил в ритуальное убийство, но искренно был потрясен им до восхищения: «...он это отнюдь не осуждает, он этим тайно восхищается»³⁴⁸. Все это вписывалось в систему его философских координат и приводило к пониманию иудаизма. Такое признание было гораздо страшнее и опаснее в той исторической реальности, нежели выпады откровенных антисемитов в их нечистоплотной игре.

З.Н. Гиппиус признавала, что в подобное время любое «за» такого рода было гораздо хуже «против». Ситуация усугублялась тем, что в тот момент было просто недосуг разбираться в метафизических метаниях странного философа-юдофила. Экстремальность момента жестко требовала политической однозначности, а не размытой философичности оценок. Таким образом, Розанов в восприятии либерального русского общества и оказался в одной компании с яростными антисемитами – ксендзом Пранайтисом, А.С. Шамаковым. В розановском понимании дела Бейлиса этический и эстетический поступок не были соединены ответственностью и виной за свои деяния. «Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности»³⁴⁹. Но понимание этой ответственности было специфическим в своеобразном мироощущении Розанова.

Он упорно отстаивал свое право на внешнюю свободу и самовыражение, был до удивления стоек и принципиален в своем праве говорить то, что думает. «“Всеми презираемый Розанов...” – пишет Кугель (еврей, “День”). Почему “всеми”, если борюсь с евреями. Почему за вас, евреев, должны “все презирать” человека, если он с вами борется?»³⁵⁰ Розанов занял активную позицию в деле Бейлиса, гремевшем по всей России. Увы, статьи его на эту тему носили настолько ярко выраженный антисемитский характер, что

³⁴⁷ К прекращению ритуального убоя скота // Там же. 7 окт. № 13496.

³⁴⁸ *Крымов В.* Из кладовой писателя. Париж, 1951. С. 59.

³⁴⁹ *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 7.

³⁵⁰ *Розанов В.В.* Мимолетное. 1914 // Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 247.

даже «Новое время» их не печатало. В самый разгар дискуссии Розанов в газете «Земщина» с 26 сентября по 26 октября 1913 г. опубликовал ряд вызывающих статей: «Не надо давать амнистию эмигрантам», «Андрюша Ющинский», «Наша кошерная печать» с оскорбительными выпадами против Мережковского и Философова. «...Ведь русские литераторы берут сотняжки за такое обеление Бейлиса, и даже “имена” берут четверть предложенного ей, немножко хлебца и немножко славцы, и эти бедные русские сыты. Они продадут не только знамена свои, не только историю, но и определенную конкретную кровь мальчика»³⁵¹. Эти выступления в печати подорвали его репутацию не только как порядочного журналиста (немногие в России о нем так думали), но и как порядочного человека. В знак протеста против выступлений отчима его падчерица А. Бутягина ушла из дома.

Конец этой истории для всех оказался печальным, правда, Бейлис был оправдан и отпущен на свободу. Но он не смог более находиться в России и уехал с семьей сначала в Палестину, а потом в Америку. Он доживал свой век в еврейском квартале Нью-Йорка всеми забытый, почти в нищете. Жизнь так и не наладилась у него на новом месте, и даже издание книги о своем суде не принесло ему былой «славы» и денег. Историческое время стремительно изменилось, и мир в тот момент стали волновать более серьезные проблемы, чем рассказ о ложном обвинении еврея в ложном ритуальном убийстве христианского мальчика.

Розанов жестоко расплатился за свое понимание дела Бейлиса. После оправдательного приговора ему звонили по телефону, оскорбляли и угрожали, но главное, в лице либеральной интеллигенции он до смерти остался ярым реакционером и воинствующим антисемитом. И хотя это не предполагает истины по отношению к Розанову, он оказался в полной изоляции: «Он остался почти в одиночестве и замкнулся в себе. Статьи его почти перестали печатать и положение его резко изменилось»³⁵². Сам Розанов был глубоко оскорблен и обижен таким непониманием русского общества его видения дела Бейлиса. В 1914 г. он опубликовал книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», в которой собрал все свои статьи, опубликованные в момент разгула Бейлисиады. В ней до поры он остался верным своей точке зрения. До последнего Апокалипсиса, раскаяния и просьб

³⁵¹ Розанов В. Наша кошерная печать // Земщина. 1913. 22 окт.

³⁵² Розанова Т. «Будьте светлы духом». С. 110.

о прощении у народа иудейского оставалось еще трудных четыре года... А пока: «Не уступлю. Не уступлю. Не уступлю. Не уступлю. (От Митюрникова: “Никакие Ваши книги не идут. Продажа совсем остановилась”). Очевидно, в связи с “Делом Бейлиса”»³⁵³.

«Когда начальство ушло...»:
полемические стратегии В.В. Розанова

Публикация Розановым книги «Когда начальство ушло...» (1910) привела к еще одному грандиозному скандалу. Книга вызвала большое количество рецензий. Андрей Белый писал: «Книга Розанова – живая запись истории; это – документ, и вместе с тем это – характеристика событий 1905–1906 годов с исключительно редкой точки зрения»³⁵⁴. Но далеко не все отзывы были такими доброжелательными. Ситуация выхода книги в свет была двусмысленной. В 1905 г., приветствуя революционные события, Розанов написал эту книгу, а издал ее через пять лет, когда его политические взгляды переменялись. К тому же начиная с 1908 г. Розанов опубликовал в «Новом времени» ряд статей с резкой критикой революции. В одно и то же время Розанов эстетически оправдывал революцию (в книге) и с невероятной злобой осуждал ее (в газетных статьях). Безусловно, общественное мнение не могло не отреагировать на подобную выходку.

По поводу книги к Розанову с открытым письмом обратился К.И. Чуковский. Определяя его как живописца всего интимного, мелкого, мелочного и бытового, Чуковский был глубоко убежден, что так нельзя писать о революции. В политике «все для Вас чужое, здесь Вы всему чужой, здесь все для Вас “скука”, на все “наплевать”, все – “все равно”»³⁵⁵. Чуковскому кажется, что истоки беспринципности Розанова в этом равнодушии к идеям окружающей реальности, к родине, к Богу, ибо только при потере интереса к жизни можно позволить такое от-

³⁵³ *Розанов В.В.* Сахарна. С. 239.

³⁵⁴ *Белый А.* Рец. на: *Розанов В.* «Когда начальство ушло...». 1905–1906 гг. // Василий Розанов: Pro et contra. С. 79.

³⁵⁵ *Чуковский К.И.* Открытое письмо В.В. Розанову // Там же. С. 131.

ношение к обществу. Чуковский не может понять: «Вы написали книгу о революции, но с первых же страниц сообщили: “Я даже не вышел на улицу”»³⁵⁶. На его взгляд, лишь в одном постоянен Розанов – в воспевании Пола, это ключевой вопрос розановской философии, а обо всем остальном Розанов каждый раз пишет что угодно, в зависимости от настроения и состояния души. Подобные противоречия недопустимы в оценках общественно-политических ситуаций.

Статья П.Б. Струве в «Русской мысли» была резче и тенденциозней. В ней автор задается весьма резонным вопросом: «В чем же правда для Розанова? – имеет полное право спросить читатель. Или Розанов стоит по ту сторону правды и лжи?»³⁵⁷ Струве сопоставляет высказывания Розанова, цитируя книгу «Когда начальство ушло...» и одновременно газетные статьи из «Нового времени». Картина впечатляет противоречием высказываний. «Революция – отдел науки. И потому-то она непобедима. Секут головы, секли, а она все двигалась, побеждала, ширела. Как и христианство ширилось и после казней, потому что было за ним Евангелие»³⁵⁸. А с другой стороны – «напор революции есть напор дикости и самой грубой азиатской элементарности, а не напор духа и высоты»³⁵⁹. Струве определяет подобный образ мышления как цинизм, невозможный для оправдания. Он возмущен беспринципностью Розанова и его подлостью по отношению к элементарным правилам морали и журналистской этики. Он видит в самой натуре публициста печать безнравственности и безбожия. Оговариваясь, что он не ставит вопроса о нравственном облике писателя в целом, Струве в то же время призывает к отчету за свои творения. Розанов, по его убеждению, органически неспособен к честности и порядочности: «...его безнравственность или бесстыдство есть нечто органическое, он него неотъемлемое»³⁶⁰. Искренно возмущаясь Розановым, Струве отдает должное его таланту в литературе и публицистике. Струве говорит о журналистском поведении, об общественной позиции, и он прав. Только у Розанова-журналиста совсем иной, литературный, тип поведения.

³⁵⁶ Чуковский К.И. Открытое письмо В.В. Розанову. С. 127.

³⁵⁷ Струве П.Б. Большой писатель с органическим пороком // Василий Розанов: Pro et contra. С. 380.

³⁵⁸ Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 158.

³⁵⁹ Розанов В.В. Тьма // Новое время. 1910. 4 сент. № 12385.

³⁶⁰ Струве П.Б. Большой писатель с органическим пороком. С. 386.

С точки зрения подобной эстетической позиции Розанов и дает разные версии событий в одно и то же время.

Основным аргументом в возражениях Розанова своим оппонентам была идея свободы самовыражения и независимости. Он считает, что «писатель вообще не имеет права заниматься в литературе ни своими личностями, ни личностями друг друга: ибо читатель – не зритель, и вправе захлопнуть книгу, журнал или бросить газету, когда они требуют внимания к тому, что не представляет общего интереса»³⁶¹. По поводу своей политической позиции Розанов высказался весьма своеобразно: «Я анархист, поскольку больше всего люблю сидеть дома»³⁶². Он признается, что был искренен и в книге, и в своих статьях, а для того, чтобы определиться, каждому необходимо разобраться в себе, убежден Розанов. Он в принципе не понимает упреков в двуличии, безнравственности, считая, что «одно и то же предложение может быть истинно и не истинно... И ни об одном предмете не имею одного мнения»³⁶³. Розанов ни в коем случае не считает себя бесчестным, потому что и Струве, и Чуковский были невнимательны в прочтении его книги, ибо после основного текста идут даты 1907–1910 гг. и дальше: «Увы... Что же случилось?»³⁶⁴ В этих последних восклицаниях и проявилось глубокое разочарование Розанова в революции, но почему-то его оппоненты этого не заметили. Так что в осуждении им революции нет ничего предосудительного, оно вполне закономерно.

Розанов был уверен, что основа творчества – в поэтическом видении мира, именно оно должно быть предметом дискуссии, а не политическая принадлежность и благонадежность. «О чем вы пишете? Что вам нужно? Ваши души – при вас, моя – при мне, ваши писания – при вас, и я из них не сделаю плагиата! Ну, превосходно все, кристально чиста у вас душа, героичны мотивы... Известно, “честная партия”... Оставьте же меня в покое... Разве нет тем?»³⁶⁵ Призыв Розанова останется без ответа. А с этой полемики

³⁶¹ *Розанов В.* Литературные и политические афоризмы (Ответ К.И. Чуковскому и П.Б. Струве) // Новое время. 1910. 25 нояб. № 12467.

³⁶² Там же.

³⁶³ *Розанов В.* Литературные и политические афоризмы // Новое время. 1910. 28 нояб. № 12470.

³⁶⁴ *Розанов В.В.* Когда начальство ушло... С. 192–193.

³⁶⁵ *Розанов В.* Литературный террор // Новое время. 1911. 12 янв. № 12513.

Розанова со Струве и Чуковским начнется систематическая травля публициста со стороны либерального лагеря.

В конфликте Розанова со Струве последний выглядит гораздо благороднее, нежели публицист «Нового времени». Добропорядочность Струве, как замечает А. Синявский в своей работе о Розанове, умеренного западника, умеренного рационалиста и умеренного идеалиста, раздражала Розанова, как все благопристойное. Струве доказал на примерах из статей и книги Розанова противоречия в оценках одного и того же явления и назвал его морально невменяемым человеком.

Скандальные статьи Розанова всегда носили глубоко личный характер, в этом одна из причин, которая так глубоко задевала его оппонентов. Один раз дело даже дошло до дуэли. Злоязычие Розанова в статье «Особенная чепуха за день», опубликованной в «Новом времени» 4 февраля 1912 г., в адрес журналиста И.И. Кольшко, писавшего под псевдонимом А. Рославлев и Баян³⁶⁶, привело к тому, что последний через своих секундантов потребовал удовлетворения за оскорбление личности извинением в виде письма в редакцию или же принятие вызова на поединок. Розанову, первоначально посчитавшему инцидент не очень удачной шуткой, пришлось послать четыре письма в редакцию «Нового времени», прежде чем противник был удовлетворен. Однако в это время во многих изданиях, как пишет Розанов, «появились необъяснимо грубые заметки о “хлысте”, якобы надо мной поднят, и о “животном страхе”»³⁶⁷. Это было настолько грубой ложью и очернительством, что даже секунданты его противника опубликовали разъяснительное письмо по поводу достойного поведения господина Розанова. А сам журналист раз и навсегда определил свою нравственную позицию в дискуссиях. «Как и в полемике со Струве, однажды и навсегда я отказываюсь от всяких препирательств, – суда, ссор и проч., – по поводу статей; подписывал и буду подписывать “извинения” так же охотно, как “адресаты” и “на вики”, какого

³⁶⁶ Мы хотим заметить, что современные исследователи творчества Розанова В.Г. Сукач и А.Н. Николукин допускают ошибку, считая псевдоним А. Рославлев фамилией журналиста И.И. Кольшко. Это подтверждает рецензия Розанова на книгу И.И. Кольшко «Маленькие мысли» и примечания в кн.: Розанов Василий: Pro et contra. Кн. 1. С. 503.

³⁶⁷ *Розанов В.* Письмо в редакцию // Новое время. 1912. 15 февр. № 12908.

угодно содержания и каким-угодно лицам, считая, что это вне моей души и вне задач моего существования и до всего этого мне никакого дела нет»³⁶⁸.

Надо заметить, что в 1910–1914 гг. Розанов доходит в дискуссиях до апогея. Литераторы и журналисты, философы и богословы, политики и военные – таков круг оппонентов Розанова. Наиболее интересными, мы полагаем, были взаимоотношения Розанова с современными литераторами. Но прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, мы коснемся отношения Розанова к современному литературному процессу. Несмотря на то что литературный отдел в газете представлял Буренин, о литературе в «Новом времени» писали многие, а для Розанова это была одна из наиболее важных тем в его творчестве.

«Бывают странные сближения...»:
В.В. Розанов и символисты

Современные литературные направления и писатели не очень интересовали Розанова и гораздо чаще вызывали чувство неприятия, чем одобрения. Надо заметить, что «Новое время» не жаловало своих великих современников настолько, что Суворин даже писал Розанову о том, что за современным литературным процессом надо все-таки следить. Розанов без глубокого внимания отнесся к этой рекомендации. Он не любил современных писателей и большинства их произведений. Но литературное чутье редко отказывало Розанову, даже если он безжалостно критиковал того или иного автора, – об этом свидетельствует выбор имен. Не симпатизируя Л. Андрееву, Розанов сразу выделил в его творчестве рассказ «Жизнь Василия Фивейского» как сильное и яркое произведение. Зато скандальный, «порнографический» роман «Санин» Арцыбашева вызвал большой скепсис у Розанова не только как литературного критика, но и теоретика темы пола. Приговор публициста категоричен: «Арцыбашев врет... он всего только не умный сочинитель»³⁶⁹.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ *Розанов В.* На книжном и литературном рынке // Новое время. 1908. 11 июля. № 11612.

Не симпатизировал Розанов и декадентским направлениям в литературе. Это было официальной позицией «Нового времени». Он не понимал Брюсова, не оценил Блока, хотя даже Н. Михайловский считал, что негативное отношение Розанова к декадентам – «недоразумение» и весьма скоро они примут его в свои объятия. Мережковский будет сравнивать его с Ницше, восхищаться рядом его идей и использовать их для построения своей концепции неохристианства. А Розанов начнет активно печататься в их изданиях: «Весь», «Золотое руно», «Мир искусства», и даже в журнале Мережковского «Новый путь» у него будет рубрика «В своем углу».

В ранней статье «Декаденты» (1896) Розанов определил свое отношение к этому литературному направлению. Он чутко реагировал на любые проявления нового в искусстве и литературе, не всегда одобряя, часто отмечал тенденцию развития того или иного явления.

Так произошло и с символизмом. Впервые эта статья была опубликована в «Русском вестнике» в качестве рецензии на сборники «Русские символисты». Чуть позже Розанов сообщает, что материал был опубликован неполностью, и перепечатывает его под новым названием «О символистах и декадентах».

Он сразу отмечает, что под именем символизма и декадентства появляется новый род литературного творчества, «резко отделяющийся по форме и содержанию от всех когда-либо возникших»³⁷⁰. Явление это безусловно нерусское, убежден Розанов, привнесенное в Россию из Франции из ультрареализма Мопассана и Бальзака. Между тем Розанов, отнесясь к возникновению символизма весьма скептически, сразу отметил наиболее характерные его черты: «общее тяготение его к эротизму»³⁷¹ (что несомненно критику импонировало больше всего), беспросветный эгоизм и неограниченные возможности развития в культуре. «Нет причин думать, чтобы декадентство – очевидно, историческое явление великой необходимости и смысла – ограничилось поэзией. Мы должны ожидать, в более или менее отдаленном будущем, декадентство философии и, наконец, декадентов морали, политики, бытовых форм»³⁷².

³⁷⁰ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 410.

³⁷¹ Там же. С. 411.

³⁷² Там же. С. 419.

Теоретически Розанов отнесся к символизму отрицательно, но в действительности все выглядело несколько иначе. Акценты, поставленные Розановым в статье, посвященной символизму, уже тогда говорили о сложности его восприятия этого явления в социоисторическом и контекстуальном пространстве рубежа веков. Обращение Розанова к новым темам, обусловленным личной ситуацией, заставляет его искать самые неожиданные пути для их воплощения в творчестве. Именно в кругу эстетствующей интеллигенции экстравагантные идеи нового сотрудника «Нового времени» и получили наибольшее понимание. Неслучайно гораздо позже, в «Уединенном», Розанов напишет: «В мое время, при моей жизни создавались новые слова: в 1880 г. я сам себя называл “психопатом”. Смеясь и веселясь новому, удачному слову... Потом, позднее, возникло слово “декадент”, и так же я был из первых. Шперк с гордостью говорил о себе: “Я, батенька, декадент”. Это было раньше, чем мы оба услышали о Брюсове; А. Белый и не рождался»³⁷³.

Розанов внутренне был глубоко связан и духовно близок декадентам. В начале века он принимает большое участие в их жизни и деятельности. Именно такой человек, как Розанов, с его идеями в области пола и бунтом против Христа в тот период был необходим Мережковским, во время их дружеского сближения Гиппиус заметила «Розанов – наш учитель. Его одного мы можем слушать...»³⁷⁴

Правда сами «мирискуственники» порой довольно скептически оценивали художественные вкусы Розанова. Так, Бенуа писал в воспоминаниях, что Розанов все-таки мало интересуется искусством, а отдает предпочтение анализу сюжета и своим философским выводам.

Надо заметить, что Розанов любил отступления от основной темы, описание деталей, иногда немотивированные переходы от одной темы к другой, яркие сравнения. В этом проявлялось своеобразие его стиля. Так, например, в статье, посвященной знаменитой картине А. Иванова «Явление Христа народу», описывая свои впечатления и неудачу художника, как считает Розанов, он пишет: «Тут немножко Гоголя, иллюзий его последних лет»³⁷⁵.

³⁷³ *Розанов В.В. Уединенное. С. 43.*

³⁷⁴ *Гиппиус З. Дневники. С. 107.*

³⁷⁵ *Розанов В.В. Алекс. Андр. Иванов и картина его «Явление Христа народу» // Розанов В.В. Среди художников. М., 1994. С. 240.*

Розанов был одним из первых в литературе, кто еще до появления работ Мережковского «Гоголь и Черт», А. Белого «Мастерство Гоголя» дал неожиданные для своего времени оценки творчества писателя: «Великий творец – фантаст, “чародей”, “колдун” с филантропическим образом мыслей». Этот неожиданный ракурс видения писателя и отрешение от образа великого сатирика земли русской одному из первых принадлежит Розанову, и конечно, он оказал влияние на своих современников в подобном восприятии Гоголя. Наиболее концептуальная его статья на эту тему – «Гоголь» – была опубликована в журнале «Мир искусства».

И определение «декадентщина», которым он характеризует творчество Толстого и Достоевского (в рецензии на книгу Мережковского «Лев Толстой и Достоевский»³⁷⁶), может быть вполне применимо и к его собственным работам. «Розанов близок символистам, но не в художественной манере письма, а в системе рассуждений, в понимании вещей»³⁷⁷. Своеобразие стиля, хаотическая философия событийной жизни и религиозная поэтизация сокровенного в позднем творчестве Розанова вместе с обращением к космологическим вопросам создали новую форму литературного творчества. Принципиальное отсутствие формальной логики в изложении, где одно высказывание тут же отрицается другим и вновь утверждается, образует уникальную канву мета-жанра. Подобным образом в творческом подсознании Розанова трансформировалась его собственная «декадентщина», а в реальной жизни бунт Розанова против Христа, его вечный скандал в литературе и журналистике снискали ему признание и понимание в кругах тех, от кого он внешне отмежевывался.

Конечно, Розанов вряд ли соотносил себя с символистами. Ему были чужды подобные поэзия и проза, и он всячески подчеркивал это. Так, по воспоминаниям Чуковского, однажды, дожидаясь Брюсова у него дома, он задал вопрос его жене: «Ну и где же ваш Бальмонт?», на ее логичное уточнение он ответил, что, в принципе, ему всего равно, кто это, ибо он их не различает. Этот анекдотический случай подчеркивает умышленное равнодушие Розанова к поэтам определенного литературного направления. Грифцов вспоминает, что видел на книжной полке Розанова так и неразрезанные сборники Брюсова. Но при таком внешнем отношении Розанова связывало с символизмом парадоксальное внутреннее единство.

³⁷⁶ Новое время. 1900. 24 июня. № 8735.

³⁷⁷ Спявский А. «Опавшие листья» В.В. Розанова. С. 33.

«Корень нового символизма: болезненное пережитое современною душой противоречие – потребности и невозможности “высказать себя”»³⁷⁸. Трилогия Розанова «Уединенное», «Опавшие листья» стали явлением в русской прозе начала XX в. Розановская проза поразила его современников неожиданностью формы и своеобразием стиля. Художественное откровение Розанова не подлежало никаким существующим до этого критическим оценкам и лежало вне эстетических концепций. Это была совершенно новая литературная форма с принципиально новым жанровым своеобразием и уникальным стилем. По словам Белого, русской литературе всегда была свойственна независимо от школы и направления проповедь, но в будущем ей открывается новая жизнь, где не будет проповеди, а расцветет стилистика, разовьется форма. «Стилист отрицает проповедника, проповедник – стилиста»³⁷⁹. Парадоксальным образом именно Василий Розанов и стал первым предвестником «новой литературы», трансформировав в свою прозу некоторые теоретические концепты русского символизма.

Афористичность изложения, метафоричность, передача неуловимых оттенков чувств, сближение метафизики с явлениями повседневного быта, контрастные переходы от самого высокого потустороннего до самого низкого – вот отличительные черты прозаического слова Розанова. Само название одной из его последних книг «Опавшие листья» глубоко символично – безвозвратно ушедшие, прожитые мгновения человеческой жизни, словно опавшие листья с древа земного бытия... Осознание связи и смысла существующего не только в сфере земного, реального, но и в ином, метафизическом, пространстве сближает Розанова с символистами, как и новаторство его прозы. С другой стороны, вещественность, бытовая и бытийственная предметность, «фетишизм мелочей» приводят Розанова к особому типу литературной работы. Эта обостряющаяся, по словам Синявского, восприимчивость мира, его чувственная осязаемость становится у Розанова определенным стилистическим приемом. Своеобразие простой бытовой реальности под пером Розанова доходило до космических обобщений. Разбросанные, пестрые мысли и раздумья в самых неожиданных контекстах образовали уникальный дискурс. Этот «роман без мотивировки»

³⁷⁸ *Иванов Вяч.* Заветы символизма // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С. 180.

³⁷⁹ *Белый А.* Настоящее и будущее русской литературы // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 347.

(трилогия Розанова), как назвал его Шкловский, открывал новые литературные возможности для русской прозы XX в.

А. Ахматова в набросках либретто к балету по «Поэме без героя» дала один из самых интересных ракурсов эпохи начала XX в., упомянула людей, чье влияние на весь последующий XX век было определяющим не только в литературе, но и во всей русской культуре в целом: «...на этом маскараде были все... Отказ никто не прислал и, ненаписавший еще ни одного любовного стихотворения, но уже знаменитый Осип Манделъштам (“Пепел на левом плече”), и приехавший из Москвы на свой “Нездешний вечер”, и все на свете перепутавшая Марина Цветаева, тень Врубеля – от него все демоны XX века, а первый он сам... Таинственный, деревенский Клюев, и, заставивший звучать по-своему весь XX век великий Стравинский, и демонический доктор Дапертутто. И погруженный уже пять лет в безнадежную скуку Блок (таинственный тенор эпохи), и, приходит, как в собаку, Велимир 1-й, и Фауст – Вячеслав Иванов, и прибежавший своей танцующей походкой и с рукописью своего “Петербурга” под мышкой – Андрей Белый, и сказочная Тамара Карсавина. И я не поручусь, что там в углу не поблескивают очки Розанова...»³⁸⁰

«Исключение» из правил:
В.В. Розанов и М. Горький

Скандалность Розанова стала неотъемлемой чертой его журналистского и писательского образа. Некоторым исключением в ряду громких полемик публициста стал М. Горький. Правда, так открыто они никогда не полемизировали друг с другом.

Они никогда не были ни друзьями, ни людьми, близкими по духу, они даже никогда не виделись, будучи современниками. Их встреча произошла в иной литературной плоскости – эпистолярной, прямо по словам Достоевского, «с умным человеком и поговорить приятно».

Переписку с Горьким начал Розанов осенью 1905 г. Это был период увлечения Розановым идеями революции. Письмо

³⁸⁰ Ахматова А.А. Поэма без героя // Ахматова А.А. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 365.

не сохранилось, но, анализируя ответ Горького, мы можем предположить, что одним из главных вопросов были сомнение и неуверенность Розанова в себе в связи с событиями. «Драму Вашу, мне кажется, я чувствую»³⁸¹, – так начал свое письмо Горький и предложил Розанову «не служить обществу духовно мертвой компании сластоежек»³⁸², красиво умереть на глазах народа. Розанов возразил Горькому концептуально. Самое главное для него – не идея, а мечта. «Мечта – это и красота (“лучше сгореть на костре, чем утонуть в помойной яме” – в Вашем письме), и истина, и справедливость – доброта»³⁸³. Надо заметить, что полемика Розанова с Горьким носила скрытый, завуалированный характер, тон писем был всегда дружеским, без натянутой вежливости. Розанов откровенен в своих взглядах, не скрывает их и Горький. Если для публициста «церковь (с которой я воюю всю жизнь, будучи, с одной стороны, ненавидима и ненавистна – с другой) – единственное почти теперь интересное на земле»³⁸⁴, то Горький «с этим насквозь и кругом не согласен»³⁸⁵, а русская фольклорная мистика, на его взгляд, никакого отношения к этому не имеет, или Горькому дороги имена Салтыкова-Щедрина и Михайловского, а Розанов считает, что писатель просто не знает судьбы русских классиков: «Вы просто фактов не знаете»³⁸⁶.

Спор Розанова с Горьким носит принципиальный мировоззренческий характер. Без уступок и компромиссов «ругаться с Вами, дорогой В.В., – нет охоты, да и будь она – не стану, бесполезно, – ничего ведь Вы не уступите»³⁸⁷. Участники этой странной «мирной» дискуссии интересны, глубоко чувствуют и сопереживают друг другу, между ними возникает метафизическая связь. Меткость определения Горьким личности Розанова говорит о духовной близости двух художников: «...Вы удивительно не

³⁸¹ Горький А.М. – Розанову В.В., 4 ноября 1905 // Контекст. М., 1978. С. 300.

³⁸² Там же.

³⁸³ Розанов В.В. – Горькому А.М., ноябрь 1905 // Вопросы литературы. 1989. № 10. С. 157.

³⁸⁴ Розанов В.В. – Горькому А.М., конец июля 1911 // Там же.

³⁸⁵ Горький А.М. – Розанову В.В., до середины августа 1911, Капри // Контекст. С. 303.

³⁸⁶ Розанов В.В. – Горькому А.М., март, после 6-го, 1912 // Вопросы литературы. С. 165.

³⁸⁷ Горький А.М. – Розанову В.В., конец 1911 // Контекст. С. 305.

своевременный человек»³⁸⁸, «вовсе Вы не консерватор, а – революционер и в лучшем смысле, в настоящем русском, как Васька Буслаев»³⁸⁹. Немногие из современников Розанова из либерального лагеря русской интеллигенции могли позволить себе так высказаться в адрес беспринципного, как они считали, аморалиста из реакционнейшего «Нового времени». Правда, Горький перед многими оправдывался за свои симпатии к Розанову, продолжая его считать гениальным человеком современности.

Уже совсем другая тональность у Розанова, когда он отвечал Горькому на его статью о самоубийствах публикацией в «Новом времени» статьи «Максим Горькой о самоубийствах» 6 марта 1912 г. Розанов меняется в газете, позволяет себе ряд ироничных замечаний в адрес писателя, остро полемизирует, доказывая несостоятельность его доводов. Фактически Розанов частично заменяет одну тему дискуссии на другую. Горький, обращая внимание на увеличившееся количество самоубийств молодых людей в России, не только анализирует социально-философский конфликт поколений, но выходит на более глубокие обобщения. Он пишет об отсутствии идеалов, об удушающей атмосфере размытости подлинных ценностей для человека, о падении уровня современной литературы, которая не дает молодежи ответов на мучащие вопросы. В эпоху шатания и безвременья молодые люди не видят выхода и принимают трагическое решение уйти из жизни. «Эпидемия самоубийств среди молодежи – в тесной связи с теми настроениями, которые преобладают в литературе, и часть вины за истребление молодой жизни современная литература должна взять на себя. Несомненно, что некоторые явления в литературе должны были повысить число самоубийств»³⁹⁰, – делает вывод писатель.

Но они сразу перестают слышать друг друга, как это случилось в большинстве дискуссий Розанова, как только обмен мнениями переходит в другую плоскость: «...в газетной публицистике два писателя оказывались гораздо дальше и отчужденнее друг от друга, чем в прямой переписке»³⁹¹.

³⁸⁸ Горький А.М. – Розанову В.В., 10 (25) апреля 1912 // Там же. С. 306.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ *Горький М.* О современности // Горький М. Статьи 1905–1914. Пг.: Парус, 1918. С. 96.

³⁹¹ О «безвидной» дружбе (Письма В. Розанова к М. Горькому) / Публ. И. Бочаровой // Вопросы литературы. 1989. № 10. С. 154.

На злободневный фельетон Горького Розанов ответил небольшой заметкой, совершенно проигнорировав печальные выводы о русском обществе и современной литературе. Гораздо больше он был возмущен другим – эгоизмом молодого поколения, которое, на его взгляд, не задумывается ни о чем и ни о ком, совершая самоубийства. Розанов прежде всего в этом видит проявление холодности, отсутствие любви и глубокое неуважение к старости. В умышленном игнорировании серьезных вопросов, которые задает эта непростая тема, есть своя причина: скорее всего Розанов не прочитал до конца длинный (на что он обратил внимание) фельетон Горького, а ограничился первыми страницами. Как нам кажется, именно в этом кроется странная лаконичность Розанова. Он просто не дочитал до конца статью, а лишь проглядел ее, не обратив внимания на самое главное. К тому же отношения с Горьким неминуемо должны были испортиться – Розанов со временем становится все консервативнее, а Горький все революционнее в своих взглядах и творчестве.

Уже через год Розанов назовет писателя «наглым мастеровым в литературе», оговорившись, правда, что так о нем говорил г. Волжский. Но Розанов нарочито умаляет талант писателя и считает, что Горький не существовал, а лишь «пробежал в литературе». Писателя использовала либерально-демократическая печать в своих целях, приписывая ему то, чего у него не было. Ведь «Сам Горький, человек совершенно необразованный, едва только грамотный, или ничего не думал, или очень мало думал: за него думали другие, “лысые старички” и “неспособные радикалы”, которые стали начинать его темами, указывали предметы писания, а он только эти темы и эти предметы облакал»³⁹². В своих произведениях писатель только изображал и прославлял, что воров да проституток, этих «бывших людей» в противовес «сущим людям», у него только разрушение во имя совсем непонятого и весьма двусмысленного будущего. Горький не самостоятелен, он в силу своей слабости уже не имеет собственного голоса, весь во власти идей того революционно настроенного большинства, которое неспособно созидать. «Где ты, бесхарактерный русский человек? – задается этим вопросом Розанов. – Вылетел буревестником, собираешься лечь в могилу Обломовым»³⁹³.

³⁹² *Розанов В.М.* Горький и о чем у него «есть сомнения», а в чем он «глубоко убежден»... // Колокол. 1916. 2 янв. № 2892. Подпись: В. Ветлугин.

³⁹³ Там же.

Обсуждая «больные» вопросы русской жизни, Розанов с Горьким в письмах были гораздо терпимее друг к другу и мягче в оценках. «В письмах они вне “хода мысли”... могли понять друг друга, войти в контакт мыслительной и душевный, – в публичной полемике “ход мысли” того и другого разъединял и препятствовал пониманию»³⁹⁴.

Но при всей сложности их взаимоотношений Горький всегда считал Розанова одним из самых талантливых людей своего времени. Он понимал и ценил его книги. Возможно, потому, что разноцветная душа Розанова, по словам писателя, была ему очень близка в самых разных проявлениях его собственных убеждений.

Конфликты Розанова отражают бунтарский характер острого полемиста. Увлеченность своей правотой доводила его до нарушения всех правил литературной полемики, а порой и журналистской этики (например, Розанов в качестве доказательства непорядочности Мережковского опубликовал в газете его личное письмо). Слишком часто он переходил на личности, что, разумеется, мешало восстановлению истины, слишком вольно интерпретировал факты, уходил от конкретных ответов, что приводило в замешательство его оппонентов. Розанов никогда не скрывал своего мнения и был предельно откровенен в оценках конфликтных ситуаций, шокируя общественность своей интимностью.

Дискуссия становилась для него формой выражения его эстетической программы. Розанов выдвинул совершенно иной подход для решения политических и общественных проблем – он рассматривает их с эстетической точки зрения. Это своеобразная игра, в которой он жонглировал образами, идеями, нравственными категориями. Не вдаваясь в нюансы такой игры, его противник слишком серьезно реагировал на относительность суждений Розанова. При этом публицист четко определил свой способ личностного бытия в журналистике. Розанов будто бы специально существовал вопреки общепринятой традиции. Он, продумывая тактику борьбы, нарочито использовал самые разные приемы, ведь «основная направленность розановских парадоксов обращена против штампов и шаблонов в широком смысле этого слова»³⁹⁵.

³⁹⁴ О «безвидной» дружбе... С. 155.

³⁹⁵ *Синяевский А.Д.* «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. С. 233.

В литературе и публицистике Розанов был яростным борцом, провоцирующим конфликты, он взрывал общественное мнение изнутри своими яркими статьями, подписанными порой «тихим псевдонимом» Обыватель (что уже подразумевало издевку и колкую насмешку над читателем или коллегой по перу). Он вел себя так, словно в публицистике у него был свой собственный закон, существующий вопреки общепринятому. Так, Розанов умышленно спровоцировал скандал со Струве, играя на контрасте благородный Суворин – неблагородный Мережковский, доказал непорядочность последнего. Больше всего в Розанове поражает удивительная способность «отстранения» (определение А.Д. Сивянского). Каждый предмет он видел под новым углом зрения и все время подчеркивал свое нейтральное отношение к двум противоположным точкам зрения. Он был готов воевать и тут же мириться, ибо все споры и дискуссии, по словам Розанова, не затрагивали его души. Это привело к созданию определенного образа Розанова-журналиста и определенному типу творческого поведения, что, увы, не нашло понимания среди современников. Еще более своеобразно эти качества проявились, мы полагаем, в статьях о русской литературе XIX в. Журналист, философ и критик, объединившись в личности Розанова, дали в своем синтезе уникальные по своему стилистическому и смысловому своеобразию статьи. Розанов выводил полемику на качественно иной уровень: его оппонентами стали русские классики.

Глава 4

В.В. Розанов и русская литература XIX в.

Розанов, проработавший в газете около 20 лет, по-репортерски остро реагировал на окружающую действительность. Он был не просто в центре исторических катаклизмов, но отразил их в своем публицистическом и литературном наследии. Однако «онтологическое разочарование» Розанова в литературе XIX в. лишь отчасти обусловлено общим духовным кризисом его времени. Бунт Розанова против литературы – это не просто поиск виноватого в грядущей исторической катастрофе, это еще и оправдание его творческого субъективизма. «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни...»³⁹⁶

«Я веду великий суд с литературою...»³⁹⁷ – так определил Розанов свои взаимоотношения с русской литературой. Отсюда патетика в его выводах и своеобразный розановский поиск нравственного идеала. В произведениях XIX в. увидел Розанов начало разгула демонизма и катастроф XX в. На примере отношения Розанова к литературному процессу можно проследить начало разрушения привычных установок и сложившихся стереотипов в восприятии литературных произведений. «Писарев XX века», позволивший себе похлопывание по плечу Толстого и насмешки над загадочной тоской Вл. Соловьева, предъявивший непомерный нравственный счет Гоголю и требовавший немедленного суда над всей русской литературой XIX в., Розанов был явлением не просто органически связанным с ней, но и естественным продолжателем ее радикальных традиций. Самоощущение этого

³⁹⁶ Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. С. 12.

³⁹⁷ Розанов В.В. Мимолетное. 1914. С. 243.

великого парадоксалиста верно отразило этический разрыв между XIX и началом XX в. Розанов демонстративно противопоставил свое «я» всей предшествующей литературе и попытался доказать всю тщетность ее моральных императивов и ложность нравственных идеалов. Это было его внутренней поведенческой установкой: «...каждый человек в своем поведении реализует не одну какую-либо программу действия, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-либо стратегию из обширного набора возможностей»³⁹⁸.

Гипертрофированное авторское «я» Розанова предполагало, что это целый мир, требующий выражения от собственного лица. В статьях о русской литературе отражено все разнообразие его художественных приемов: стилистическое новаторство, парадоксальность и множественность точек зрения, «эстетический экстремизм». В них достаточно ясно определено отношение Розанова к русским писателям, что отнюдь не упрощает его восприятия того или иного автора.

В целом свою жизненную и творческую позицию Розанов четко выразил в полемике с П.Б. Струве (мы касались уже этого вопроса). В статье «Силуэт Розанова» П.К. Губер еще раз обратил на это внимание: «В лице его мы имеем редкий тип мыслителя, равнодушного к истине»³⁹⁹. Многие считали это качество проявлением последней степени аморализма и циничности, не разделяя Розанова-художника и Розанова-человека, попадаясь на еще одну уловку «хитрющего» Василия Васильевича. Ведь «восприятие искусства как самоценного, традиция игрового, комбинаторно-синтагматического начала в русской литературе почти не получила развития»⁴⁰⁰. В русской литературе XIX в. главным было требование от писателей подвижничества и героизма: «...публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей»⁴⁰¹. Розанов же играл со своим читателем в игру, порой не со-

³⁹⁸ *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // *Лотман Ю.М. Избр. ст. Т. 1. С. 297.*

³⁹⁹ *Губер П.К.* Силуэт Розанова // *Розанов Василий: Pro et contra.* Кн. 2. С. 346.

⁴⁰⁰ *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю.М. Избр. ст. Т. 1. С. 369.*

⁴⁰¹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 217.

всем честную, провоцируя его или на возмущение, или на скандал. Особенно наглядно это проявляется в его статьях о литературе и в последних книгах. Он, декларируя абсолютную ценность человеческой души (заметим, что это основополагающая концепция для многих произведения русской литературы XIX в.), боролся с общепринятыми взглядами на мораль и социальную значимость русских классиков. «...Розанов, быть может, первый в пику главной тенденции русской литературы пытался отнестись к идеям несерьезно, к самой литературе – несерьезно. То есть без претенциозности, без потуг на мессианскую, пророческую, витийственную роль»⁴⁰². Каким образом тихий обыватель, мелкий чиновник Госдепартамента и штатный сотрудник «Нового времени» держал в напряжении тысячную аудиторию своих читателей, обрушивая на нее безнравственные выводы своих статей?

Отношение к развитию литературно-критического процесса в России и к именам, непосредственно связанным с ним, Розанов отразил в статье «Три момента в развитии русской критики»⁴⁰³. Для более полной картины исследования в данной главе используются материалы не только «Нового времени», но и других изданий.

Первый период для него связан с именем В.Г. Белинского, в задачи которого входило «отделить в литературных произведениях прекрасное от посредственного, и выяснить эстетическое достоинство первого». Розанов считает, что главное в творчестве критика – только ему присущая «удивительная чуткость» к красоте. Однако Белинский так и не смог, как полагает Розанов, найти эстетический критерий совершенства в литературе, отделяющий дурное от хорошего. Следуя за Белинским, Добролюбов связал литературу с жизнью и совершил определенный переворот в литературном процессе. «Писатель стал главным, центральным лицом в нашем обществе и истории, к мысли которого все прислушиваются»⁴⁰⁴. Розанов убежден, что благодаря Добролюбову русская литература приобрела колоссальное значение в обществе. Его взгляд на литературу и новое к ней отношение привел к ино-

⁴⁰² *Болдырев Н.* Молитва по имени Розанов // Волга. 1994. № 2. С. 142.

⁴⁰³ Впервые опубликовано: Русское обозрение. 1892. № 8. С. 576–594, под названием «О трех фазисах в развитии нашей критики».

⁴⁰⁴ *Розанов В.В.* Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 234, 236.

му восприятию литературных произведений, основополагающим моментом для них стали постановка и разрешение этических вопросов. И тем не менее все события в литературной жизни необъяснимы без участия Белинского. Через два года Розанов более четко определит свое отношение к «неистовому Виссариону» в статье «50 лет влияния», изданной к юбилею В.Г. Белинского 26 мая 1898 г.

Несмотря на определенные догмы жанра, юбилейная статья не превратилась у Розанова в панегирик критику, скорее она получилась у него пародией на серьезный материал. Розанов сразу выделяет главное для него в Белинском: «основатель практического, жизненного, житейского идеализма»⁴⁰⁵, одиночество: «он был совершенно один»⁴⁰⁶, горение и неукротимость духа: «температура 100 и пульс 200 ударов в минуту»⁴⁰⁷ и никакого «быта», никаких «нравов». «Что же сделал этот одинокий и бесприютный человек, не имевший “места” в обществе, “нуль” в государстве, пасынок “в университете”, “пловец в море житейском”?»⁴⁰⁸ – вопрос, в котором звучит художественная оценка жизни и творчества Белинского. Розанов сразу снижает публицистический пафос статьи, намеренно переводя ее в иную плоскость, – критическое эссе-размышления. Он не считает Белинского первым среди критиков и определяет его влияние на русскую общественно-критическую мысль весьма своеобразно: «...его сочинения внесли ласку в отношения учителя к ученикам; добросовестное делание своего дела судейским секретарем; из семинариста сделали приветливого и вдумчивого в свою паству священника; везде они разошлись по России лаской, мягкостью, честностью, немножко – мечтою...»⁴⁰⁹ Подобное утверждение Розанова носит оттенок явной издевки и сарказма. Сложно представить Белинского – страстного полемиста, бунтовщика, неукротимого в своей борьбе за идеалы натуральной школы, – вносящим умиротворение в русское общество.

При внешней почтительности и выдержанности статья Розанова озадачивает читателя парадоксальностью выводов и скрытой

⁴⁰⁵ Розанов В.В. 50 лет влияния (Юбилей В.Г. Белинского 26 мая 1898 г.) // Новое время. 1898. 26 мая. № 7988.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же.

тенденциозностью. В ней прослеживается элемент литературной игры. За серьезностью общего тона скрывается гротескная, розановская реальность текста. Происходит некая мифологизация, искажающая образ Белинского. Наследие критика, по мнению Розанова, осталось актуальным лишь для учащихся школ, а миссия Белинского завершилась его общепросветительскими устремлениями. Вместе с тем Розанов считает, что «он положительно “наложил свой образ” на всех нас... Это длилось полвека...»⁴¹⁰ За это время исчезла романтика отщепенца и общественного негодования, все это трансформировалось в омерзительный, как считает Розанов, нигилизм. «Белинский основал русскую мечту; но он же основал и русский нигилизм»⁴¹¹. Тот идейный террор, за который Розанов предает анафеме русскую литературу, начинается для него с Белинского. Знаменитое письмо Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», за чтение которого Достоевский чуть не поплатился жизнью, Розанов назвал «порнографией России»⁴¹². Подобную резкость определяют два момента: во-первых, идеологическое неприятие Розановым постулатов Белинского, во-вторых, адресат (письмо написано Гоголю, которого Розанов ненавидел всю жизнь (об этом ниже).

Оценивая эпоху 40–60-х годов, Розанов пишет о поколении этих людей: «Это были прежде всего люди рефлексии, люди углубленного, развитого чувства»⁴¹³. Белинский же для публициста входит в иную категорию лиц: «При необыкновенной живости, при кажущейся почти гениальности, Белинский был несколько туп... И притом не умственно, а всею натурою своею. Подслеповат, патологичен и не остер»⁴¹⁴. Розанов считает, что критик был бы забыт из-за своей посредственности, но стал социалистом, и это определило его судьбу. В России слово не просто несет определенную эстетическую нагрузку, но является носителем власти: «сакральные соки русской жизни все уходили в литературу,

⁴¹⁰ *Розанов В.В.* Споры около имени Белинского // Новое время. 1914. 27 июня. № 13753.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² *Розанов В.В.* 50 лет влияния...

⁴¹³ *Розанов В.В.* Почему мы отказываемся от наследия 60–70-х годов? // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 160.

⁴¹⁴ *Розанов В.В.* Белинский и Достоевский // Новое время. 1914. 8 июля. № 13764.

и в России сакральной была только литература (“святая”)»⁴¹⁵. Он четко выстраивает для себя цепь: Белинский – Добролюбов – Чернышевский – Щедрин – Некрасов – Михайловский – Григорий Петров – Дорошевич – Амфитеатров – Сытин. Белинский, по мнению Розанова, благословил последующие поколения на борьбу с Россией, в которой гораздо более выигрышно быть обличителем, чем литератором умеренных и консервативных взглядов.

Задумываясь над влиянием Белинского на русское общество, Розанов пытается понять его на метафизическом уровне. Критик был смертельно болен, умирал от чахотки, кашля кровью. Для Розанова это имело особый смысл. Белинский был религией нескольких поколений, он все искупил своей кровью и ранней смертью. Это была жертва. Впоследствии социал-демократы начертали на своих знаменах его имя, кровь Белинского осветила их праведный путь. Объясняя этот феномен пролитием крови, Розанов метафорически причисляет Белинского к злым разбойникам, прокравшимся в Царство Небесное. Образ Белинского – символ Христа для социал-демократов – используется в данном случае, как считает публицист, для дискредитации основных идей христианства (жертвенности и искупления).

Розанов часто использует самые смелые сравнения для доказательства своих идей и размышлений. Это является одним из его художественных приемов.

Кто тебя раскрестил, Русь некрещеная?
Батыева палка да Белинского чахотка⁴¹⁶.

Белинский, по мнению Розанова, был в литературе тем компилятивным, посредственным началом, с которого и пошло ее разрушение. Одним из важных моментов его творческой деятельности, на которую обращает внимание публицист, была вторичность. «Вот чего тоже не было у Белинского: оригинальности»⁴¹⁷. Розанов, по словам Шкловского, был человеком остролитературным, и тайна творчества имела для него огромное значение. Белинский же никогда не был художником, и Розанов доказывает это, он занимался анализом чужих литературных произведений.

⁴¹⁵ Болдырев Н. Молитва по имени Розанов. С. 141.

⁴¹⁶ Розанов В.В. «Мимолетное». 1914. С. 417.

⁴¹⁷ Розанов В.В. Белинский и Достоевский // Новое время. 1914. 8 июля. № 13764.

Розанова удивляет заданность мышления, ученическое отношение к миру, людям, авторитетам, четкое партийное разделение на своих и чужих. «Все это – от метода критики, от “нет своего вдохновения”... Все это еще от Белинского, который всю жизнь ел чужую кашу и благодарил более образованных людей»⁴¹⁸.

Оценки и выводы Белинского не соответствуют авторским замыслам и идеям разбираемых сочинений. Они не просто неверны, но порой зеркально противоположны, считает Розанов. Белинский смело утверждает то, что даже не приходило в голову писателю. В качестве доказательства этой мысли Розанов приводит оценку Белинским раннего Достоевского. Достоевский от «Бедных людей» пошел к религии, убежден Розанов, Белинский же направил его к революции.

Розанова отвращает от Белинского и его преемников их удивительная, по мнению мыслителя, нелюбовь к России. Он видит в традиции обличения пороков действительности неимоверное зло, принесшее столько хаоса и разброда в искания русской интеллигенции. Именно эта линия доминирует в творчестве Белинского, и, отрицая начало, столь губительное для России, Розанов пророчески предчувствует его победу. «Это противопоставление себя лично, своей личности целой России... есть та мысль, без которой не начинался вообще ни один журнал этой славной “традиции” и не начинал своей литературной деятельности ни один из “столпов”...»⁴¹⁹ Все началось с ненависти, считает Розанов, с этого обличения пороков русской действительности. Художественная словесность постепенно превратилась в идеологическую доктрину – так понимает Розанов влияние литературы и критики на русскую общественность. Он верно замечает в Белинском агрессию единого суждения и диктат ни в чем не сомневающейся личности. Розанов «стилистически» почувствовал это в Белинском. Подобные качества являются полной противоположностью творческого метода Розанова. «Священное слово, по Розанову, – это произрастающее, натуральное, “безнравственное” слово»⁴²⁰. К тому же Розанову претило узкопартийное, единое мнение, он предпочитал разнообразие идей и множественность идеологических позиций.

Белинский «породил из себя новую категорию души человеческой, именно площадной души... с впервые пришедшим на

⁴¹⁸ *Розанов В.В.* Мимолетное. 1914. С. 559.

⁴¹⁹ Там же. С. 558.

⁴²⁰ *Болдырев Н.* Молитва по имени Розанов. С. 144.

землю окаянством слова, окаянством отношения к вещам. Окаянством отношения к людям и лицам...»⁴²¹ Так усиливается тенденциозность розановского отношения к критику: неистовство духа, Розанов так определяет внутреннее состояние критика, трансформируется в более поздних работах публициста в «окаянство».

Несмотря на в целом отрицательную оценку деятельности критика, Розанов сумел отдать должное эстетической концепции Белинского. Правда, его единственным последователем в этой области он считал К. Леонтьева. Вывод на первый взгляд неожиданный. Однако подобная преемственность логически обосновывается Розановым. Именно Леонтьев, как считает Розанов, довел эстетический подход к литературным произведениям до такой степени, что в силу этой чистоты они «не удовлетворяют требованиям цельной жизни. Чему в конце концов должна удовлетворять литература»⁴²². Фигура К. Леонтьева не совсем подходит в преемники эстетической программы Белинского даже в ранний период его творчества. Мы предполагаем, что это хорошо понимал и сам Розанов. Его с К. Леонтьевым связывала тесная эпистолярная дружба, мыслитель оказал большое влияние на Розанова. Розанов хорошо был осведомлен об эстетических воззрениях Леонтьева. А подобное сравнение, как нам кажется, – уловка публициста, вызывающая недоумение читателя. Ведь Розанов очень любил шокировать общественность смелостью своих суждений, оценок, выводов. Так, у него К. Леонтьев стал преемником Белинского, а Розанов «разыграл» убежденного консерватора по отношению к критику.

Несмотря на резкость оценок, нельзя сказать, что отношение Розанова к критику было однозначно негативным. Оно было противоречивым и сложным. Розанов по достоинству оценил значение Белинского в русской литературе, но, как всегда, выразил его по-розановски оригинально: «Белинский есть более, чем человек, он есть явление»⁴²³; от Белинского – «вечный странник», «русский скиталец»⁴²⁴. Эта мысль Розанова созвучна идее Достоевского о русском скитальчестве, о которой писатель говорил в знаменитой

⁴²¹ *Розанов В.В.* Мимолетное. С. 509.

⁴²² *Розанов В.В.* Три момента в развитии критики // *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 255.

⁴²³ *Розанов В.В.* Белинский и Достоевский // *Новое время.* 1914. 8 июля. № 13764.

⁴²⁴ *Розанов В.В.* Споры около имени Белинского // *Там же.* 27 июня. № 13753.

речи о Пушкине. Достоевский отметил в творчестве Пушкина тип исторического несчастного скитальца, оторванного от родного народа. По всей видимости, и Розанов, называя так Белинского, тем самым выделил главное трагическое качество его личности. И все же Розанов считает, что «всю жизнь идти за Белинским положительно “смадно”»⁴²⁵, а «традиция Белинского» стала риторичной, и это «такая судьба, из которой не воскресают»⁴²⁶.

Более ярко выраженным антигероем Розанова, по сравнению с Белинским, был А.И. Герцен. «Солнце нашего западничества», как назвал его Розанов, был глубоко антипатичен публицисту по многим причинам. Либерал, западник, барин, обладавший достаточным доходом, чтобы не зарабатывать на кусок хлеба, Герцен вызывает неприязнь у Розанова не только идеологическими расхождениями, но и «стилем» жизни. Это очень важная категория в мироощущении Розанова. «Стиль есть то, куда Бог поцеловал вещь»⁴²⁷. Данное определение не ограничивается материальным. Стиль для Розанова – одна из форм понимания жизни, видения мира, осознания себя в литературе, «стиль Розанова становится носителем его нравственной программы»⁴²⁸.

Розанов считает, что легкость стиля Герцена привела его к бахвальству и самолюбованию не только в творчестве, но и в жизни. «Герцен напустил целую реку фраз в Россию, воображая, что это “политика” и “история”. Именно он есть основатель политического пустозвонства в России»⁴²⁹. Сравнивая двух мыслителей в статье «И.В. Киреевский и Герцен», Розанов однозначно отдает предпочтение И.В. Киреевскому, близкому ему по духу и славянофильским убеждениям.

«Искрометный» Герцен стал для Розанова воплощением идеи демократии в России: «Самоуверенная и самомненная демократия есть такое же жалкое и скоропроходящее явление, как и ваш блестящий талант или блески вашего таланта...»⁴³⁰ Скром-

⁴²⁵ *Розанов В.В.* Споры около имени Белинского.

⁴²⁶ *Розанов В.В.* Белинский и Достоевский.

⁴²⁷ *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 2-й. С. 570.

⁴²⁸ *Синяевский А.* «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. С. 220.

⁴²⁹ Там же. С. 437.

⁴³⁰ *Розанов В.В.* И.В. Киреевский и Герцен // Новое время. 1911. 12 февр. № 12544.

ность и серьезность – вот что определяет истинный талант. Интеллектуальное легкомыслие (так Розанов определяет дар Герцена) было блестяще, но мимолетно. Еще больше раздражает Розанова «вещательный голос» с «того берега». Для Розанова неприемлема сама идея политической эмиграции. Резко и безжалостно осуждает он эмигрантов. В 1913 г. в связи с 300-летием царствования династии Романовых была объявлена амнистия лицам, привлеченным «За преступные деяния, учиненные посредством печати». Розанов настолько в грубой форме осудил этот акт, что его статью не стало публиковать даже родное «Новое время». В ней Розанов написал, что «эмигранты – “погромщики” всего русского, русского воспитания, русской семьи, русских детей, русских сел и городов, как все Господь устроил и Господь благословил»⁴³¹. Очевидно, что таким «погромщиком» был для него и Герцен.

Материал вызвал такую бурю возмущения среди либеральной интеллигенции, что явился одной из косвенных причин исключения Розанова из Религиозно-философского общества.

Розанов отмечает, что Герцену легко было воевать с самодержавием вне реалий русской жизни, и выводит основную причину этой борьбы: «Самолюбие, переходящее в мелкое тщеславие, требовали у Герцена, чтобы он был непременно в “оппозиции” правительству, даже когда оно работало над великими реформами»⁴³². Розанов глубоко несправедлив в своих оценках Герцена мыслителя и общественного деятеля. Публицист изначально берет неверную интонацию в его характеристике. Играя на контрасте плохой Герцен – хороший Киреевский, Розанов пытается объективно доказать это, что ему плохо удается. Субъективное отношение к мыслителю не позволяет подняться над авторским «я» публициста. У читателя возникает убеждение, что Герцен когда-то смертельно оскорбил Розанова. Публицист не меняет тона, и подобная «искренность» усиливает это восприятие.

Розанов готов Белинскому простить «цинизм от страдания»⁴³³. Цинизм от счастья (Розанов так «прочитывает» личность Герцена) вызывает у него отрицательное отношение. В Герцене он не видит жертвы и страдания. Он напоминает ему литературного

⁴³¹ *Розанов В.В.* Не нужно давать амнистию эмигрантам // Богословский вестник. 1913. № 3. С. 646.

⁴³² *Розанов В.В.* Из судеб русской литературы и общественности // Новое время. 1914. 2 мая. № 13698.

⁴³³ *Розанов В.В.* Уединенное. С. 61.

героя с совсем другими качествами. «Герцен с необозримыми “сочинениями” своими вообще напоминает Чацкого с его “речами” из “Горя от ума”»⁴³⁴ (один из самых нелюбимых Розановым персонажей).

Герцен стал для Розанова еще одним проявлением в русской литературе той силы, которая губила Россию. Он сказал о нем много жестоких и порой несправедливых слов. Но в общей резкости выводов иногда звучат иные интонации. Это не фарисейство Розанова, но предельная искренность: он так думал, когда это писал. «И все-таки на конце всего скажешь: Бедный Герцен... Я его не любил, не люблю. Не уважал, не уважаю. Он чужой мне. Может быть, если бы где-нибудь у него не хватало таланта, я уже любил бы его. Но он был “счастлив, как бог”, а боги мне вообще противны. Так. И не могу забыть его. И где-то на далеком-далеком горизонте всегда будет облачко: “грусть о Герцене”»⁴³⁵. Но Розанов остался верным самому себе. Юбилейная статья о Герцене была снята с набора в газете по причине резкости высказываний о писателе⁴³⁶. Розанова раздражало это поклонение кумирам, свойственное русской интеллигенции, и он как мог противостоял ей. В статье, посвященной творчеству Розанова, В.Р. Ховин писал: «Книги Розанова – пороховой погреб, подведенный под самую сердцевину духовного быта современности»⁴³⁷. Это будет верным и по отношению к его статьям.

Еще не будучи штатным сотрудником «Нового времени» Розанов, отдыхая с семьей на водах, прислал в газету цикл очерков «С юга». Постановка комедии Грибоедова «Горе от ума» на провинциальной сцене натолкнула его на написание критической заметки о ее авторе.

В начале статьи Розанов сразу решил озадачить читателя оригинальной идеей, отказав Грибоедову в рефлексии и глубине переживаний, а доказательством этому, по мнению Розанова, является его комедия. Легкость и блеск произведения свидетельствуют, на взгляд публициста, лишь о том, что «содержание

⁴³⁴ *Розанов В.В.* Из судеб русской литературы и общественности.

⁴³⁵ *Розанов В.В.* Мимолетное. С. 433.

⁴³⁶ *Розанов В.* Из воспоминаний. Герцен и 60-е годы (К 100-летию со дня рождения Герцена), снято с набора, написано рукой Розанова. РГБ. Ф. 249. Карт. 11. Ед. хр. 12.

⁴³⁷ *Ховин В.Р.* Не угодно ли-с? // Василий Розанов Pro et contra. Кн. 2. С. 291.

“Горе от ума” существенным образом есть критика счастливого, радующегося человека»⁴³⁸. Розанов не учитывает временную дистанцию, отделяющую его от автора комедии. Он игнорирует эпоху, в которой писал Грибоедов, не обращает внимания на чувство разочарования, охватившее русское общество в то время. Розанов не верит в трагическое мироощущение Грибоедова, забывая об историческом контексте и о том, что Грибоедов был не только другом Булгарина, но и Пушкина с Чаадаевым. Отличительной чертой Розанова было это удивительное игнорирование фактов, мешавших ему своей очевидностью при построении умозаключения. Розанов просто полностью вычеркнул для себя моменты реальной биографии Грибоедова, имевшие немаловажное значение для анализа его творчества.

Построение комедии, как пишет Розанов, бедно, безжизненно и неумно. Главный герой Чацкий – пустой резонер, обладающий весьма условным умом и не испытывающий ни одного живого чувства. Но если Пушкин, отказывая в уме Чацкому, отдавал должное уму Грибоедова, то Розанов обходит этот аспект молчанием. Для себя он выбирает других героев комедии. «Чувство смеха над Сперанским в петербургском обществе сливается с чувством смеха Грибоедова над Молчалиным, сливается до подробностей анекдота»⁴³⁹. Розанову стыдно защищать Молчалина не из-за его личностных качеств, а из-за ошибки мощного таланта Грибоедова, не увидевшего истинного значения своего героя. Парадокс, как художественный прием данной статьи, к тому же построенной на антиномии автора и героя, приводит Розанова к интересному выводу: трагический конец Грибоедова «составляет как бы эпилог комедии – первое и единственное настоящее горе, которое испытал Грибоедов»⁴⁴⁰. Фамусов же «держит на плечах своих Россию, какая она ни есть»⁴⁴¹. Да и вообще «Горе от ума» есть «самое непоэтическое произведение в нашей литературе, какое вообще себе можно представить»⁴⁴². Такое прочтение комедии не просто ошибочно или тенденциозно, а интригующе. В данном случае завязкой интриги становится личность Грибоедова.

⁴³⁸ *Розанов В.В.* Горе от ума // Новое время. 1898. 24 июля. № 8047.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ *Розанов В.В.* Уединенное. С. 60.

⁴⁴² *Розанов В.В.* «Горе от ума».

Публицист считал, что автор «Горя от ума» был одним из первых в XIX в., кто заложил основу будущего разрушения России. За насмешками Грибоедова Розанов слышит дьявольский хохот Гоголя и видит озлобление, рожденное обличениями сатириков. «Пошлое» «Горе от ума», по словам Розанова, было тем истоком, в след которому потекла мутная река сатирического направления в русской литературе. Россия, по убеждению публициста, была проклята Гоголем и Грибоедовым. «У нас слово “отечество” узнается одновременно со словом “проклятие”»⁴⁴³. Язвительная сатира в адрес чиновников и правительства, насмешки над устоями и бытом консервативного дворянства – вот что вызывает резкое неприятие убежденного монархиста Розанова.

Анархист Грибоедов, с которого начинается появившийся в России кающийся дворянин, совершил, по мнению Розанова, трагическую ошибку в жизни, она стала его первым настоящим горем – это глухота к сути бытия и жизни, глухота и непонимание любви. Для Розанова архиважны мелочи быта реальной жизни, он был уверен, что тяготение к абсолютному, свойственное литературе, погубило не только ее изначальную божественную сущность, но и Россию. Упрекая Грибоедова в анархизме и насмешках, Розанов начинает творить свой миф о русской литературе, обвиняя ее в грехопадении смеха. Публициста совсем не смущает ореол почтения, которым овеяно имя того или иного русского классика. «Баламут с тончайшим сердцем, ипохондрик, мизантроп, грубиян, весь сотворенный из нервов, без примесей, он заводил пасквильность, чуть речь заходила о том, перед чем мы привыкли благоговеть, и раздавал панегирик всем, над кем мы глумимся, – все это с идеальной систематичностью мышления и полным отсутствием системности в изложении, с озлобленной сосредоточенностью, с нежностью, настоянной на черной желчи, и с “метафизическим цинизмом”»⁴⁴⁴, – писал о нем В. Ерофеев.

Мастер парадокса Розанов «ловит» читателя, предлагая ему тезисы, не просто ломающие стереотипы в восприятии творчества того или иного художника, а граничащие с литературным скандалом. Планомерно Розанов разрушает хрестоматийный образ русского писателя, развенчивает идею исключительного предназначения русской литературы.

⁴⁴³ Розанов В.В. Опавшие листья. К. 2-й. С. 422.

⁴⁴⁴ Ерофеев В. Василий Розанов глазами эксцентрика // Ерофеев В. Оставьте мою душу в покое. Почти все. М., 1997. С. 157.

Некрасов называл свою музу «музой мести и печали». Розанов полагает, что это определение глубоко ошибочно, ибо главное в творчестве поэта другое: «...благодущие все-таки небо в нем, а гнев – только облака»⁴⁴⁵. К Некрасову подходит определение «благодущный», утверждает публицист. Певец тоски и печали русской земли, выражающий унижение и угнетение русского народа, Некрасов жестко определил свою социальную позицию, будучи редактором революционно-демократического журнала. Розанов не желает этого замечать, как мы считаем, определенным образом мифологизируя фигуру Некрасова. Тема гнева не превалирует в его творчестве: «Решительно это был поэт малого гнева»⁴⁴⁶.

Анализируя причину славы поэта, Розанов пишет об открытом и простом его сердце, оттого он и был «так полюблен эпохою тоже простой, без лабиринтов в ней; “честными и мыслящими реалистами”, назовем ее ею любимым, ее наивным термином»⁴⁴⁷. Подобное утверждение Розанова звучит саркастической насмешкой. Розанов прекрасно знал, что представляют из себя «честные реалисты», и в какую «наивную» и «простую» эпоху жил поэт. Полусерьезность суждения подтверждается доказательством причины возникновения у Некрасова гражданских тем в творчестве. Розанов считает, что виной этому является национальное происхождение поэта, ибо он воспринял «душу матери-польки». «“Муза” его там, около ее могилы; а “печаль и место” этой музы только разросшееся до национальной значительности негодование сына за свою мать»⁴⁴⁸. Подобное фрейдистское обоснование социальности поэзии Некрасова уже совсем в духе «мистерий Пола» Розанова.

Особенно неудачными, по словам публициста, оперными, он считает такие стихотворения, как «Бурлаки», «У парадного подъезда», «Убогая и нарядная». Отношение Розанова к гражданской поэзии Некрасова – это прежде всего его отношение к 60-м, и здесь он не делает исключения. Хорошо понимая значение поэта («его дарование было самым нужным»⁴⁴⁹), Розанов отвергает в силу своих убеждений именно ту часть творчества Некрасова, которая

⁴⁴⁵ *Розанов В.В.* О благодущии Некрасова // Мир искусства. Т. 9. 1903. С. 58.

⁴⁴⁶ Там же. С. 58.

⁴⁴⁷ Там же. С. 61.

⁴⁴⁸ Там же. С. 63.

⁴⁴⁹ *Розанов В.В.* 25-летие кончины Некрасова // Новое время. 1902. 24 дек. № 9630.

позволила ему назвать его голосом России. В этом антиномия Розанова. Он нарочито отвергает гражданскую тему в творчестве поэта и одновременно считает ее самой важной. И в данном вопросе принципы Розанова непоколебимы. «И демократом затагнуло литературу»⁴⁵⁰, – со злобой восклицает он и продолжает: «...да русский прогресс провалился уже в Щедрина и Некрасове...»⁴⁵¹ Подобная оценка связана с внутренним, глубоким отрицанием общепринятых канонов и свободой самовыражения у Розанова.

Парадокс Розанова заключается в синтезе консерватизма и революционности. Консерватор во внешней, событийной жизни, Розанов был подлинным революционером в жизни внутренней, связанной с самовыражением. Отсюда неожиданность поворотов его мысли, не борьба, а игра противоположных идей в его текстах. Было бы большим упрощением объяснять своеобразие розановской мысли его консерватизмом. В истории русской журналистики и литературы нет фигуры более противоречивой и сложной, чем В.В. Розанов.

«“Литература есть выражение человека”. А моя литература есть выражение меня. Чего толковать. За что сердятся критики – не понимаю»⁴⁵². Критики сердились не напрасно. Ведь Розанов не только слишком нетрадиционно и оригинально высказывался о литературном процессе XIX в., он плутовал, возмущая общественное мнение противоречивостью своих оценок. В искренность «двуликого» суждения поверить было сложно. «Современники простили бы Розанову противоречия, если бы они выстроились в некую удопонятную “эволюцию взглядов”, “эволюцию творчества” и т. п. Но Розанов “противоречил сам себе” в одно и то же время! И этого ему простить не могли»⁴⁵³. Новаторство подхода Розанова, его эпатаж и шокирующие высказывания в адрес святых русской интеллигенции напоминают литературные скандалы футуристов. «...Розанов есть удавленный футурист, удавленный Пикассо русской литературы и русской философии, как и русской религиозной метафизики»⁴⁵⁴. Один из самых знаменитых скандалов Розанова связан с именем Л.Н. Толстого.

⁴⁵⁰ *Розанов В.В.* Мимолетное. 1914. С. 479.

⁴⁵¹ Там же. 1915. С. 936.

⁴⁵² Там же. 1914. С. 632.

⁴⁵³ *Болдырев Н.* Молитва по имени Розанов. С. 144.

⁴⁵⁴ *Ильин В.Н.* Стилизация с стиль // Розанов Василий: Pro et contra. Кн. 2. С. 471.

Впервые к открытому осуждению воззрений Толстого Розанов обратился в 90-е годы. В 1895 г. в «Русском вестнике» была опубликована его статья «По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого».

Проблема смерти и бессмертия волновала Розанова всю жизнь, поэтому неслучайно, что мыслитель особенно пристально исследует, как она преломляется в творчестве Толстого. «Страх смерти в Толстом постоянен... Страх ли это неведения, тревога ли за грех свой, неоткрытый земле и который страшно открыть и небу – это личная тайна нашего великого писателя»⁴⁵⁵. По мнению Розанова, Толстой не верит и в бессмертие. Писателя не пугает физическое – уход из жизни, констатирует Розанов, размышления Толстого касаются области духовного мира. Розанов, критикуя его, полагает, что художник унижает основу человеческого существования, ибо «душа побеждается в смерти, но ей остается непричастна»⁴⁵⁶. Публицист пытается доказать писателю бесплодность его усилий понять смерть, в которой Толстой видит успокоение. Розанов считает, что грех – главная причина непонимания Толстым акта смерти, и ему прежде всего необходимо обратиться к психологии греха. А «он старается уловить смысл всякого рождения и каждой смерти, в узком пределе которых заключено бедное существование человека»⁴⁵⁷. Позже Розанов оговорился, что даром познания греха обладал только один русский писатель – Ф.М. Достоевский. Гений Толстого, по убеждению Розанова, раскрывался в другом.

Именно в этой статье Розанов обратился великому писателю на «ты», чем вызвал невероятный гнев русского общества (мы уже касались этого вопроса). Но нарочитая фамильярность Розанова была вызвана отнюдь не плохим воспитанием: переход Розанова на «ты» с Толстым обозначал в данном случае проявление высшей степени откровенности. В такой форме можно выразить горькие и страстные упреки, обращаясь лишь к очень близкому человеку, глубоко оскорбившему самое сокровенное. «Ты не хочешь “сопротивляться злу” и сопротивляешься даже благу. Ты все умничаешь, выдумываешь, лепишь снова человека из глины,

⁴⁵⁵ *Розанов В.В.* По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого // *Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского.* С. 365.

⁴⁵⁶ Там же. С. 397.

⁴⁵⁷ *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 27.

когда его уже слепил Бог»⁴⁵⁸. Стиль речи Розанова напоминает речь Великого инквизитора, когда тот обращается к Христу в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Розанов убежден, что Толстому дан великий художественный дар, но писатель не понял самого главного, что ему нужно, – самоотречения. И это не отречение от мирского (рода, богатства, успехов в литературе), уточняет Розанов, а отречение от себя самого: «Бог тебя хочет, а не плода рук твоих, ибо именно вопрос идет тут не о суете земного, но о душе твоей»⁴⁵⁹. По мнению Розанова, пока художник не осознает своего собственного греха утраты веры в бессмертие и Бога, его будет окружать только тьма: «И не прожил, и не может умереть»⁴⁶⁰.

Не кажется странным и то, что Розанов в этой статье заступает за церковь. Розанов сам имел непростые отношения с русской церковью, были периоды, когда он ее отвергал, а затем снова возвращался к ней. Бунт Розанова против церкви чуть не закончился для него отлучением, но в контексте данной статьи публицист считает возмутительными выводы Толстого, ибо тот окончательно потерял смирение, а вместе с ним и веру. Розанов «не прощает» Толстому его отношения к церкви. Надо заметить, что к Достоевскому в этом сложном вопросе он относится по-другому.

Самое большое количество статей (около 23) написано Розановым о Толстом. Неслучайно такое пристальное внимание у публициста вызывает этот писатель. Толстой – огромная величина в духовной жизни русского общества и современник Розанова. Нимб величия вокруг гениального художника привлекает и отталкивает публициста. Тем не менее первая статья Розанова о литературе, написанная им в XX в., посвящена Толстому. Публицист дает критический анализ его романа «Воскресение». Розанов замечает, что в последнее время Толстой разрабатывает в своих героях характер Платона Каратаева. «Тип этот есть героизм смерти»⁴⁶¹. Пассивность и вялость – категории, не совсем удачно выбранные художником для персонажей, ибо «роман назван “Воскресение”, и мы можем заключить, что его концепция не

⁴⁵⁸ *Розанов В.В.* По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого. С. 400.

⁴⁵⁹ Там же. С. 403.

⁴⁶⁰ Там же. С. 409.

⁴⁶¹ *Розанов В.В.* Пассивные идеалы // Новое время. 1900. 11 янв.

совсем удалась автору»⁴⁶². Публицист считает, что самые сильные стороны произведения – в деталях, в то время как в философских размышлениях он наблюдает упадок Толстого. Розанов убежден, что пассивные идеалы смирения, умаления, склонения долу и смерти – фарисейство художника. Лицемерие наблюдает Розанов и в героях, так, он полагает, что Нехлюдов не столько нравственно воскресает, сколько «натруживает» себя, по его словам, около воскресения. Толстой сам не очень хорошо, на взгляд публициста, ориентируется в идеях, которые он предлагает читателю, и вряд ли в них верит. «Толстой запутался в пассивных образах и пассивных идеалах»⁴⁶³. Публицист делает резкий вывод, что Толстой несет не свет в жизнь, но тему страдания, небытия. Несмотря на субъективность выводов, статья Розанова встретила одобрение. По словам П. Перцова, новый роман не удался великому старику. Он поддерживает мнение Розанова, высказывая единственный упрек автору: «...я хотел бы, чтобы эти полемические замечания были высказаны более уверенным голосом»⁴⁶⁴. Голос Розанова зазвучал увереннее в поздних его произведениях.

Розанов всегда видел в Толстом отсутствие искренности, сострадания, равнодушие к окружающему его миру. «Чего хотел, тем и захлебнулся, когда наша простая Русь полюбила его простою и светлою любовью за “Войну и мир”, – он сказал: “Мало. Хочу быть Буддой и Шопенгауэром”»⁴⁶⁵. Надо заметить, что морализаторство и вечные поучения Толстого вызывали у Розанова раздражение. Толстой-философ был органически чужд ему, но при этом он искренне восхищался Толстым-художником, автором «Войны и мира». Эту позицию по отношению к писателю занимал не только Розанов, но и газета «Новое время» вместе с Сувориным, считавшим, что Толстой «жил, живет и будет жить в сердцах людей своими художественными произведениями, а все остальное, что он написал, останется любителям»⁴⁶⁶. Розанов, поздравляя Толстого с 80-летием, писал: «Он есть несравненный психолог, он есть несравненный живописец быта. В этих двух половинках вы-

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Перцов П. «Воскресение» и толстовцы // Новое время. 1900. 18 февр. № 8613.

⁴⁶⁵ Розанов В.В. Опавшие листья. К. 1-й. С. 216.

⁴⁶⁶ Суворин А.С. Маленькие письма (DCCXXXIV) // Новое время. 1908. 28 авг. № 11660.

ражается то главное, что внес Толстой в литературу»⁴⁶⁷. Толстой был близок Розанову тем, что было его религией, – художественным описанием деталей быта, и как живописец жизни он вызывал у Розанова восхищение, которое отражено в воспоминаниях Розанова о встрече с Толстым.

После нескольких письменных обращений Розанова к Толстому писатель принял его с женой в Ясной Поляне. Они провели там день. Розанов вдаётся в бытовые подробности жизни Толстого, описывая обстановку дома, внешний вид Льва Николаевича и Софьи Андреевны. Данная зарисовка полна благоговейного чувства перед «Монбланом нашей жизни»⁴⁶⁸. На прощание Розанов поцеловал Толстому руку. Розанов пытался найти ответ у писателя на мучившие его вопросы о браке и семье, и Толстой прямо на них ответил. Надо заметить, что позже, в «Опавших листьях», публицист в гораздо более резких тонах опишет этот разговор. Толстой, по его мнению, путался в этих вопросах. «Ни анализа, ни способности комбинировать; ни даже мысли, одни восклицания. С этим нельзя взаимодействовать...»⁴⁶⁹ – таков суровый приговор Розанова. Да и встреча с писателем описывается уже совсем по-другому. Также Толстой уклонился от разговора о теме пола, которую пытался затронуть с ним Розанов. Но Толстой тоже был не очень доволен встречей. Через несколько дней в письме к брату он высказал свое мнение о Розанове: «мало интересен». Сын Толстого вспоминает слова отца после встречи с Розановым: «Он пишет очень хорошо, но беда в том, что в его писаниях ничего понять нельзя»⁴⁷⁰.

Величие Толстого-художника не было для Розанова сдерживающим моментом в оценке его личности и мировоззренческих взглядов. Розанов чужд поклонению богам, его строптивый дух никогда не подчинялся общему, хоровому мнению. Само слово «учение» приводило его в негодование. Розанов не верил Толстому-мыслителю. На заданный вопрос о цели и смысле жизни Толстой так и не смог вразумительно ответить, как показалось Розанову. Он

⁴⁶⁷ 80-летие гр. Л.Н. Толстого // Новое время. 1908. 28 авг. № 11660.

⁴⁶⁸ *Розанов В.В.* Поездка в Ясную поляну // *Розанов В.В.* Мысли о литературе. С. 286.

⁴⁶⁹ *Розанов В.В.* Смертное // *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. С. 111.

⁴⁷⁰ *Толстой Л.Н.* Отрывок из моего дневника 1903 года // Столица и усадьба. 1914. 15 февр. С. 5. Цит. по: *Розанов В.В.* Мысли о литературе. С. 531.

считает, что истоки подобного незнания лежат в непонимании им реальной человеческой природы. Толстому недоступна идея внутренней иррациональности человеческих поступков, поэтому поиск истины представляет у него такую жалкую картину. «Удивительное зрелище пророка, истинного пророка, который подумал бы, что вдохновенные речи говорит чрез него не Бог, но обманщик-жрец, за ним следящий»⁴⁷¹. Сомнения и духовные коллизии Толстого интересны Розанову лишь как попытки обрести нравственный идеал. Однако он не сопереживает писателю. «Религия Толстого не есть ли “туда и сюда” тульского барина, которому хорошо жилось, которого много славили, – и который ни о чем истинно не болел. Истинно и страстно и лично. В холодности Толстого – его смертная часть»⁴⁷². Розанов в данном вопросе необъективен.

Его оценка и восприятие Толстого всегда были неоднозначными и глубоко противоречивыми. Он был искренне возмущен отлучением Толстого от церкви. Как известно, взаимоотношения самого Розанова со Святейшим синодом складывались непросто. Публицист всегда с большим скепсисом относился к постановлениям Синода и нередко резко их критиковал, что было отчасти обусловлено семейной драмой Розанова. Несмотря на то что Розанов не считал Толстого религиозным человеком и не принимал его взаимоотношений с церковью, он тем не менее был убежден, что решение отлучить писателя от церкви не просто антицерковно, но кощунственно. «Между тем Толстой, при полной наличности ужасных и преступных его заблуждений, ошибок и дерзких слов, есть огромное религиозное явление...»⁴⁷³ Розанов так и воспринимал Толстого – как явление в русской культуре такого масштаба, которое само по себе многое значит и определяет. Розанов отдает дань уважения автору «Войны и мира» и «Анны Карениной», но во всем остальном не видит мук сомнения, терзавших писателя всю жизнь. Горестный путь Толстого не был близок сотруднику «Нового времени», который не увидел в нем ничего искреннего и трагического, кроме самообольщения: «Толстой прожил, собственно говоря, глубоко пошлую жизнь... Никакого страдания; никакого “тернового венца”; никакой героической борьбы за

⁴⁷¹ *Розанов В.В.* Два исхода // *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 192.

⁴⁷² *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 2-й. С. 228.

⁴⁷³ *Розанов В.В.* Об отлучении гр. Л.Н. Толстого от церкви // *Розанов В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 290.

убеждения; и даже никаких особенно интересных приключений: полная пошлость»⁴⁷⁴. Так эмоционально Розанов объяснил свою нелюбовь к Толстому.

Восприятие Розановым писателя носило сложный характер. Главное расхождение между ними было в понимании личности. Толстой, убеждая других, убеждал прежде всего самого себя в правильности своих нравственных идеалов. Розанов непримиримо отвергал все, что было связано с моралью: «Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали»⁴⁷⁵. Его раздражало морализаторство писателя, отсюда столь жестокие определения, оценки и выводы. Он был убежден, что «всякая мораль оседлывает человека»⁴⁷⁶ и писатель стремится к этому. В статье «Чего недостает Толстому?» Розанов дает полную волю своему сарказму в адрес писателя-моралиста. Статья построена в виде диалога с почитателем Толстого. Основной упрек, брошенный Розановым Толстому, – в отсутствии остроумия у великого старца. «Слишком серьезен. Нельзя так. Молиться Богу хорошо, но нельзя молиться 24 часа в сутки. Надо и пообедать. Надо попить чайку. Надо дать место и шутке»⁴⁷⁷. Ерничая и подхихикивая, Розанов, будто начисто забывший про тон глубокого почтения, с которым написана его юбилейная статья в адрес Толстого за три дня до этой, продолжает: «И, знаете, мудрец, который не обладает остроумием, иногда может натворить Бог весть что...»⁴⁷⁸ И тут же публицист переходит к решению серьезного вопроса: что такое нравственность? Эта способность Розанова переходить от ироничного к серьезному, от важного к «пустячкам» придает его творческой манере неповторимый колорит. «И юродивость эта русская, и иезуитская складочка, и морщинки все, ужимки, усмешечки, наивность. Переходящая в наивничанье и совершенно определенное лукавство, – все это сообщает его письму замечательное своеобразие»⁴⁷⁹.

Скандал Розанова в литературе с Толстым был лишь первым этапом в эпатже русской общественности. Главным своим

⁴⁷⁴ *Розанов В.В.* Уединенное. С. 86.

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ *Розанов В.В.* Л.Н. Толстой // Новое время. 1908. 28 авг. № 16660.

⁴⁷⁷ *Розанов В.В.* Чего недостает Толстому? // Там же. 3 сент. № 11666.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ *Волжский.* Мистический пантеизм В.В. Розанова // Розанов Василий: Pro et contra. Кн. 2-я.1. С. 426.

оппонентом Розанов считал другого русского классика. Гоголь – вот имя, которое приводило Розанова в негодование: «...через всю мою литературную деятельность проходит борьба с Гоголем»⁴⁸⁰. Действительно, ни о ком с такой яростью и страстью не писал мыслитель, никого так грозно не обвинял и ни о ком не сказал столько горьких и безотрадных слов.

Гоголь мучил Розанова всю жизнь, отношение к писателю у него принимало болезненно-агрессивный характер. Не кроется ли эта болезненность в восприятии и оценке писателя в некотором мистическом совпадении биографий и не являлся ли Гоголь для Розанова тем кривым зеркалом, один взгляд на которое возвращал Розанову его собственный образ? К. Мочульский верно заметил: «От Гоголя все “ночное сознание” нашей словесности: нигилизм Толстого, бездны Достоевского, бунт Розанова. “День” ее – пушкинский, златотканый покров, – был сброшен; Гоголь первый “больной” нашей литературы, первый мученик ее»⁴⁸¹.

Впервые Розанов дает критический анализ творчества Гоголя в работе о Достоевском. Неслучайно такое совпадение имен: Гоголь и Достоевский. Один из них (Гоголь) был бесом Розанова, другой – кумиром. Достоевский считал, что вся русская литература вышла из «Шинели» Гоголя, Розанов всю жизнь будет доказывать обратное, уверяя общественность в том, что русская литература существует вопреки ему. Но Достоевскому принадлежит и другое мнение: «Явилась потом смеющаяся маска Гоголя; с страшным могуществом смеха, – с могуществом, не выразавшимся так сильно еще никогда, ни в ком, ни в чьей литературе с тех пор, как создалась земля. И вот после этого смеха Гоголь умирает перед нами, уморив себя сам, в бессилии создать и в точности определить себе идеал, над которым бы он мог не смеяться»⁴⁸². Это высказывание отчасти носит программный характер для Розанова и предвосхищает его оценки творчества и личности Гоголя.

Розанов убежден, что такое отношение к действительности, как у Гоголя, не повторялось у последующих писателей и, более того, вызвало их противодействие. «Не в нашей только, но и во всемирной литературе он стоит одиноким гением, и мир его не

⁴⁸⁰ *Розанов В.В.* Мимолетное. С. 643.

⁴⁸¹ *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 231.

⁴⁸² *Достоевский Ф.М.* Книжность и грамотность // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1979. Т. 19. С. 12.

похож ни на какой мир»⁴⁸³. Розанов противопоставляет ему Пушкина как символ жизни и выдвигает одно из основных своих обвинений писателю: «Мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь и мертвые души только увидел он в ней»⁴⁸⁴. Именно с него и начинается то презрение к душе человеческой, которое, по мнению Розанова, будет присуще сатирическому направлению в русской литературе. И если Грибоедов в «Горе от ума» смеялся лишь над московскими обывателями, то «Гоголь дал право каждому русскому хохотать над Россией»⁴⁸⁵. Большинство читателей и критиков приняло гоголевские «мертвые души» за социальное обличение пороков николаевской России, так и не поняв сути его смеха, за которым, на взгляд Розанова, скрывался ужас небытия. Розанов полагает, что искажение действительности является истинным миром творчества Гоголя и движущей силой его мастерства. Доминирующая идея писателя поражает Розанова цинизмом вывода – «истина, что человек может только презирать человека»⁴⁸⁶. И уж совсем как приговор писателю звучат слова публициста о том, что, обладая фантастическим воображением, Гоголь развратил души своих читателей и разорвал привычную канву жизни. «Розанов не считается с намерениями Гоголя. Он судит его по тому, что тот создал, и находит, что Гоголь сам не ведал, что творил»⁴⁸⁷. Называя его «гением разложения», Розанов стремится доказать, что Гоголь не просто ненавидел Россию, но способствовал ее гибели. «Нигилизм невымыслим без Гоголя и до Гоголя», – пишет Розанов, подводя своеобразный итог влиянию писателя, в одной из последних своих книг («Мимолетное. 1915»).

За светлым творчеством Пушкина следует совсем другое направление в русской литературе. «Дьявол вдруг помешал палочкой дно, и со дна пошли токи мутных болотных пузырьков... Это пришел Гоголь. За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. “Лишние люди”. Тоскующие люди»⁴⁸⁸. Так Розанов характеризует появление Гоголя в литературе. В мире писателя

⁴⁸³ *Розанов В.В.* О Гоголе // *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 140.

⁴⁸⁴ Там же. С. 142.

⁴⁸⁵ *Розанов В.В.* Мимолетное. 1914. С. 456.

⁴⁸⁶ *Розанов В.В.* О Гоголе. С. 141.

⁴⁸⁷ *Ерофеев В.В.* Разноцветная мозаика розановской мысли // *Розанов В.В.* Несовместимые контрасты жития. М., 1990. С. 31.

⁴⁸⁸ *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 1-й. С. 261.

нечем дышать: неслучайно публицист использует определение «удушливый». Гоголь у Розанова – это колдун из «Страшной мести», задушивший все живое в России и окруживший всех «мертвыми душами». Розанова ужасает тот тип русского, который вывел писатель в своих произведениях: «...низкие поползновения, подлые аппетиты его, уровень душонки человеческой. Правда, что он “клеветник”, как дьявол...»⁴⁸⁹ Творчество его – это не просто литературные произведения, это ответ на вечно мучающий всех вопрос: что есть Россия? Розанов находит ответ в поэме «Мертвые души», и этот ответ повергает его в отчаяние: «Какая же судьба около Чичикова?» – Гоголь создал карикатуру России, превратив в анекдот русскую действительность.

Едва ли не больше всего в Гоголе Розанова раздражает смех. Надо заметить, что Розанов своеобразно относится к этой категории. Смех для него не просто воплощение отрицания всего для него дорогого, но мистическое олицетворение другого мира. Смех для Розанова – неотъемлемая часть сатанизма. В отличие от персонажей Гоголя (колдун из «Страшной мести») и Достоевского (Ставрогин в «Бесах») у публициста нет страха смеха, он лишь отрицает его как одну из частей Зла. «Ни разу в жизни я не смеялся. В душе»⁴⁹⁰, – признается сам Розанов. Столь категоричное признание Розанова вызывает недоумение, слишком саркастичен бывал Розанов со своими оппонентами, но в данном вопросе смех становится для него некой метафизической категорией. Смех для него проявление самого низменного, что есть в человеческой душе, а сатира, по его словам, «происходит из ада и преисподней, да и вообще, кто же делает из смеха содержание своей жизни?»⁴⁹¹. Надо заметить, что отнюдь не смех был содержанием гоголевской жизни. Так же, как Розанова ужасает смех, Гоголя ужасала роль сатирика земли русской, навязанная ему революционно-демократической критикой. Писатель видел для себя иное предназначение в нравственном подвиге и молитве. Столь отрицательно относясь к смеху, Розанов видит в Гоголе воплощение ада. Он не верит писателю, считая последние его произведения очередной насмешкой. Гоголь от Сатаны, уверен Розанов. И если Мережковский в своей работе «Гоголь и Черт» доказывает, что писатель всю жизнь боролся с Чертом, то Розанов придерживается противоположно-

⁴⁸⁹ *Розанов В.В.* Мимолетное. 1914. С. 220.

⁴⁹⁰ Там же. 1915. С. 457.

⁴⁹¹ Там же. 1914. С. 283.

го мнения. «В нем был легион бесов», – перефразирует Розанов Евангелие от Луки (VIII: 27–36), давая определение писателю. Сомнение вызывает у мыслителя и его религиозность.

Болезненно-мнительный Гоголь, испытывая страх смерти, искал успокоения в христианстве. Розанов же убежден, что причина душевных терзаний писателя в метаниях между язычеством и христианством, в страхе перед религией. Розанов верно подметил, что Гоголь шел к религии через страх, а не через любовь. Но публицист не верит в нравственное перерождение, видя в этом лицемерии Гоголя, потому что тот – «демон, хватающийся боязливо за крест»⁴⁹².

Где только не ищет Розанов разгадку Гоголя, обвиняя его даже, правда гипотетически, в некрофилии. Половой вопрос является одним из самых важных для мыслителя. Гоголь, не знавший плотской любви, живописует в своих произведениях молоденьких и хорошеньких мертвых женщин. Розанов предполагает: «...половая тайна Гоголя находилась где-то тут...»⁴⁹³ Затем он задается вопросом, чем же ему все-таки одолеть Гоголя, и отвечает, шокируя читателя: «Чем же я одолел Гоголя (чувствую)? Фаллизмом. Только. Ведь он совсем без фалла»⁴⁹⁴. Розанов резко критиковал христианство за аскетизм и безбрачие. Как известно, его некоторые работы на эту тему были запрещены Святейшим синодом. Воспринимая Гоголя как посланника Тьмы, сеющего разложение и смерть, он попробовал противопоставить ему жизнь, ведь «у Гоголя поразительное отсутствие родников жизни – и “все умерло”»⁴⁹⁵. Увы, и это было тщетно. Подобное кощунственное предположение не остудило пыла ненависти, который охватывал Розанова при оценке Гоголя.

Попытка выявить основу гоголевского демонизма в творчестве привела мыслителя к выводу о специфике душевного состояния художника. Ссылаясь на Платона в статье «Отчего не удался памятник Гоголю?» (1909), Розанов предполагает наличие безумия у некоторых выдающихся людей, приводящего их к глубоким откровениям в жизни. Гоголь, по его мнению, обладал этим метафизическим качеством. В нем с детства «жило, росло и развивалось это гениальное, особенное, исключительное безумие,

⁴⁹² *Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 1-й. С. 273.

⁴⁹³ Там же. С. 417.

⁴⁹⁴ *Розанов В.В.* Мимолетное. 1915. С. 119.

⁴⁹⁵ Там же. С. 114.

которое перед концом всем овладело, разлилось “вовсю”...»⁴⁹⁶ Это безумие трансформировалось в его душе в метафизическую тоску, которая и определила специфические черты его творчества. Он лишил Россию всего величественного и монументального, считает Розанов, потому что все поверили в ирреальный, извращающий действительность мир Гоголя, как в единственно-верный, и никто не смог противостоять этому. «Тайна Гоголя, как-то связанная с его “безумием”, заключается в совершенной неодолимости всего, что он говорил; в унижительном направлении, мнущем, раздавливающим, дробящем»⁴⁹⁷. Только один Розанов понял это и поднялся на борьбу с Гоголем против его наветов на Россию.

Обличая Гоголя, Розанов отдает должное магическому слову писателя. Он считает, что художественное своеобразие Гоголя настолько велико и сильно, «что невозможно забыть ничего из сказанного Гоголем, даже мелочей, даже ненужного. Такою мощью слова никто другой не обладал»⁴⁹⁸. Обладая изумительной живописностью слова, писатель, по мнению Розанова, сумел исказить реальность и внушить своему читателю, что это и есть правда. Сила гоголевского текста настолько велика, что остается навсегда в памяти. Но так же, как за зловещими карикатурами Гоголя нет ничего живого, мертво и его слово, убежден Розанов: «...и где бы мы ни открыли книгу, на какую бы смешную сцену ни попали, мы увидим всюду эту же мертвую ткань языка, в которую обернуты все выведенные фигуры. Как в свой общий саван»⁴⁹⁹. У Гоголя, продолжает Розанов, слово статично так же, как и его герои, его текст не развивается, он лишь лепит форму, в которой нет ощущений жизни. Болезненное воображение писателя творит «второй мир поверх действительного и к этому второму миру силится приспособить первый»⁵⁰⁰. Розанов обедняет и унижает не только творчество Гоголя, но и всю мировую литературу в целом. Творческий процесс неподвластен реальности, всегда иррационален и глубоко субъективен. Фантасмагории Гоголя, воплощенные в сугубо ему присущие гротескные формы, лишь подтверждают

⁴⁹⁶ *Розанов В.В.* Отчего не удался памятник Гоголю? // *Розанов В.В.* Мысли о литературе. С. 295–296.

⁴⁹⁷ Там же. С. 298.

⁴⁹⁸ *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 8.

⁴⁹⁹ *Розанов В.В.* О Гоголе. С. 139.

⁵⁰⁰ Там же. С. 137.

его гениальность. Однако Розанов «оставался пораженный какой-то странной эстетической слепотой по отношению к творчеству автора “Мертвых душ”»⁵⁰¹.

Пытаясь противостоять «клевете» Гоголя на Россию, Розанов даже апеллирует к Л. Толстому, которого тоже не очень чтит, поскольку тот развернул русскую литературу к идеалу, пытаясь увести ее от иронии и ядовитой сатиры. Но и это не возымело должного активного воздействия на русское общество, оно уже было безнадежно, как считал Розанов, отравлено произведениями Гоголя. После него, с горечью констатирует публицист, «мы потеряли спасение России. Потеряли. И до сих пор не находим его, и найдем ли – неведомо»⁵⁰². Розанов до конца дней своих считал Гоголя нигилистом и клеветником, самодовольным лжецом, обладающим дьявольской силой убеждения. Он писал чрезвычайно резко о художнике, не верил публицистике Гоголя так же, как и его нарочитой и неискренней религиозности. Розанов задавался вопросом: откуда эта беспредельная злоба у Гоголя? Этот же вопрос можно задать и самому публицисту. Неистовство шокирующих выводов, концептуальный эпатаж в адрес писателя носили устойчивый характер и не менялись на протяжении всего творческого пути, что является паразитическим для вечно меняющегося Розанова.

Но отрицание Гоголя – еще одна провокация публициста, ибо творчество писателя слишком сложно для столь однозначно трактования. Истеричные выпады Розанова скрывали то тяготение, которое испытывал он к Гоголю на онтологическом уровне. В мастерстве озорства и мистификации Гоголь был своеобразным предшественником Розанова. «О Гоголе у Розанова всегда выходит как-то “необыкновенно”, и тут есть какое-то тайное “средство душ”. Без гоголевской “абсолютности” Розанов дышит, однако, по-видимому, тем же воздухом “небытия”»⁵⁰³.

Революция 1917 г. отчасти оправдала Гоголя в глазах Розанова, но, увы, не разрешила новых противоречий, возникших по отношению к писателю. С одной стороны, Гоголь способствовал, по его мнению, 17-му году, с другой – Розанов отчетливо осознал его правоту. С горечью он понимает всю ненужность своей «защиты»

⁵⁰¹ *Ерофеев В.* Розанов против Гоголя // Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. М.: Советский писатель, 1990. С. 131.

⁵⁰² *Розанов В.В.* Мимолетное. 1915. С. 301.

⁵⁰³ *Перцов П.П.* Опавшие листья // Василий Розанов: Pro et contra. Кн. 2. С. 183.

России от писателя и принимает свое поражение: «Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя и в 62 года думаю: “Ты победил меня, ужасный хохол”»⁵⁰⁴. Именно Гоголь увидел первый «преисподнее содержание» русской души. Революционная действительность показала Розанову всю тщетность его жизненных устремлений и разбила его уверенность не только в столпах русской государственности, но и в русском народе, истинное лицо которого он мог наблюдать в Петрограде 17–18-го годов.

Злобные выпады Розанова носили глубоко личный характер. Субъективизм Розанова в анализе Гоголя достиг своего высшего проявления. Но публицист был одним из первых, кто посягнул на общепринятую интерпретацию гоголевского творчества, и в этом его несомненная заслуга перед писателем. «Сказанное В. Розановым определило не только целое направление литературоведческих изысканий о Гоголе, включая работы В. Брюсова и А. Белого, но и вообще характер восприятия творчества писателя в течение нескольких десятилетий»⁵⁰⁵.

И все-таки даже для Розанова, этого нигилиста и бунтовщика против общепризнанных имен классиков русской литературы, существовали имена, к которым он относился не просто с уважением, но и с преклонением. Сразу оговоримся, что их меньше, чем других, и восприятие Розановым их творчества неразрывно связано с его внутренним видением и чувствованием жизни. Именно в этом кроется причина столь характерного для него полемического задора в анализе и выводах.

В 1899 г. Россия праздновала 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина, которое широко отмечалось в стране. Вся русская общественность откликнулась на это событие: не стал исключением и Розанов. Пушкин для него тоже был некой отправной жизненной точкой в творчестве и философском осмыслении мира. Идея духовного универсализма, воплощенная в наследии поэта, его почти религиозное чувство жизни – все это было у Розанова. «Пушкин метафизически близок Розанову»⁵⁰⁶.

Кн. П.А. Вяземский называл Пушкина Протеем. Немецкий исследователь Г. Штаммлер так же называет Розанова в своем предисловии «Черты и стиль протеического человека» к русскому

⁵⁰⁴ Розанов В.В. – Струве П.Б., февраль 1918, Сергиев Посад // Розанов В.В. О себе и жизни своей. С. 680.

⁵⁰⁵ *Мани Ю.В.* Поэтика Гоголя. М., 1978. С. 391.

⁵⁰⁶ *Ерофеев В.В.* Разноцветная мозаика розановской мысли. С. 28.

изданию сочинений мыслителя «Избранное», вышедших в издательстве А. Нейманиса в 1970 г. Подобное совпадение неслучайно. Многоликость, способность говорить поэтически обо всем, видение мира и знание форм человеческой жизни, выраженные, безусловно, по-иному, присутствовали и у Розанова. Мыслитель с его «разноцветной душой», как выразился Горький⁵⁰⁷, за свою творческую жизнь перевоплощался бесчисленное количество раз, был настолько неисчерпаемо многолик, что сравнение его с этим мифологическим героем нам представляется особенно удачным. К тому же Протею свойственна не только многообразность, ему также присуща глубина, в которой нельзя отказать ни Пушкину, ни Розанову.

Для Розанова в поэте особенно важно мистическое отношение к жизни, его пантеизм: «Он – все-божник, т. е. идеал его дрожал на каждом листочке Божьего творенья»⁵⁰⁸. Надо заметить, что при всем своеобразии пантеизма самого Розанова (слияние Бога с Полем), истоки его теории кроются в отношении мыслителя к жизни. Розанов, «религиозное чувство жизни которого с непосредственной силой передает язычески-эротический момент»⁵⁰⁹, опосредованно близок Пушкину в упоении жизнью и силой любви. Розанов убежден, что поэзия Пушкина есть гимн жизни и в этом ее мощь и сила. «Можно Пушкиным питаться и можно пропитаться им всю жизнь»⁵¹⁰.

Говоря о значении поэта для России, Розанов высказывает крамольную мысль. Он не считает Пушкина истоком русской словесности. Мыслитель рассматривает Пушкина как единичное явление на небосклоне русской культуры. Красочность его поэтической кисти, жизнелюбие, «всемирная вдумчивость», «необозримое в поэзии много-божие»⁵¹¹ – все эти черты присущи лишь ему и не имеют аналогов в творчестве последующих литераторов. У Пушкина нет продолжателей. На взгляд Розанова, поэт весь обращен в прошлое, а не в будущее. Универсальное изящество его

⁵⁰⁷ Горький А.М. – Розанову В.В., конец 1911 – начало 1912, Капри // Контекст. С. 305.

⁵⁰⁸ *Розанов В.В.* О Пушкинской академии // Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 232.

⁵⁰⁹ *Франк С.Л.* Русское мировоззрение // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 498.

⁵¹⁰ *Розанов В.В.* О Пушкинской академии. С. 233.

⁵¹¹ Там же. С. 236–237.

поэзии – это гениальная трансформация предыдущего в литературе. Пушкин был «эхо», по словам Розанова.

Розанов считает, что поэт не начинает, а заканчивает своим творчеством целую эпоху от правления Петра I. «Пушкин не имел вообще лично и оригинально возникавшего в нем нового; но все, ранее его бывшее, в нем поднялось до непревосходимой красоты выражения, до совершенной глубины и, вместе, прозрачности и тихости сознания»⁵¹². В его творчестве нет ничего трансцендентного, в нем нет тех мучительных стихий, которые преодолевали писатели другого плана. У Пушкина нет той апологетики страдания, которая была в целом присуща русской литературе. Обращая внимание на жизнелюбие поэта, Розанов считает, что в его творчестве нет трагических изломов и тех разгулов страстей, которые он наблюдает в героях Достоевского. Даже у Толстого нет того покоя и тишины, которые берутся Розановым за основу в творчестве Пушкина. Эта идея Розанова о простоте и гармонии героев Пушкина противоречива. Достаточно обратиться к «Маленьким трагедиям» или «Пиковой даме», чтобы опровергнуть розановский вывод. Однако утверждение мыслителя об уникальности пушкинского дара, заключающегося в отсутствии «пифизма» (Розанов вводит этот термин как определение качества мира, космоса), оригинально и очень спорно (идея, вызвавшая наиболее резкие выпады В. Соловьева в адрес Розанова).

Своеобразно Розанов относится к проблеме смерти в творчестве поэта. Розанов считает, что у поэта нет ничего таинственного и мистического, у него нет ощущения «дыхания Божьего», около могилы играет новая жизнь, а сам лирический герой не живет более. У него, как пишет Розанов, «осеннее чувство – ощущение и концепция осени, почти зимы»⁵¹³, физиологическое, материальное умирание, исчезновение. Пушкин не приближался к этой тайне, хотя у него и есть отдельные поэтические строки, как считает Розанов, оглушительно великие на эту тему. Все-таки для публициста поэт прежде всего певец жизни и любви, нежели смерти и страдания. «Можно сказать – мир стал лучше после Пушкина»⁵¹⁴, считает Розанов, и в этом для него заключена нравственная заслуга поэта.

⁵¹² *Розанов В.В.* Вечно печальная дуэль // Новое время. 1898. 24 марта. № 7928.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ *Розанов В.В.* Заметка о Пушкине // Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 245.

Трагическая смерть Пушкина вызывала дискуссии еще во времена, непосредственно следовавшие за его гибелью. Обстоятельства роковой дуэли Пушкина продолжали волновать русское общество и в конце XIX в. Статья В. Соловьева «Судьба Пушкина» (1897, впервые в «Вестнике Европы»), посвященная этой проблеме, была неоднозначно воспринята в русском обществе и вызвала ряд серьезных возражений. Одним из наиболее резких оппонентов философа стал Василий Розанов.

Статья явилась программным изложением нравственной концепции В. Соловьева в антиномии мораль–творчество. Основной тезис работы заключался в том, что гениальность обязывает к определенной нравственной роли, которую Пушкин не выполнил в силу своих низменных человеческих качеств, и поэтому так «сообразно своей собственной воле окончил свое земное поприще»⁵¹⁵. Поэт был раздвоен, по мнению В. Соловьева, между творчеством и жизнью, отсюда – поразительная для великого художника фальшь и ложь в мирской жизни, которая и довела его до злобной обиды на Дантеса и светское общество. Пушкин так и не смог подняться на ту высоту, «где неуязвимость гения сливалась с незлобием христианина»⁵¹⁶. Далее Соловьев делает ошеломляющий вывод, совсем в духе Розанова: «Пушкин убит не пулею Геккерена, а своим собственным выстрелом в Геккерена»⁵¹⁷. Для философа, в тот период работавшего над трактатом «Оправдание Добра», который стал делом всей его жизни, обоснованно и вполне закономерно подобное видение судьбы Пушкина. Решая проблемы нравственного абсолюта, Соловьев неслучайно обращается к имени величайшего русского поэта. Он слишком теоретизирует, пытаясь оградить идею нравственной чистоты художника от реалий действительности, сметающей умозрительные схемы. Размышляя над нравственной дилеммой поэта, философ умышленно снижает его образ, не обращая внимания на историю его жизни, игнорируя реальную судьбу Пушкина. Мы полагаем, что статья Соловьева – это попытка интуитивного, априорного понимания личности гения, звучащая в контексте следующих работ философа оправданием самому себе.

⁵¹⁵ *Соловьев В.С.* Судьба Пушкина // *Соловьев В.С.* Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 181.

⁵¹⁶ Там же. С. 197.

⁵¹⁷ Там же. С. 198.

Возражая философу в статье «Христианство пассивно или активно», Розанов глубоко проанализировал его статью, критикуя прежде всего идею пассивного христианства, лежащую в основе интерпретации Соловьевым судьбы Пушкина. Для Розанова подобный взгляд на поэта не только неприемлем, но и сама постановка нравственной коллизии, разрешаемой философом, ошибочна, ибо, в сущности, это – «чудовищный эгоизм, неслыханный холод отношений... да оглянемся же: все это – вокруг нас, это и есть зрелище обледенелой, в сущности, христианской цивилизации»⁵¹⁸. Розанов возражает Соловьеву, обвиняя его в непонимании христианства и, как следствие, в неверной оценке пушкинской смерти. Философ осуждает поэта за его активную позицию, но, по убеждению Розанова, Пушкин «защищал ближайшее отечество свое – свой кров, свою семью, жену свою; все это защищал в “чести”, как и воин отстаивает не всегда существование, но часто только “честь”, доброе имя, правую гордость своего отечества»⁵¹⁹, и это нисколько не противоречит позиции активного христианства. Мыслитель не согласен с утверждениями о лжи и фальши Пушкина. Однако для Розанова существовала только внешняя сторона позиции Соловьева, он воспринял его текст слишком буквально, не задумываясь над его антиномиями и подтекстом. Личное отношение Розанова к Соловьеву в данном случае помешало ему объективно и глубоко возразить своему оппоненту.

Отмечая 100-летие со дня рождения поэта, журнал «Мир искусства» выпустил пушкинский номер (1899. № 13–14), который вызвал отрицательную реакцию в русском обществе. Особенно резкую характеристику этому изданию дал Соловьев, обрушив на него саркастический поток своих замечаний. Розанов со статьей «Заметка о Пушкине» стал первым в ряду критикуемых авторов. «В заметке г. Розанова, увенчанной изображением дракона с вытянутым жалом, Пушкин объявлен поэтом бессодержательным, ненужным для нас и ничего более нам не говорящим...»⁵²⁰ Философ намеренно искажает главную идею Розанова. Иронизирует он и над поэтическим сопоставлением Розановым звездной ночи, в которую Пушкин якобы играл в карты, а Лермонтов, возможно,

⁵¹⁸ *Розанов В.В.* Христианство пассивно или активно // Новое время. 1897. 28 нояб. № 7784.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ *Соловьев В.С.* Особое чествование Пушкина // Соловьев В.С. Литературная критика. С. 214.

написал одну из самых знаменитых своих строк: «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу...» Философ считает это не очень достойным уважаемого автора домыслом. В статье, по мнению Соловьева, конечно, ничего нельзя узнать ни о Пушкине, ни о других писателях. «Излияния г. Розанова дают достаточное понятие лишь об одном писателе – о нем самом». Осуждая мыслителя за излишнее увлечение «пифизмом», Соловьев полагает, что Розанов не доказал наличие этого метафизического качества ни у кого из писателей, «зато себя он обнаружил вполне как литературного “оргиаста”, “пифика”, корибанта, а проще – юродствующего»⁵²¹. Так впервые именно Соловьев дал определение Розанову, которое впоследствии с большим энтузиазмом возьмут на вооружение его недоброжелатели. «Пушкинская» полемика нарушит и без того хрупкий мир во взаимоотношениях Розанова с Соловьевым. На этом не закончится спор мыслителей. Розанов еще раз вернется к статье философа о причинах гибели Пушкина в своей заметке «Еще раз о смерти Пушкина»⁵²².

Называя смешной статью Соловьева, Розанов предлагает и обосновывает свою гипотезу гибели поэта. Она строится на розановской теории мистического единства души в истинном браке, в «святой семье», которую так и не образовал Пушкин с Натальей Гончаровой. Между ними не было той общей тайны, которая превращает двоих в одно, считал Розанов: «Пушкин был виновен перед Гончаровой и потому, что не понял необходимость глубокого индивидуализма семьи, без чего она есть квартира, но не есть “дом” в лучах религии и поэзии. “Святой дом” – вот чего до очевидности ясно не выходило у них»⁵²³. Поэт, по мнению Розанова, так и не понял, что Пол – не функция, но «мистическое лицо в нас второго, ноуменального порядка»⁵²⁴. Ошибка эта была роковой для него, она привела его к гибели. Версия обосновывается Розановым в его оригинальной теории брака. Подобное мнение является лишь гипотезой – под стать идее Соловьева. Вывод Розанова лишний раз подчеркивает своеобразие его мысли и неординарность суждения. Было и еще одно важное различие в подходе к данному вопросу Соловьева и Розанова. По мнению Розанова,

⁵²¹ Там же. С. 219.

⁵²² Впервые опубликовано: Мир искусства. 1900. Т. 3. № 7–8.

⁵²³ *Розанов В.В.* Еще о смерти Пушкина // *Розанов В.В.* Мысли о литературе. С. 260.

⁵²⁴ Там же.

философ упрекает Пушкина с позиции аскета и фарисействует. Он с противоположной точки зрения доказывает свою правоту. Для Розанова, увлеченного в тот период творчества идеей святости Пола и критикой христианства, неприемлема подобная точка зрения на Пушкина. Размышления Розанова постоянно развиваются, логически обоснованные контрастностью его утверждений. Начиная с семейной драмы Пушкина, он заканчивает отрицанием аскетизма у Соловьева.

Пушкин для Розанова был идеалом и воплощением русской идеи. Поэт «может быть духовным родителем России»⁵²⁵, его значимость, по мнению публициста, абсолютна для каждого русского. Поэт – олицетворение нравственного совершенства, в его творчестве нет ни одной строки презрения к человеку. Только Пушкин, по предположению Розанова, мог бы противостоять сегодняшней пошлости в литературе и печати, и потому он обращается к русскому обществу: «К Пушкину, господа! – К Пушкину снова»⁵²⁶.

Несмотря на столь горячий призыв, Розанов по-прежнему убежден, что вся русская литература последовала не за Пушкиным, а за другим великим поэтом. Именно ему и отводит он роль основоположника русской литературы. «В Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, обще-духовной жизни, а не был сломлен хотя бы и огромный, но только побочный сук»⁵²⁷.

В поэте присутствовала некая тревога, сомнение, то настроение, которое, развиваясь, стало основным в литературе. По мнению Розанова, в творчестве Лермонтова затронуты темы, характерные для творчества Достоевского, Толстого, Гоголя. Он открыл новую страницу в познании души человеческой и возвысил ее переживания до космогонических, обладая властью «заклинать стихии чувств», по словам Розанова. Идея сверхчеловека, разрушающая расхожие определения романтического героя, интуитивно была намечена Лермонтовым. Ему были открыты миры иные, убежден публицист. Неслучайно Мережковский считал, что Лермонтов был первым русским поэтом, метафизически поставившим вопрос о Зле. Гений Пушкина светел, в отличие от гения Лермонтова.

Задумываясь над тайной самого поэта, Розанов полагает, что ее нужно искать в его тяготении к демонизму, и проводит

⁵²⁵ *Розанов В.В.* Возврат к Пушкину // Новое время. 1912. 29 янв. № 12889.

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ *Розанов В.В.* Вечно печальная дуэль.

параллель с Гоголем. Априорное познание потусторонних сил и апеллирование к ним в творчестве в равной степени были свойственны обоим литераторам. Различие же между ними Розанов видит в векторной направленности творческих задач и устремлений. Это «высшая и низшая точки круга небесного»⁵²⁸. Лермонтов, в отличие от Гоголя, весь устремлен ввысь, его Зло носит абстрактный, философский характер, оно загадочно и романтично-привлекательно, ему можно противостоять. Все же усилия победить Гоголя тщетны.

По мнению Розанова, Лермонтов «непостижим и заоблачен»⁵²⁹, в нем Розанов видит Тайну. Публицист убежден, что краткость его жизни навсегда скрыла истину его гения. «Мотив биографии и истории как науки – разгадка загадок»⁵³⁰. Мотив внутренних терзаний Демона в поэме Лермонтова биографичен, полагает Розанов. Множество воспоминаний современников о Лермонтове подтверждают странность его поведения и поступков. Любимый герой был автопортретом, а видение сверхъестественного было необыкновенно развито в характере поэта. «Звездное и царственное... подлинное стихийное, “лешее начало” – этого нельзя у него оспорить. Тут он знал больше нас, тут он владел большим, чем мы, и это есть просто факт его биографии и личности»⁵³¹. Надо заметить, что в отличие от Соловьева Розанов считает, что демонизм поэта носит философски-абстрактный характер, благодаря особому, Богом данному ему видению мира. Философ же убежден в личностном безнравственном начале Лермонтова, он так и определяет его «демоном нечистоты» в статье «Лермонтов». Соловьев, как всегда, не отступает от выдвинутой им идеи индивидуального морального постулата, имеющего решающее значение для его понятия нравственного абсолюта. Не отделяя личности от творчества, он прежде всего дает нравственную оценку поэту. Розанов менее категоричен в вопросах морали, чем Соловьев. Его больше интересует постоянно меняющаяся канва человеческих отношений в зависимости от эстетики ситуации. Лермонтов для него является мистическим контрапунктом, в котором Зло пытается примириться с Добром, и в этом он видит необыкновенную духовную силу поэта.

⁵²⁸ *Розанов В.В.* Вечно печальная дуэль.

⁵²⁹ *Розанов В.В.* Мимолетное. 1914. С. 283.

⁵³⁰ *Розанов В.В.* М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) // Новое время. 1901. 15 июля. № 9109.

⁵³¹ Там же.

Характеризуя особенности творчества Лермонтова, Розанов отмечает необыкновенную художественную живописность. У поэта было мистическое чувство природы. В его произведениях можно встретить столь красочные и яркие описания пейзажей, что возникает ощущение, будто он охватывает строкой вселенную, горизонт, страну. Розанов одним из первых писал об экзистенциальности поэзии Лермонтова. Картины природы у него импрессионистичны и созвучны внутреннему состоянию души. В них Розанов слышит дыхание жизни. Неслучайно, цитируя Лермонтова, публицист проводит параллель с Кирилловым – выразителем экзистенциальной идеи в романе Достоевского «Бесы». Мыслитель убежден, что дар Лермонтова необычен и что он сильнее пушкинского. Молодость поэта является лишь подтверждением идей Розанова. «В пеленках “архиерей”, с пеленок “уже помазанный”. Чудный дар. Чудное явление»⁵³². Ставя Лермонтова выше Пушкина, Розанов отнюдь не умаляет значения величайшего поэта России. Пушкин для него был воплощением гармонии, но определил путь русской словесности Лермонтов. Как всегда, корректив сомнения лежит в основе розановского тезиса. Пушкин для него – единичное явление в русской литературе, Лермонтов чуть ли не типологическое. Используя контрастные сравнения в подтверждение своей идеи, Розанов доказывает свою правоту: Пушкин – поэт мирового лада, у Лермонтова – мир «вскочил и убежал»; «Пушкину и в тюрьме было бы хорошо. Лермонтову и в раю было бы скверно»⁵³³. Розанов глубоко прочувствовал и охарактеризовал трагический излом в характере личности, который был лишь намечен у Лермонтова, а впоследствии стал главной психологической чертой у многих литературных героев второй половины XIX в. Раннюю трагическую гибель поэта Розанов считал невосполнимой: «Час смерти Лермонтова – сиротство России»⁵³⁴.

Тональность розановских статей о Пушкине и Лермонтове кардинально отличается от обличительной, а порой и ругательной интонации в заметках о «нелюбимых» писателях. Но им по-прежнему нельзя отказать в своеобразии и оригинальности. «Была какая-то волнующая парадоксальность в его статьях. Ко всему, что

⁵³² Розанов В.В. Мимолетное. 1914. С. 301.

⁵³³ Розанов В. Пушкин и Лермонтов // Новое время. 1914. 9 окт. № 13857.

⁵³⁴ Розанов В.В. О Лермонтове // Там же. 1916. 18 июня. № 14499.

интересовало его, он умел подойти как-то необыкновенно оригинально с той стороны, какая была в тени, не резала ничей глаз. И так было всегда, пытался ли он осветить судьбу Лермонтова или хотел наметить историческую литературную грань от Пушкина или Гоголя...»⁵³⁵

Розанов писал о русской литературе XIX в. всю жизнь. Все его творчество – это беспримерная в русской культуре борьба против идей и образов писателей и поэтов определенного направления. Розанов проиграл свое дело. Несвоевременные слова правды, в которых он упрекал Радищева и Новикова, в XX в. были подхвачены и продолжены их преемниками. В последнем своем произведении «Апокалипсис нашего времени» мыслитель горестно констатировал факт гибели России. Долгим был путь Розанова в попытке доказать читателю истину, убедить в губительности увлечений сатирой и нигилизмом, который, по мнению Розанова, неизбежно ей сопутствовал. «По содержанию литература русская есть такая мерзость, такая мерзость бесстыдства и наглости, – как ни единая литература»⁵³⁶. Весь парадокс данного утверждения заключается в том, что сам Розанов принадлежал к литературе и как писатель вырос из нее. Корни такого явления в русской культуре, как Розанов, следует искать именно там и среди тех, кого так неистово обличал в своих статьях и книгах самый странный сотрудник «Нового времени».

В данной главе анализируются статьи Розанова о русской литературе в газете «Новое время» и других изданиях («Весы», «Мир искусства», «Московские ведомости», «Золотое руно», «Русское слово», «Русский вестник», «Русское обозрение» и др.). Частично они вошли в книгу Розанова «О писателях и писательствах», не изданную при жизни автора. В работе впервые используются статьи Розанова, не вошедшие в этот сборник и опубликованные только в газете «Новое время».

Журналистика обуславливает специфичность творческого наследия Розанова. «Газетная обстановка и сутолока – родная среда Розанова, в которой он возрос и созрел как писатель»⁵³⁷.

⁵³⁵ *Измайлов А.А.* Вифлеем или Голгофа? // Василий Розанов: Pro et contra. Кн. 2. С. 85.

⁵³⁶ *Розанов В.* Избранное. Мюнхен: Найманис, 1970. С. 447.

⁵³⁷ *Синяевский А.* «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. С. 137.

В основном статьи Розанова писались для ежедневной газеты. Мы отмечаем их злободневность, актуальность, непосредственную связь с действительностью. Как правило, они были посвящены юбилею, дате рождения или смерти, выходу очередного издания произведений. Иногда это были репортажи с места события – такие, как открытие памятника Гоголю или поездка в Ясную поляну (хотя считать ее репортажем мы можем лишь условно, ибо она состоялась в 1903 г., а статья была опубликована в 1908 г.). Поводом для дискуссии могла послужить и статья на спорную тему оппонентов Розанова.

Эстетическая злободневность – главное, что отличает статьи Розанова. Довольно сложно считать эти статьи на литературные темы чисто критическими. Как правило, в них нет литературного разбора в филологическом смысле этого слова. Обращает на себя внимание другое – сочетание публицистического пафоса автора с философскими размышлениями. Сам Розанов писал: «Но ведь в России под критикой всегда разумеется “черт знает что”. Разумелось – “решительно все”»⁵³⁸. Анализируя его статьи, можно говорить об уникальности странного жанра, созданного впервые в русской журналистике Розановым: философско-литературное эссе с элементами газетного фельетона и репортажа, хотя возможно, что и подобное определение будет не совсем точным. По верному замечанию П.Б. Струве, он создал «новый вид художественно-конкретной публицистики, в которой мысль, философская или политическая, всецело оставалась с образами действительности, и исторической и повседневной»⁵³⁹.

Отличительной чертой Розанова является его удивительная для читателя способность подачи материала. Автор строит свои статьи на парадоксе – на искренности, на грани литературного хулиганства. Его смелость в выводах, оригинальность трактовок и своеобразие мироощущения побуждают к критическому переосмыслению многих устоявшихся понятий. Консерватизм мыслителя не исчерпывает всей сложности его взаимоотношений с русской литературой. Розанову, безусловно, глубоко чужды обличительное и демократическое направления в литера-

⁵³⁸ *Розанов В.В.* Споры около имени Белинского // Новое время. 1914. 27 июля. № 13753.

⁵³⁹ *Струве П.Б.* Большой писатель с органическим пороком (Несколько слов о Розанове). С. 379.

туре. Но он также отвергает Л.Н. Толстого с Вл. Соловьевым, намеренно ниспровергая их с пьедесталов в русской культуре. Розанов провоцирует своего читателя невероятными рассуждениями, психологически просчитывая его реакцию и нарочито ее игнорируя. Неожиданность в его суждениях озадачивает, словно он специально покушается на дорогие для русской либеральной интеллигенции имена. В то же время мы не можем говорить о социальной заданности статей публициста. Розанов всегда предельно откровенен и выражает прежде всего собственное мнение, часто несовпадающее с общей идеологической ориентацией издания, в котором он работал. Славу публицисту принесла консервативная газета «Новое время»: Россия знала Розанова, а не В. Варварина из либерального «Русского слова». Розанов вступает со своим читателем в своеобразную игру, шокируя слишком субъективными оценками: «площадная душа Белинского» или «бесенок на плече у В. Соловьева». Его тексты – «это зона высокой провокационной активности»⁵⁴⁰, в которой он всегда противоречив и непоследователен. Лишь в одном постоянен Розанов – в личностном характере истины, и отсюда – небывалая смелость его обобщений.

Язык Розанова так же своеобразен, как и его идеи. Он сочетает поэтическую образность художественного текста, злободневность и актуальность публицистики вместе с вдумчивостью философского изложения. Особый колорит розановским текстам придает разговорная речь, которая, на наш взгляд, не снижает уровня статей, но, напротив, делает их живее и интереснее. «Розанов рассказывает, рассуждает, вспоминает, печалится, радуется, смеется, гневается, кричит, заявляя сегодня одно, завтра другое, – тут все оттенки чувств, как в подлинном разговоре, на улице, на базаре, на посиделках»⁵⁴¹.

Интересна и композиция материалов Розанова. Он часто начинает свои рассуждения издали, с совсем другого предмета, но это лишь кажущееся отступление. При всей алогичности изложения материала в статьях оно подчинено воле автора, выражаемой в основной идее. Так, статья «О благодущии Некрасова» начинается с подробного описания литературного обеда, статья «Литературные и политические афоризмы» – с глубокого раз-

⁵⁴⁰ *Ерофеев В.* В лабиринте проклятых вопросов. С. 105.

⁵⁴¹ *Фатеев В.А.* В.В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. С. 162–163.

мышления о поэтическом мироощущении писателя. Розанов пользуется подобным приемом «отвлечения» читателя как наживкой, ибо, как правило, за этим следует либо яркая и острая мысль, либо неожиданное наблюдение.

Несмотря на это, Суворин довольно часто упрекал его в излишней теоретической загруженности и сложности повествования, напоминая, что газетный фельетон – жанр весьма специфический.

Работая в консервативном издании, Розанов, бесспорно, идеологически следовал его направлению. В данном вопросе вряд ли можно упрекать публициста в беспринципности. Розанов, начав свою литературную деятельность в 1891 г. статьей «Три момента в развитии современной критики», ни разу не отступил от выработанного им взгляда на русскую литературу в целом и на русских писателей в частности. Он всегда доверял своей интуиции, внутреннему чутью. Это, пожалуй, единственное, о чем в его творчестве можно говорить с определенной долей убежденности. Однако мы не можем утверждать, что у Розанова есть ясная литературно-критическая концепция или система критических взглядов. Всю жизнь занимавшийся проблемами литературы, критиком Розанов так и не стал. На протяжении своего творческого пути Розанов так и не смог вписаться ни в одну из общепринятых норм. Мы позволим себе говорить лишь о тех или иных тенденциях в его воззрениях. У Розанова был только один кумир в литературе – Ф.М. Достоевский, магнетическое тяготение к которому он испытывал всю жизнь. «Никто русскому человеку не дал столько «положительных, добрых заповедей жизни»⁵⁴². Его взгляд на творчество всех остальных классиков – не исключая даже Пушкина – был весьма своеобразен.

Розанов убежден, что быть консерваторм в России гораздо тяжелее, чем прогрессистом, и поэтому обличительная литература всегда имела больше преимуществ, чем любая другая. Сердцу и перу Розанова гораздо ближе иная литература – «Литературные изгнанники», как он впоследствии назвал свою книгу, посвященную творчеству таких деятелей культуры, как Н.Н. Страхов, Ю.Н. Говоруха-Отрок. Они, по мнению Розанова, были непоняты и недооценены обществом и литературой.

⁵⁴² *Розанов В.В.* Белинский и Достоевский // Новое время. 1914. 8 июля. № 13764.

«Я отрицал, собственно, не очень много: Кантемира, Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, вторую половину Толстого и всех “писателей 60-х годов” с судебной реформой. Что же я отрицаю собственно? Непонимание России и отрицание России»⁵⁴³. Такой вывод сделал Розанов, размышляя над своим отношением к литературе.

Смена века ко многому обязывала. Розанов предчувствовал грядущие перемены в России, поэтому его обращение к XIX в. было неслучайным. Трагическому мироощущению его последних книг предшествовала горечь осознания тщетности и суетности своего бытия в мире. Почву для подобного видения так же, как и начало той катастрофы, очевидцем которой стал Розанов, идеологически подготовила русская литература. Попытка Розанова доказать отрицание России в русской литературе увенчалась успехом лишь отчасти. История доказала обратное: минус на минус в этом случае не дал положительного результата. Подтвердилось самое худшее, чего Розанов не ожидал, но воспринял с глубоким достоинством. Начиная свою творческую деятельность в издании Суворина, Розанов в одном из писем к нему признался: «Русскую литературу, при всех ее “текущих недостатках”, я очень люблю... “гг. литераторы” не в ризах, а в сущности священники»⁵⁴⁴.

Свидетель Апокалипсиса

В августе 1917 г. Розанов печатает последнюю статью в «Новом времени». В конце месяца он выезжает с семьей из своей последней квартиры в Петрограде. В городе нет хлеба, немецкие войска стоят уже на подступах, мечется Временное правительство. Разброд и шатания власти неумолимо приближают катастрофу, о которой все говорят, но никто в нее не верит и не принимает всерьез. Розанов не был исключением. Так, летом он вспоминает митрополита Филиппа, который, взглянув на Иоанна Грозного и опричников, сказал: «...не узнаю Царя Православного и не узнаю

⁵⁴³ Розанов В.В. Мимолетное. 1915. С. 395.

⁵⁴⁴ Розанов В.В. – Суворину А.С., 18 мая 1904 // Абрамович Д.С. Письма русских писателей А.С. Суворину. Л., 1927. С. 159–160.

русских людей», и далее пишет: «Нельзя не обратить внимания, что все мы, после начальных дней революции, как будто не узнаем лица ее...»⁵⁴⁵, и сетует, что у революции мало, на его взгляд, деятельности, она пассивна и нуждается в более предприимчивых людях, чем те, которые вокруг. «И мы почти желаем увеличения беспорядков. Чтобы, наконец, революция и революционное правительство кого-нибудь наказало и через то проявило лицо свое»⁵⁴⁶. Пройдет всего лишь полгода, и мыслитель увидит истинное лицо революции и, ужаснувшись наступившей реальности, опишет свои впечатления от происходящего в последней книге – «Апокалипсис нашего времени».

Но в момент переезда у него было лишь смутное тревожное предчувствие и странная печаль: много времени в предыдущем (1916) году он посвятил Египту и одной из главных тем своей жизни – плотской Любви, тайне Зачатия и Рождения. «Я так утомлен, что поневоле выскочишь в любовь»⁵⁴⁷. Обращение к Египту было неслучайно у Розанова. Именно в то время он находит подтверждения своей теории животворящего начала Эроса как единственного смысла бытия в древних, мистических откровениях. В тайне совокупления и культе Солнца видит Розанов истину предназначения человека. В страшные минуты катастрофы, разрушения нравственных ценностей и гибели того духовного мира, к которому он принадлежал, Розанов снова задумывается об обновлении мира, он черпает эту силу в культе Озириса. Только там, по мнению Розанова, в древнеегипетском царстве Любви и непосредственной близости к колыбели мировой истории, можно обрести то познание истины, к которому мыслитель стремился всю жизнь. Но этот неистовый гимн плоти с жизнеутверждающим фаллическим началом был для Розанова не только подтверждением его собственных идей о тайне жизни, он стал для него отправной точкой той последней борьбы, которую Розанов в конце своего земного пути завершал с христианством. Именно солнечный, яркий и недостижимый Египет стал для мыслителя последним аргументом в борьбе с гибнущей цивилизацией христианского мира. В момент гибели России, которую Розанов воспринимает как оплот всего православного мира, главные и страшные упреки он посылает Христу:

⁵⁴⁵ *Розанов В.В.* Революционная Обломовка // *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. С. 357.

⁵⁴⁶ Там же. С. 357–358.

⁵⁴⁷ *Розанов В.В.* Последние листья. М.: Республика, 2000. С. 51.

«Ты предал и нашу Россию, до такой степени тебя возлюбившую... И вот, настало ныне время и России, и народам оставить и тебя...»⁵⁴⁸

Парадоксально, что в Сергиевом Посаде – известном на всю Россию религиозном центре православия, почти святом городе, – Розанов начинает издавать свои самые богоборческие книги, которые можно рассматривать как единый антихристианский текст – последнее свидетельство смятения его духа в поисках понимания дискурса Апокалипсиса Настоящего. Глубокое внутреннее религиозное переживание трагедии гибели России, той неумолимой объективной реальности, в которой проживал свои последние годы мыслитель, заставило его переосмыслить свой бунт против христианства и вывести его на новый, онтологический уровень постижения этой борьбы. И само Время вместе обстоятельствами его быта и бытийности помогли ему в этом. «Нас постигло “небытие”»⁵⁴⁹. «Вихрь событий и – неподвижность. Все рушится, летит к черту и – нет Жизни...»⁵⁵⁰ – именно так напишет о том времени З. Гиппиус в своих дневниках.

Подобное мироощущение были близко и Розанову – для него тоже остановилось время, нарушился ход мирового бытия и мировой истории:

С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историей железный занавес.

– Представление окончилось.

Публика встала.

– Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось⁵⁵¹.

В этой метафоре «железного занавеса» над Россией для Розанова заложен трагический смысл разделения на мир прошлого и страшный мир настоящего – «время смерти»⁵⁵². И Розанов ставит диагноз происходящему: «Мы умираем от единственной и осно-

⁵⁴⁸ *Розанов В.В.* О поклонении Аписам у древних египтян // *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 296.

⁵⁴⁹ *Гиппиус З.* Черные тетради // *Гиппиус З.* Дневники. Т. 1. С. 163.

⁵⁵⁰ Там же. С. 607.

⁵⁵¹ *Розанов В.В.* La Divina Comedia // *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. С. 45.

⁵⁵² *Розанов В.В.* Как мы умираем // Там же. С. 8.

вательной причины неуважения себя»⁵⁵³. И первопричину этого чувства Розанов видит в русской литературе XIX в. демократического и сатирического направления, начиная с Грибоедова, Белинского и заканчивая Чернышевским.

Именно литература виновата в том, что русское общество погрязло в обличениях и насмешках над существующим мироустройством и человеком, что и привело к крушению всего. Литература, по мнению мыслителя, утратила свое назначение и превратилось в рекламу революции. Ведь почти в каждом произведении, считает Розанов, говорилось о бомбах, революционерах, нигилистах и отрицании существующего порядка. Это писатели расшатывали зыбкое общественное равновесие и все писали, писали о чем-то совершенном далеком и бесполезном для народа, так и не научив его, как жить. Они и стали первыми разрушителями России, как думал Розанов, и их произведения привели к гибели эпохи и страны. Больше всего в этом, на взгляд мыслителя, преуспел Гоголь и по многим причинам: Гоголя читали все. Это он научил всех дьявольски хохотать над Россией, и, главное: «Мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь и мертвые души только увидал он в ней»⁵⁵⁴. За Гоголем следует мрак и небытие, его творчество – это страшная бездна, поглощающая всего человека и вместо него предлагающая на всеобщее обозрение маски полулюдей. Его смех нарушает устоявшиеся связи, и все становится пародией на жизнь. Именно его перо, по мнению Розанова, разрушило основы естественного человеческого бытия, заменив его на инобытие комедийного фарса и сатиры. В результате: «Разошлись по мелочам. Прав этот бес Гоголь»⁵⁵⁵. Но Гоголь всегда был его оппонентом, получающим самые жестокие упреки и обвинения. В отличие от него Достоевский станет тем, у кого Розанов найдет подтверждение своим самым горьким размышлениям о происходящем в России.

По словам Розанова, Достоевский – апокалиптик в русской литературе со страшным и пугающим горизонтом зрения, который предсказал почти все из настоящих событий. Он – первый, кто бросил в общество «этот великий клич – тоску каторжника николаевских времен: “Проходит лик мира сего”. Это общее, это – многообещающее, это вообще неизмеримо культурнее, строже,

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ *Розанов В.В.* О Гоголе. С. 142.

⁵⁵⁵ *Розанов В.В.* Рассыпанное царство // *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. С. 6.

мистичнее, правильное, вернее»⁵⁵⁶, и описал этот Апокалипсис революционной действительности. Но для Розанова не менее важен еще один аспект в творчестве писателя – «неудавшееся христианство». Он считает, что Достоевский отвечает на вопрос о завтрашнем дне революции. «Между тем в содрогающейся формуле апокалиптики-Достоевского и содержится это “завтра” после “революции”. Что такое “неудавшееся христианство”? “Неудавшееся христианство” только и значит, что оно “было” и что теперь его “нет”... Достоевский незримо-неведомо и для себя начал третью эру, “апокалиптическую»⁵⁵⁷. Эту эру для себя начал и Розанов, в последний раз предъявляя христианству основные обвинения в произошедшем и происходящем.

Все умирает для Розанова, все переходит в другое состояние, и прежде всего вера: «Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть – и мы сбросили крест... Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно “в баню сходили и окатились новой водой”. Это совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар»⁵⁵⁸. А для Розанова наступал конец света. И христианство для него стало заниматься «пустяками», столько претензий у него к «религии смерти», а главное к Христу: Он не учил мирозданию, отвергал «дела плоти», отверг влюбленность в браке, обдал холодом мир в своей святости и аскетизме, а ведь «без грешного человек не проживет», не слышал вопиющих и не помог плачущим, устремил весь мир к страданию. Все обесмысливается у Розанова без Любви, но не той, к которой призывал Христос, а настоящей, солнечной вечной Любви, которая обожествляет Пол и деторождение. «Бесполо – значит без жизни. И нет христианства. Я все-таки не понимаю, как же его “выводят”, как же оно “нужно”. Оно и не нужно, и не выводимо...»⁵⁵⁹

И Розанов делает вывод: «Религия ужаса... Христианство и Бог несовместимы. О, оттого-то столько атеистов... Все в такой связи. Русские действительно глубже всех поняли Христа»⁵⁶⁰.

⁵⁵⁶ *Розанов В.В.* Апокалиптика русской литературы // Там же. С. 158.

⁵⁵⁷ Там же. С. 159–161.

⁵⁵⁸ *Розанов В.В.* Как мы умираем. С. 8.

⁵⁵⁹ *Розанов В.В.* Вечное Афродизианство // *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. С. 226.

⁵⁶⁰ *Розанов В.В.* Общая концепция // Там же. С. 194.

Так, по мнению Розанова, заканчивается история. Ибо Европа тоже в отчаянии и кризисе христианства. «В историю всемирную христианство вошло терпением. Колючим, безбожным, который и мог завершиться только нигилизмом и распадением жизни самой ткани ее»⁵⁶¹.

В своих горьких обвинениях Розанов с болью отмечает богооставленность не только в личном плане, но в рамках страны и Мира. Его богоборческие тексты пронизаны невыразимой болью в связи с его пониманием разрушения ценностей христианской цивилизации. Глубоко сочувствует Розанов человеку, преданному, как он считает, христианством. Именно на него он возлагает ответственность за происходящее, именно христианство обмануло ожидания и надежды человечества. Надо отметить, что Розанов был не единственным мыслителем, так воспринимающим реальные события своего времени. Н.А. Бердяев, проводивший в то время свою духовную борьбу против коммунизма, также возлагал ответственность за происходящее на христианство: «И более всего, может быть, ответственность лежит на историческом христианстве, на христианах, не исполнивших своего долга»⁵⁶².

Что же противопоставляет Розанов «лунному христианству»? Единственной надеждой для него становится Солнце, к которому он обращается как первоначалу всего и которое, в отличие от огня Христова, спасет Мир. Это почти языческое поклонение Солнцу приводит Розанова снова к теме Эроса и обожествления Пола.

Попробуйте распять Солнце.

И вы увидите, который Бог.

ОДНО то, что неприлично – одно это только и прекрасно, возвышенно, религиозно.

Все прочее – пусто и не представляет никакого интереса⁵⁶³.

Конечно, все претензии Розанова к христианству не сводятся только к кругу тем о Поле и Эросе. Мучимый острым чувством

⁵⁶¹ Там же. С. 199.

⁵⁶² *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: Междунар. отношения, 1990. С. 213.

⁵⁶³ *Розанов В.В.* Солнце // *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. С. 334.

эсхатологии Мира (это прежде всего было связано с разрушением и концом его России), переживаемым им в те годы, Розанов страдает от глубоких противоречий, которые он находит в мире христианства и Египта. И выбирает последний, спасаясь в иллюзии Тепла, Добра и Жизни от наступающего ужаса небытия, которое готовила ему реальность. Ведь бунт Розанова против христианства, несмотря на жесткость его богохульных суждений, лежит скорее в сфере трансцендентного. В реальной жизни, по словам Шестова, только один из всех русских писателей, Розанов, «умеет произносить имя Божье»⁵⁶⁴. Так, наблюдая Апокалипсис в окружающей жизни, в полном отчаянии и боли Розанов обращается именно к Христу, предъявляя ему последний счет, оплаченный неизмеримым страданием своего бытия и быта.

Уже в третьей книжке «Апокалипсиса нашего времени» Розанов, страдая от голода, описывает, как он вышел в Москве на вокзале, чтобы посмотреть, что едят. А в выпусках 7–8 он обратился к своему другу-читателю: «2–3 горсти муки, 2–3 горсти крупы, пять круто испеченных яиц может часто спасти день мой... Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мне брезжится в последних днях моих»⁵⁶⁵. Но, к сожалению, читателю было не до Розанова, который медленно угасал в Сергиевом Посаде. В тот период он тщетно посылал письма литераторам, знакомым и даже бывшим друзьям, разумно полагая, что стихия Апокалипсиса, этого Страшного суда над Россией, не минует никого и сплотит, хотя бы на время, оставшихся в живых былых идейных оппонентов. Так он помирился с С.П. Каблуковым, с которым был в ссоре со времен исключения из Религиозно-философского общества, и тепло поблагодарил его за присланный сахарин. Он пишет ему о страшном голоде и вшах, которые каждый вечер стряхивает его полупарализованная жена, о том, как он собирает окурки: «...я собираю окурки мокрые из-под дождя: из ста выходит папироска, коей я затягиваюсь до содрогания...»⁵⁶⁶, и о том, как подбирал замерзшие полусгнившие овощи на перроне (чуть раньше, когда были целыми, большевики не дали собрать). А уж обедал, кажется, по-настоящему во времена фараонов, и холод пронизывает до

⁵⁶⁴ *Адамович Г.* Комментарии // Адамович Г. Собр. соч.: В 18 т. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2016. Т. 14. С. 72.

⁵⁶⁵ *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. С. 44.

⁵⁶⁶ *Розанов В.В.* – Каблукову С.П., 31 октября 1918, Сергиев-Посад. Columbia Univ. Libraries. Bakhmeteff Archive. Gen Ms Coll Rozanov.

такой степени (нет возможности получить дрова), что вот готов с головой залезть в камин, не дающий желаемого тепла. Но детали этого страшного быта важны для Розанова не больше, чем комментарий. Зорко, со свойственной только ему жестокой откровенностью, он приводит частное к общему, подводя к горькому выводу свои размышления о России и русском народе: «Русская история, я думаю, проклята вообще. Русский народ вообще ничего не стоит. Мы все прокляты. У нас – никакого достоинства... Русские гнилой, гниlostный народ. Россия – могила»⁵⁶⁷. И добавляет в другом письме: «Больше всего провалился Достоевский с его “народом-богоносцем”. Народ оказался действительно вонюч и подл и форменный язычник. Здесь, в Лавре, образа сбрасывают со стен, и никто на эти действительно “ИДОЛЫ” не обращает внимания. Степень равнодушия к “вере отцов” до такой степени поразительна, русский оказался до такой степени даже не “вором”, а “воришкой”, “мелким жуликом” в истории и цивилизации, что – ужас»⁵⁶⁸.

И даже в этих частных письмах Розанов, пытаясь анализировать причины гибели России, в своих размышлениях обвиняет Христа, единственного виновника разразившейся над страной катастрофы. Самым важным для него становится идея разрушения личности, крах гуманистического представления о человеке, предложенного Новым Заветом, уничтожение незыблемых нравственных ценностей. Все это не спасает христианство, и умирающий писатель страстно обличает на страницах своей последней книги предательство Христа и обращается в своей единственной надежде на книгу Апокалипсиса, которая дает ему слабую веру на возможное обновление мира. Страшные пророчества Грядущего Суда над человеком Розанов принимает за плату во имя его спасения. И если христианство не помогло, то, быть может, преодоление Апокалипсиса приведет к спасению: «Апокалипсис требует, зовет и велит новую религию. Вот его суть»⁵⁶⁹.

Ужас небытия, открывшийся до основания Розанову в вихре революционных событий, привел его к невиданному отречению от христианства. И, конечно, это не было его реакцией на бытовую катастрофу, в результате которой он буквально умирал от нищеты

⁵⁶⁷ Розанов В.В. – Каблукову С.П., 4 ноября 1918, Сергиев-Посад.

⁵⁶⁸ Розанов В.В. – Каблукову С.П., сентябрь-октябрь 1918.

⁵⁶⁹ *Розанов В.В.* Последние времена // Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С. 13.

и голода. Так, П.А. Флоренский в известном письме М.И. Лутохину ставит под сомнение философскую природу богоборчества Розанова: «...если бы его приютил какой-либо монастырь, давал бы ему вволю махорки, сливок, сахару и пр., и пр., и, главное, щедро топил бы печи, то, я уверяю, В.В. с детской наивностью стал бы восхвалять не этот монастырь, а по свойственной ему необузданности обобщений, чисто детских индукций *ab exemplo ad omnia* – все монастыри вообще, их доброту, их человечность, христианский аскетизм и т. д. И воистину, он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали по проникновенности лирики»⁵⁷⁰.

В данном случае понятна попытка священника Флоренского по-своему оправдать и понять Розанова. Но бунт Розанова, несомненно, носил прежде всего метафизический характер с глубоким философским подтекстом. Это было его онтологическое разочарование в бытии, которое и привело к резкому антихристианскому умонастроению и публикации «Апокалипсиса нашего времени». И Розанов, подписывая свой жестокий приговор целой исторической эпохе, достойно принял всю тяжесть нравственной ответственности за свои размышления и выводы. Он прочувствовал главное в жутком конце своей России – начало Апокалипсиса не Грядущего, а Апокалипсиса Настоящего. И в этом новом мироустройстве не было ему места. «Кости Розанова, конечно, будут выброшены вон. “Разве они нужны России?”»⁵⁷¹

⁵⁷⁰ Флоренский П.А. – Лутохину М.И., 5–6 сентября 1918 // Василий Розанов: Pro et contra. Кн. 2. С. 317.

⁵⁷¹ Розанов В.В. Мимолетное. С. 23.

Библиография

Источники

Отдел рукописей РГБ. Фонд Розанова (Ф. 249).

Публикации В.В. Розанова в газете «Новое время» (1898–1916).

Публикации В.В. Розанова в др. изданиях: «Богословский вестник», «Весы», «Земщина», «Золотое руно», «Колокол», «Мир искусства», «Московский вестник», «Новый путь», «Русский вестник», «Русское обозрение», «Русское слово».

Белый А. Отцы и дети русского символизма // *Весы*. 1906. № 1.

Бердяев Н.А. Апофеоз русской лени // *Биржевые ведомости*. 1916. 28 июля. № 15690.

Бердяев Н.А. «Новое религиозное сознание» и общественность. СПб.: Изд-во Пирожкова М.В., 1907.

Буренин В.П. Критические очерки // *Новое время*. 1903. 25 апр.

Буренин В.П. Критические очерки // Там же. 1905. 6 мая.

Буренин В.П. Критические очерки. Разговор // Там же. 1908. 29 февр.

Буренин В.П. Ноги в перчатках, желудки, цепляющиеся за маски, и проч. // Там же. 1894. 29 июля.

Буренин В.П. О литературном юродстве и кликушестве // Там же. 1895. 29 июля.

Вольнский А. Фетишизм мелочей // *Биржевые ведомости*. 1916. 26, 27 янв.

Глинский Б.Б. Алексей Сергеевич Суворин: Биографический очерк Б.Б. Глинского. СПб., 1912. 189 с.

Гофштеттер И.А. Месье религиозно-философствующих бейлистов // *Новое время*. 1914. 22 янв.

Дернов А.А., прот. Брак или развод? По поводу статей г. Розанова о незаконных детях. Открытые призывы к бесформенному сожитию или, вернее, к половой разнузданности и сохранения святости брачного союза. СПб., 1901. 22 с.

Ежов Н.Е. Алексей Сергеевич Суворин: Мои думы, воспоминания и соображения о нем // *Ист. вестн.* 1915. № 1–3.

Библиография

- Кольшико И.И.* Разгром // Петербург. газ. 1914. 30 янв.
- Меньшиков М.О.* О гробе и колыбели // Новое время. 1902. 20 окт.
- Меньшиков М.О.* Сырые мысли // Там же. 1914. 9 марта.
- Меньшиков М.О.* Титан и пигмеи // Там же. 1913. 22 сент.
- Мережковский Д.С.* Было и будет: Дневник, 1910–1914. Пг.: Т-во Сытина. 1915. 360 с.
- Мережковский Д.С.* В тихом омуте. СПб., 1908. 325 с.
- Мережковский Д.С.* Как Розанов пил кровь // Речь. 1913. 20 нояб.
- Мережковский Д.С.* Не мир, но меч: К будущей критике христианства. СПб.: Изд-во Пирожкова, 1908. 208 с.
- Мережковский Д.С.* Письмо в редакцию // Речь. 1914. 26 янв.
- Мережковский Д.С.* Семь смиренных // Там же. 1909. 26 апр.
- Мережковский Д.С.* Чехов и Суворин // Там же. 1914. 22 янв.
- Михайловский Н.К.* Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1905. 431 с.
- Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. СПб.: Изд. Н.Н. Михайловского, 1909. Т. 7, 8.
- Михайловский Н.К.* Последние сочинения. СПб.: Русское богатство, 1905. Т. 2. 395 с.
- Ремизов А.М.* Воистину (Памяти В.В. Розанова к 70-й годовщине со дня рождения) // Версты. 1926. № 1.
- Соловьев В.С.* Конец спора // Вестн. Европы. 1894. № 7.
- Соловьев В.С.* Порфирий Головлев о свободе и вере // Там же. № 2. С. 282–283.
- Соловьев В.С.* Спор о справедливости // Там же. № 4.
- Столыпин А.А.* Апофеоз Розанова // Новое время. 1914. 29 янв.
- Струве П.Б.* Большой писатель с органическим пороком (Несколько слов о В.В. Розанове) // Рус. мысль. 1910. № 11. Отд. 11.
- Чуковский К.М.* Открытие письмо В. Розанову // Речь. 1910. 24 окт.

Литература

- Абрамович Д.И.* Письма русских писателей к А.С. Суворину. Л., 1927. 228 с.
- Абрамович Н.Я.* «Новое время» и «соблазненные младенцы» (Б-ка обществ. и лит. фельетонов). Пг.: Pamфлет, 1916. 48 с.
- Адамович Г.В.* О книгах и авторах. Заметки из литературного дневника. Париж, 1967. 375 с.
- Басинский П.* Адъютанты их превосходительств: Новейшая литература в контексте Розанова и Набокова // Лит. газ. 1993. 15 дек.

Библиография

- Бахтин М.М.* Работы 20-х годов. Киев, 1994.
- Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006. 384 с.
- Белый А.* Начало века. М.: Худож. лит., 1990. 686 с.
- Бенуа А.Н.* Мои воспоминания: В 5 кн. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1993. Кн. 2. 711 с.
- Бердяев Н.А.* «О вечно-бабьем» в русской душе // Бердяев Н.А. Философия творчества, культура и искусство: В 2 т. М.: Искусство, 1994. С. 290–301.
- Бердяев Н.А.* Христос и мир (Ответ В.В. Розанову) // Там же. С. 274–290.
- Берлин П.А.* Русские мыслители и евреи // Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. № 70. С. 256–270.
- Бибихин В.* Голос Розанова // Бибихин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 129–147.
- Блажнова Т.* «В жизни я не делал выбора...» (К выходу книги А. Николюкина «Голгофа Василия Розанова») // Книжное обозрение. 1998. 16 июня.
- Блок А.А.* Литературные итоги. 1907 // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1962. Т. 5. С. 209–233.
- Болдырев Н.* Семя Озириса, или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк. Челябинск: Урал Л.Т.Д., 2001. 477 с.
- Бочаров С., Сукач В.* Неизвестный Розанов // Опыты. Москва. 1990. С. 348–350.
- Булгаков С.Н.* Неопубликованные письма к В.В. Розанову (предисловие к публикации М.А. Колерова) // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 121–122.
- Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. Кн. 2: 1901–1904. М.: Модест Колеров, 2019. 608 с.
- Волжский (Глинка А.С.).* Из мира литературных исканий. СПб., 1906. 159 с.
- Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова 1911–1916. СПб.: ООО «Изд-во «Росток», 2015. 447 с.
- Газданов Г.* Миф о Розанове // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Эллиас Лак, 2009.
- Галковский Д.* Феномен Розанова // Социум. 1991. № 2. С. 94–102.
- Гачев Г.* Три мыслителя: Леонтьев, Розанов, Пришвин (Главы из «Русской думы») // Моск. вестн. 1990. № 8. С. 62–66.
- Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. 157 с.
- Гиппиус З.* Дневники: В 2 т. М.: Интелвак, 1999.

Библиография

- Гиттиус З.Н.* Живые лица. Мюнхен, 1971. 256 с.
- Глинский Б.Б.* Новое время. Исторический очерк (1876–1896). Пг., 1916. 215 с.
- Голлербах Э.Ф.* Завет Розанова // Жизнь искусства. 1919. 21 мая. № 142.
- Голлербах Э.Ф.* О двуликом // Вестн. лит. 1919. № 8.
- Голлербах Э.Ф.* Памяти Розанова (1856–1919) // Жизнь искусства. 1919. 27 марта. № 105.
- Голлербах Э.Ф.* Вл. Соловьев и Розанов // Стрелец. Пг., 1922. № 3.
- Голлербах Э.Ф.* Горький и Розанов // Красная газ. 1922. № 278. 14 окт.
- Голлербах Э.Ф.* История одной полемики (Вл. Соловьев – Розанов) // Спохохи. Берлин, 1922. № 13.
- Голлербах Э.Ф.* Розанов. Жизнь и творчество. М., 1991. 126 с.
- Голубкова А.* Литературная критика В.В. Розанова: опыт системного анализа. Кострома: КГУ им. Некрасова, 2013. 432 с.
- Горький А.М.* Письма к Розанову // Контекст. Лит.-теорет. исслед. М., 1978.
- Грифцов Б.А.* Три мыслителя (Мережковский. Шестов. Розанов). М., 1911. 189 с.
- Гроссман Л.П.* Путь Достоевского. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1924. 236 с.
- Гроссман Л.П.* Исповедь одного еврея. М.: Демонт, 1999. 190 с.
- Грякалов А.А.* Василий Розанов. СПб.: Наука, 2017. 287 с.
- Губер П.К.* Силуэт Розанова // Летопись Дома литераторов. 1922. № 8–9.
- Дурылин С.Н.* В своем углу. М., 2006.
- Евгеньев А.О.* О Меньшикове и Розанове // Вестн. лит. 1919. № 6.
- Едошина И.А.* Василий Розанов как мифологема русской культуры XX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: «Филология». М.: МГУ, 2006. № 4. С. 73–82.
- Едошина И.А.* Русская литература в восприятии В.В. Розанова: историко-культурный аспект // Энтелехия. Кострома, 2011. Т. 17. С. 5–26.
- Едошина И.А.* Мотивы и лейтмотивы «Апокалипсиса нашего времени» // Там же. 2018. № 2 (58). С. 69–82.
- Едошина И.А.* «Концы» и «начала»: философия бытия Василия Розанова (к 100-летию со дня смерти) // Соловьев. исслед. 2019. Вып. 2 (62). С. 97–112.
- Ермичев А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 327 с.
- Есин Б.И.* Путешествие в прошлое: Газетный мир XIX века. М.: Моск. ун-т, 1983. 159 с.
- Ерофеев В.* В лабиринте проклятых вопросов. М.: Сов. писатель, 1990. 447 с.

Библиография

- Ерофеев В.* Разноцветная мозаика розановской мысли // Розанов В. Несовместимые контрасты жития. М.: Искусство, 1990. 605 с.
- Ерофеев В.* Оставьте мою душу в покое. Почти все. М., 1997. 407 с.
- Зобнин Ю.* Мережковский. М.: Молодая гвардия, 2008.
- Иванова Е.* Об исключении В. Розанова из Религиозно-философского общества // Наш современник. 1990. № 10. С. 104–122.
- Иваск Ю.П.* [Вступ. ст.] // Розанов В.В. Избранное. Нью-Йорк, 1956. С. 7–59.
- Иваск Ю.П.* Розанов и о. Павел Флоренский // Вестн. РСХД. Париж, 1956. № 42. С. 22–26.
- Измайлов А.А.* Закат ересиарха // Творчество. Харьков. 1919. № 5–6.
- Измайлов А.А.* Переписка с современниками. СПб.: Пушкинский Дом, 2017.
- Ильин В.Н.* Стилизация и стиль. 2. Ремизов и Розанов // Возрождение (Париж). 1964. Март. № 147.
- Казакова Н.Ю.* Философия игры. В.В. Розанов — Журналист и литературный критик: По материалам газеты А.С. Суворина «Новое время». М.: Флинта–Наука, 2001. 176 с.
- Кацис Л.Ф.* Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2004.
- Кацис Л.Ф.* Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2006.
- Курганов Е., Мондри Г.* Розанов и евреи. СПб.: Академ. проект, 2000. 271 с.
- Курдюмов М.* О Розанове. Париж, 1928. 379 с.
- Латынина А.* «Во мне происходит разложение литературы...» (В.В. Розанов и его место в литературной борьбе эпохи) // Вопр. лит. 1975. № 2. С. 169–206.
- Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М.: Индрик, 2006. 544 с.
- Ломоносов А.В.* О литературном терроре (по материалам черновики и неизданных статей В.В. Розанова) // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16. С. 62–71.
- Ломоносов А.В.* В.В. Розанов: ближние и дальние. Переписка В.В. Розанова: исслед. и материалы. М.: Пашков Дом, 2021. 488 с.
- Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 719 с.
- Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 629 с.
- Лутохин Д.* Воспоминания о Розанове // Вестн. лит. 1921. № 4–5. С. 5–7.

Библиография

- Махлин В.Л.* «Читайте Розанова», или На месте происшествия // Махлин В.Л. Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. С. 397–439.
- Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 725 с.
- Налетин А.* «Разноцветная душа Василия Розанова» // Лит. учеба. 1988. № 1. С. 113–118.
- Налетин А.Л., Померанская Т.В.* Розанов@etc.ru. М.: Центр. издат. дом, 2011. 479 с.
- Николюкин А.Н.* Розанов и его мировоззрение // Розанов В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. С. 5–20.
- Николюкин А.Н.* Газетные публикации Розанова о литературе, искусстве, и философии // Росс. литературовед. журн. 1994. № 5. С. 252–257.
- Николюкин А.Н.* Голгофа Василия Розанова. М.: Рус. путь, 1998. 428 с.
- Николюкин А.* Розанов. М.: Молодая гвардия, 2018. 528 с.
- Обольянинов В.В.* В. Розанов – преподаватель в Бельской прогимназии (письмо в редакцию) // Нов. журн. Нью-Йорк, 1963. № 71. С. 267–269.
- От Пушкина до Лейкина. Путь русской классической литературы в интерпретации В.В. Розанова // Русская словесность. 1994. № 3.
- Палиевский П.В.* Василий Васильевич Розанов // Лит. газ. 1989. 28 июня. № 26.
- Палиевский П.В.* Розанов и Флоренский // Флоренский П.А. Pro et contra. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1996. 750 с.
- Перцов П.П.* Литературные воспоминания 1890–1902. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 496 с.
- Подоксенов А.М.* Василий Розанов в жизни, мировоззрении и творчестве Михаила Пришвина // Вопр. лит. 2016. № 6. С. 189–230.
- Померанская Т.* «Всего лишь неполный год» // Лит. учеба. 1989. № 6. С. 125–127.
- Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге: История в материалах и документах. 1907–1917: В 3 т. М.: Рус. путь, 2009.
- Ремизов А.М.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. 157 с.
- Ремизов А.М.* Кукха. Розановы письма. Париж, 1978. 312 с.
- Розанов Василий: Pro et contra: В 2 т. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1995. 690 с.
- Розанов В.В. – Горькому А.М. Письма / Публ. И. Бочаровой // Вопр. литературы. 1989. № 10. С. 149–170.
- Розанов В.* Избранное. Мюнхен: Найманис, 1970.
- Розанов В.В.* Несовместимые контрасты жития. М.: Искусство, 1990. 605 с.

Библиография

- Розанов В.В.* О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. 876 с.
- Розанов В.В.* Иная земля, иное небо... М.: Terra, 1994. 541 с.
- Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1994. 547 с.
- Розанов В.В.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: Республика, 1994–2010.
- Розанов В.В.* О понимании. М.: Terra, 1996. 871 с.
- Розанов В.* От Достоевского до Бердяева: размышления о судьбах России. М.: Алгоритм, 2017.
- Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008.
- Руднев П.А.* Театральные взгляды Василия Розанова. М., 2003.
- Сарычев В.Я.* В.В. Розанов: логика творческого становления (1880–1890-е годы). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 320 с.
- Синявский А.Д.* «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. М.: Захаров, 1999. 317 с.
- Снеессареv Н.* Мираж «Нового времени». Почти роман. Пг., 1914. 275 с.
- Соловьев В.В.* Литературная критика. М.: Сов. писатель, 1989. 426 с.
- Соловьев В.В.* Собрание сочинений: В 2 т. М.: Мысль, 1990. 810 с.
- Спасовский М.М.* Розанов в последние годы своей жизни. Среди неопубликованных писем и рукописей. Нью-Йорк, 1968. 148 с.
- Сукач В.Г.* Загадка жизни Розанова // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 7–30.
- Сукач В.Г.* Жизнь Василия Васильевича Розанова как она есть // Москва. 1991. № 10. С. 136–176, № 11. С. 141–153; 1992. № 1. С. 108–131, № 2/4. С. 120–128, № 7/8. С. 121–141.
- Сукач В.Г.* На последнем изломе: В. Розанов в записках дочери // Лит. газ. 1999. 11 февр. С. 12.
- Сукач В.Г.* Василий Васильевич Розанов: Биографический очерк. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. 224 с.
- Тесля А.А.* Между концом и обновлением: «революция» и «апокалипсис» Розанова // Вопр. национализма. 2017. № 30. С. 134–145.
- Тесля А.А.* Розанов и Бердяев: в полемике и перекличке тем // Тетради по консерватизму. 2018. № 2. С. 64–72.
- Тесля А.А.* Частный мыслитель // Розанов В.В. В темных религиозных лучах: Купол храма. М.: Рипол-Классик, 2018. С. I–XVIII.
- Тесля А.А.* «Истинно русские люди»: История русского национализма. М.: Рипол-классик; Панглосс, 2019. 319 с.
- Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М.: Политиздат, 1990. 399 с.
- Турбин В.* Розанов // Смена. 1990. № 11. С. 129–145.
- Фатеев В.А.* В.В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991. 366 с.
- Фатеев В.А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: изд-во «Пушкинский дом», 2013. 1056 с.

Библиография

- Фатеев В.А.* «Апокалипсис нашего времени» 100 лет спустя // Соловьев. исслед. 2018. № 2 (58). С. 59–69.
- Флоренский П.А.* Письмо к Лутохину. 5–6 декабря 1918 // Лит. учеба. 1990. № 1. С. 83.
- Хейзинга Й.* Homo Ludens. Человек играющий. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 352 с.
- Ховин В.* Розанов умер // Книжный угол. 1919. № 6.
- Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник. М.: Сов. писатель, 1991. 683 с.
- Шилкина И.С.* К проблеме нравственной теодицеи в «Апокалипсисе нашего времени» // Энтелехия. Вестн. КГУ им. Н.А. Некрасова. Сер. «Культурология». Кострома, 2003. № 7. С. 35–40.
- Шкловский В.Б.* Сюжет как развитие стиля. Пг.: Опыз, 1921. 55 с.
- Шперк Ф.* «Как печально, что во мне так много ненависти...»: Статьи, очерки, письма. СПб.: Алетейя, 2010.
- Эйдельштейн М.* Розанов, Флоренский и христианские младенцы // Ле-хаим. 2008. № 4 (192). С. 49–53.
- Эйдельштейн М.* «Юдаизм» Василия Розанова: между гомосексуализмом и онанизмом // Значение – смысл – символ: теология, философия и эстетика на рубеже веков: Материалы Междунар. науч. конф. 28–30 окт. 2016 г. Кинерет, Израиль. М.: РГГУ, 2016. С. 33–37.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эти пять писем В.В. Розанова, посланных им в октябре–ноябре 1918 г. С.П. Каблукову, находятся в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета США. Они были включены в статью Н.В. Королевой «Воспоминания о сегодняшнем дне (Неопубликованные письма Василия Розанова)» и изданы в журнале «СЛОВО/WORD» (N. Y.) в 1995 г. в номере 17–18, на страницах 205–214. Автор искренно благодарит Н.В. Королеву за статью. Но, к сожалению, в данной публикации нет комментариев к письмам, нет перевода с греческого, латыни и французского, допущены смысловые неточности в прочтении отдельных слов и фраз, перепутаны имена и адреса. Статья опубликована в нью-йоркском журнале, который практически недоступен в России и очень далек от читателя Розанова. Именно поэтому автор решила впервые опубликовать эти письма Розанова в России с подробными комментариями и анализом сложных взаимоотношений Розанова и Каблукова.

Розанов, размышляя о своей фамилии, писал в «Уединенном»: «Ну, так и есть: все булочки “Розановы” и, следовательно, все Розановы – булочки. Что таким дуракам (с такой глупой фамилией) и делать. Хуже моей фамилии только “Каблуков”: это уж совсем позорно»*. Эти безжалостные строки были написаны Розановым в 1912 г., но еще за несколько лет до этого его отношения с Сергеем Платоновичем Каблуковым были совсем иными.

Каблуков Сергей Платонович (1881–1919) был преподавателем математики в реальном училище, музыкальным критиком (знатоком духовной музыки), религиозным и общественным деятелем, а в 1909–1913 гг. – секретарем Религиозно-философского общества. Вел дневник, который стал уникальным документом эпохи, свидетелем которой он был: описывал встречи, впечатле-

* *Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 54.*

ния, записывал разговоры с современниками, комментировал события, клеивал статьи, объявления, афиши, конверты с письмами. Дневник является хронологией одного из самых интересных периодов в развитии русской культуры и философской мысли*.

В круг близких знакомых С.П. Каблукова входили композиторы, музыковеды (С.В. Смоленский, А.Н. Римский-Корсаков), поэты и писатели, философы Серебряного века: Вяч. Иванов, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Философов, В.В. Розанов, О.Э. Мандельштам (в ранний период). Мандельштам писал о С.П. Каблукове «в острых взорах византийца огонь духовной красоты».

Знакомство Розанова с Каблуковым происходит в 1908 г. (возможно, они встретились на одном из заседаний), но дружба возникла чуть позже, в 1909 г. Тем летом Розанов с семьей снимал летнюю дачу в Терийоках, неподалеку от него снял дачу и Каблуков. Именно лето и осень 1909 г. можно отнести к периоду их дружбы и наиболее теплых отношений (они часто встречались, ездили в гости к Репину). В результате Каблуков на короткий период стал почти секретарем мыслителя. Он готовил к изданию книги Розанова «Русская церковь» (книга была запрещена цензурой), «Итальянские впечатления» (помогал Розанову договориться с художниками). В дневнике Каблукова есть дубликат трогательной записи, которую оставил Розанов на экземпляре «Итальянских впечатлений»: «Преданному и самоотверженному оруженосцу – но не Санчо Панса – Сергею Платоновичу Каблукову “рыцарь печального образа” В. Розанов»**.

Но уже в 1910 г. начинается постепенное охлаждение в отношениях. Каблуков все больше и больше сближается с кругом Мережковского. Он не поддерживает антихристианских высказываний Розанова, ему становятся близки идеи нового религиозного обновления, а главное, идеологическая позиция Мережковского, которая все больше и больше расходится со взглядами и позицией Розанова. В этот период происходит череда многочисленных скандалов Розанова с либерально настроенной интеллигенцией, сторону которой занимает Каблуков.

* Подробнее об этом см.: *Криволапова Е.М.* «Жизнь факта» в дневнике С.П. Каблукова // *Вестн. МГОУ. Сер. «Русская филология».* 2012. № 4. С. 33–39.

** *Каблуков С.П.* О В.В. Розанове // *Розанов В.В.: Pro et contra.* СПб.: изд-во Рус. христиан. гуманит. ун-та, 1995. С. 203.

В сентябре 1911 г. в Киеве был убит Петр Столыпин, и сразу же (еще до дела Бейлиса) возникло обострение еврейского вопроса (Столыпин был убит сыном еврейского присяжного поверенного Д. Богровым). В газете «Новое время» начинается ряд антисемитских публикаций, отчасти инициированных младшим братом Столыпина Аркадием, сотрудником газеты Суворина «Новое время».

Так, в статье «Разбитый крест», анализируя происхождение Мордко Богрова (его звали Дмитрий), Михаил Меньшиков (в попытке побольнее хлеснуть Мережковского и либералов) почему-то пишет о происхождении Владимира Соловьева: «Но некоторые дети его (особенно знаменитый Владимир) были горячими юдофилами. Не польской ли (то есть отчасти еврейской) кровью матери объяснялось не только юдофильство Владимира Соловьева, но и его чисто сирийская красота в молодости?»*

Розанов поддержал своего коллегу по «Новому времени» и оскорбил память Владимира Соловьева, называя его нерусским, нехристианским философом. Мережковский, пытаясь столкнуть Розанова с редакцией «Нового Времени», писал о нездоровом интересе последнего к микве и талмудическому еврейству.

Именно за ряд этих публикаций Розанова и прежде всего за его оскорбительные выпады против Владимира Соловьева, «за недопустимые выражения», по словам Каблукова, он предложил обсудить вопрос об исключении Розанова из Религиозно-философского общества в ноябре 1911 г., задолго до официального исключения. Сам Розанов назвал выступление Каблукова «крикливой выходкой», а его самого «каким-то Каблучковым или Каблушкиным»**. После этого все их взаимоотношения были прекращены.

Но после революции в 1917 г. Каблуков, наблюдая происходящее, изменил свою точку зрения, к нему пришло понимание того, к чему в конце концов привела революционная демократия: «обанкротилась окончательно», а Керенский оказался Иудушкой и двурушником, погубившим Россию. Каблуков расходится с Мережковскими («Ангел революции» вызывает его возмущение) и обращается к личности и творчеству Розанова. «Кажется, Розанов

* Меньшиков М. Разбитый крест // Новое время. 1911. 10 окт. № 12780. С. 3.

** Цит. по: Криволапова Е.М. «Жизнь факта» в дневнике С.П. Каблукова. С. 35.

бедствует. Мне его от души жалко. И во многом, что высказано им в “Уединенном” и в “Опавших листьях”, сколько верного. Теперь-то это видно»*.

Осенью 1918 г. Каблуков в письме к Розанову признал ошибочность своих взглядов и резкость суждений. И Розанов с радостью ответил ему: «Спасибо, милый Сережа, за приветливое, ласковое письмо, давшее мне столько счастливых минут. Как и всегда, Добро победило Зло, и строки эти победили мои злые выходы в “Уединенном” и “Опавших листьях”, сделанные по злой памяти на заседаниях “Религиозно-философского общества”, где ты тоже нехорошо и грубо напал на меня и обругал меня. Ну, Бог с ними»**.

И снова Розанов обращается к своей мучительной теме восприятия Христа и уже буквально с первого письма объясняет Каблукову причину своего отторжения и осуждения: «Я боюсь, что Христос также “забыл о России” в теперешние ужасные минуты, как всегда и всех забывал в горькие минуты: изменял человеку. И вот это! Измены я ему не могу простить и оставить...»

* Каблуков В.В. Дневник. 23.10.1917 // ОР РНБ. Ф. 322. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 600–601.

** Розанов В.В. – Каблукову С.П. (сент.–окт. 1918) // Бахметьевский архив Колумбийского ун-та. А. 1. S., 2 р.

Приложение

Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive.
Rozanov Vasilii Vasil'evich (Sept.-oct. 1918?)
To Sergei Platonovich Kablukov
a.l.a., 2p (signed with initials; with typed copy;
with note appended by S. Bolan)

Розанов В.В. – Каблукову С.П.

Спасибо, милый Сережа, за приветливое, ласковое письмо, давшее мне несколько счастливых минут. Как и всегда, Добро победило Зло, и строки эти победили злые мои выходки¹ в «Уед.»² и «Оп. л.»³, сделанные по злой памяти за 1 засед. «Рел. ф. общ.», где ты тоже нехорошо и грубо напал на меня и обругал меня. Ну, Бог с ними.

Я боюсь, что Христос также «забыл о России» в теперешние ужасные минуты, как всегда и всех забывал в горькие минуты: изменял человеку. И вот это! Измены я ему не могу простить и оставить. Вообще Христос Благо [3 раза подчеркнуто] не мог бы побудить меня сказать ни одного слова о нем. Сущность души моей кажется есть самая простая – смиренная доброта, «простовато-глуповатая доброта»: и вот кто наступает на нее – делается мне враг. Отсюда, только отсюда вся моя вражда к нему. «Ах, если бы Христос был поглупее». Но он слишком «мудр», и вот это-то меня и возмущает или мне подозрительно.

В. Р.

¹ Розанов лишь один раз в «Уединенном» называет фамилию Каблукова: «Хуже моей фамилии только “Каблуков”: это уж совсем позорно» (*Розанов В.В. Уединенное* // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 54). В «Опавших листьях» он обращается к нему, иносказательно, зло иронизируя над Каблуковым, высмеивая его взгляды и мировоззрение. Подробнее об этом см.: *Криволапова Е.М. «Жизнь факта» в дневнике С.П. Каблукова* // Вестн. МГОУ. Сер. «Рус. филология». 2012. № 4. С. 33–39.

² «Уединенное» (1912) – первая книга прозы В.В. Розанова, которая предложила литературе новый уникальный, художественный жанр, ломающий все стереотипы в восприятии литературы.

³ «Опавшие листья», короб первый (1913), короб второй (1915) – книга прозы Розанова. В.Б. Шкловский, анализируя «Опавшие листья», писал: «Книга Розанова была героической попыткой уйти из литературы, “сказать без слов, без формы” – и книга вышла прекрасной, потому что создала новую литературу, новую форму» (*Шкловский В.* Розанов: Из книги «Сюжет как явление стиля». [Б. м.: Salamandra, 2015. С. 13).

Приложение

Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive.
Rozanov Vasilii Vasil'evich (Sept.-oct. 1918?)
To [S.P. Kablukov]
a.l.a., 2p (with typed copy)

Розанов В.В. – Каблукову С.П.

Еще много хотелось бы Вам написать относительно России – идейного. Обычно считается, что Революция доказала славянофильство¹. Правда, «славянофильство все забыли» и от этого переворот пошел в хулиганщину. Однако самое-то поразительное – «провал русского народа», и революция доказала необходимость скорее известной прививки. Русская душа и суть неблагородны издревле. И скорее оправдан ПЕТР² с его «ничего не поделаешь», «надо эти бороды стричь»³. Больше всего провалился Достоевский с его «народом богоносцем»⁴. Народ оказался действительно вонюч и подл и форменный язычник. Здесь, в Лавре⁵, образа сбрасывают со стен, они – разбиваются, и никто на эти действительно «ИДОЛЫ» не обращает внимания. Степень равнодушия к «вере отцов» до такой степени поразительна, русский оказался до такой степени даже не «вором», а «воришкой», «мелким жуликом» в истории и цивилизации, что – ужас. Он гораздо менее культурен и кровно-чист, гораздо менее аристократ (идея Дм. Серг.)⁶, чем татарин и чем решительно все наши инородцы. «Западничество решительно (“Вечные спутники”⁷) необходимо нам». «В западничестве – благородство, а мы – подлы»⁸.

Но кто-же «спасет Россию»? Увы: германская железная форма (и формальность) и благородная мистичность евреев. Россия и народ русский, русская история оказалась действительно «феноменальны» (мелькания) и выступают ноумены истории. Таковы в особенности – еврей, – «святой народ» (в это я верю, этого я хочу), действительно единственный, действительно исключительный. «Святая лавочка жид», «священный гешефт еврея» – это до того обаяет душу, что я действительно счастлив тем, что мне удалось разгадать эти тайны. Еврей есть величайший аристократ в самом демократическом – и в этом суть его исторического пафоса. Еврей выше не только римлян, но он выше и греков, и не выше только египтян. Египтяне и до сих пор решительно царят над историей, оставаясь этнографически уже только. Вот ноумены (истории): ЕГИПТЯне, евреи. Мы – «пустяки» («мертвые души», как гениально сказал, предусмотрел Гоголь!). Теперь только я понимаю СМЫСЛ Гоголя, и что он пролетел как карающий ангел смерти действительно над гиблою землею. Теперь Гоголь мне представляется началом

русского Renaissance'a⁹. «Ноумены»¹⁰ – вот она белая дьяволица»¹¹. Это Петрарка¹² и его «Письма к Лауре»¹³.

Оч. устал. Будьте здоровы. Семья Вам кланяется и благодарит за память. И – мама¹⁴.

В. Розанов

-
- ¹ Славянофильство – религиозно-философское и литературное направление в русской общественно-публицистической мысли. Возникло в 30–40-е годы XIX в. Представители этого течения (славянофилы) выступали за особый, русский, отличный от западноевропейского, путь развития, основанный на самобытности России, уникальном типе ее культуры и конфессии.
 - ² Петр Первый (1672–1725) – император всероссийский. Один из выдающихся государственных деятелей России, проводивший масштабные реформы государственного, общественного и культурного уклада.
 - ³ Преобразовательная деятельность Петра Первого началась с изменения внешних признаков, отличавших старославянский образ жизни от западноевропейского. 29 августа (8 сентября) 1698 г. был принят указ «О ношении немецкого платья, о бритии бород и усов, о хождении раскольникам в указанном для них одеянии», запретивший с 1 (11) сентября ношение бород.
 - ⁴ В романе «Бесы» (1871) Ф.М. Достоевский впервые употребляет это выражение. Шатов говорит: «...знаете ли вы, кто теперь на всей земле единственный народ-“богоносец”, грядущий обновить и спасти мир именем нового бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова...<...> Единый народ-“богоносец” – это русский народ...» (*Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 196, 200*).
 - ⁵ Свято-Троицкая Сергиева лавра находится в Сергиевом Посаде. Основана около 1342 г. Сергием Радонежским. Крупнейший духовный центр русского православия. Спасаясь от революции, войны и наступающего голода, В.В. Розанов с семьей переехал из Петербурга в Сергиев Посад в 1917 г. и жил там до своей смерти в 1919 г.
 - ⁶ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – писатель, поэт, критик, религиозный мыслитель, общественный деятель.
 - ⁷ *Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы.* СПб.: П.П. Перцов, 1897. 552 с. – первое издание.

Приложение

- ⁸ Данная цитата не обнаружена в книге Д.С. Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы». Правда, в очерке «Пушкин» Мережковский размышляет о взглядах Пушкина, близких к западничеству, и противопоставляет им славянофильство Достоевского и Толстого. Скорее всего Розанов дает собственную интерпретацию идей Мережковского, которая необходима мыслителю для текущего исторического момента.
- ⁹ Ренессанс (Renaissance – возрождаться), или эпоха Возрождения, в культуре Европы (XIV–XVI вв.). Время необыкновенного подъема и расцвета в живописи, скульптуре, литературе, науке.
- ¹⁰ Ноумен (*греч.* постигаемое, *нем.* вещь сама по себе) – философский термин, обозначающий объекты умопостигаемые; вещь как таковая, вне зависимости от нашего восприятия.
- ¹¹ В романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи» (1900, «Мир Божий») первая книга называлась «Белая дьяволица». Именно так называли Мону Кассандру – одну из героинь произведения, которая была колдуньей и черно-книжницей, а потом и женой Люцифера. Очевидно, что именно о ней вспоминает Розанов в данном отрывке, продолжая даже в письме Каблукову вести полемику с Мережковским.
- ¹² Петрарка Франческо (1304–1374) – итальянский поэт, выдающийся деятель эпохи Возрождения.
- ¹³ Розанов ошибается, у Петрарки не было писем к Лауре. У него были «Письма к потомкам» (опыт своеобразной биографии, которую Розанов мог читать в переводе М. Гершензона). Лаура де Нов (1308–1348) – платоническая возлюбленная Франческо Петрарки, которой он посвятил «Книгу песен» («Канцоньере»), состоящую из 317 сонетов, 29 канцон, а также баллад, секстин и мадригалов.
- ¹⁴ Розанова (урожденная Руднева, по первому мужу Бутягина) Варвара Дмитриевна (1864–1923) – вторая жена В.В. Розанова.

Дн. Серг.! Прочел мне мнѣ
 сн. и т.д.
 Катя Маша Сергеев, которая
 в чайной Чайной сад - не
 писала, как только получила
 ваше, так и не отговорила
 но увидела в "35 б." офиц. Платон
 отпустил. А сам бы не было
 и не отпустил.
 А я, как только получил,
 как сразу получил. И вот
 Маша решила в 1918 году
 сест. так же в 1918 (3 с.
 и так же и так).
 И так же и так.
 1918 года как же и так же
 - отпустил и так же

Письмо В.В. Розанова С.П. Каблукову (2 ноября 1918 г.).

Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive.
Rozanov Vasilii Vasil'evich (Sept.-oct. 1918?)
To Sergei Platonovich Kablukov
a.l.a., 8p (with typed copy)

Розанов В.В. – Каблукову С.П.

Всякий раз, когда я вижу Ваш почерк, дорогой Сергей Платонович! – и естественно и неодолимо мне припоминается вся «комбинация лиц»¹, к которой Вы принадлежите – меня охватывает горячее, горячее чувство благодарности даже к страшным и грязным дням революции за то личное, что собственно она мне дала. Тут не фразы, тут не пошлость: но старое давнишнее тепло опять приблизилось... Жизнь всегда и вообще мною воспринималась под комбинацию традиции, «привычки», как «было», как «случалось»: в конце концов как «посиделось», как «полежалось», – как походилось (реже) и даже «как поспалось». Никогда решительно я не осудил ее с точки зрения «идей» и даже «справедливости»; и в этом (моем) отношении нет лиц, более мне враждебных и не симпатичных, чем Влад. Соловьев², Чаадаев³, я думаю – Радищев⁴: чем все гг. декабристы⁵. Всех лиц из русской истории я бы «помелом», все это лишь представляется огажением русской истории и того особенного понятия о «Русской правде»⁶, которое в меня вросло, которое со мной срослось. Для меня «Русская правда» есть просто «вчера», какое-то вечное «вчера» и даже «позавчера», «3-его дня». И меня вовсе не интересует «правда» или «истина» этого «3-го дня». В этом отношении я никаких решительно «идей» не признаю, не признаю самых «споров», «выделений». И тут я – жесток, соглашаюсь – невыносим: и мне совершенно понятно, почему на меня возстали⁷ [орфография Розанова] Дима, Митя и Зина (с какой радостью пишу опять эти заветные имена). Для меня «старый завет», еще бы лучше – «Ветхий завет», – и еще бы лучше – Ветшейший – есть ноумен, сердце и Бог. Ничего – нового, ничего – «где моя нога не ходила». Никакие «перестройки» моя душа не допускает: не скалю зубы на «посидеть – бы в другом стуле». И вот это во мне – жестоко, ноуменально, беспощадно. Я прямо – враг, смертельный враг всяких идей и идейности. Я привыкаю просто – к факту, «где лежала моя голова» и «какую шапку она носила», без всякого интереса к фасону и моде. Повторяю – тут я дьявол, но без'интересности к духу и духовному: и вдруг нет (не вижу!!!) старого Сережи⁸, так усталого всегда, с его «зубодернностью» и что «флюс болит» (идейно). Нужно заметить, что самые идеи я допускал, и очень – под условием, чтобы

это были «вчера-идеи», а лучше-бы еще – «3-го дня». Но – *terribile odi et*⁹ – не «сегодня» и особенно не «завтра». «Завтрашний день» для меня подл (вот именно есть это чувство оподления) по самопринципу, духу и всему: и самые идеи «60-х годов»¹⁰ я несколько входил: п. ч. ведь это была «наша Костромская¹¹ и особенно Симбирская гимназия»¹², т. е. тужурочка с «синими петличками», а еще ранее (Кострома) – с «красным воротником». Мальчики нас по улицам дразнили: «красная говядина» (и, кажется, дальше – «телячьи кишки»).

Я вдруг не вижу (и уже никогда не увижу!!) моего Димы с его благородною, нежною улыбкою, с его старой – чашкой – «матерью», ни – Сережи усталого, садящегося за стол с «рисовою кашею» и с корицею и мелким толченым сахаром (раз ел у них за завтраком). Отсюда – принцип «еды» как «встречи» и принцип периодических «ед» и «питий» (чай, кофе, лучше еще – какао) (и последнее превосходное шоколад)... «Пирог» – «по воскресеньям ВСЕГДА»¹³ – это безумие культуры и культурности, “*sub specia*¹⁴ *AETERNITATIS*”¹⁵, именно и не менее как *AETERNITATIS* (!!!). Отсюда «праздники», «празднование», Воскресенье¹⁶ (всегда предпочитал «канун», «субботу», мое вечное «вчера»), «Пасха»¹⁷, и Сочельник¹⁸, Рождество и предРождестве, «Сырная неделя»¹⁹ – масляница. Об’едание быта. И вдруг все мои ноумены «прервались». «Кончены» и «опоганены». Ноумены. Ноумены – ВРЕМЕНИ, ноумены – Вечности. Ужасы, ужасы. Разбита, раздроблена – Вся жизнь. «ничего не надо», «все проклято», «все – ЗАПРЕЩЕНО» (суть – Революции). А я, можно сказать, «обедал еще в Египте». Для меня, наоборот, всей ИСТОРИИ – не надо: не надо – как БЫВАЮЩЕГО, как «преходящего», «пере-ходящего». Вот «ПЕРЕ»-го (ПЕРЕ-хода) я – и не допускаю. Для меня солнце по-истине стоит и не движется. Для меня сливаются ДРЕВНОСТЬ, СЕГОДНЯШНИЙ день и Вечность и я так только могу чувствовать космогонию.

В вдруг, повторяю, все КОНЧЕНО. Есть или отпечталась или угрожает какая-то Вечная ГАЗЕТА²⁰, Вечное Мелькание, Вечный Калейдоскоп, Вечный КИНЕМО(тограф). Вы – понимаете? Нет – понять этого УЖАСА, для меня ЛИЧНО и ПАТЕТИЧНО и невозможно. Мужики и половые в старом русском трактире полезли «в газету», какой-то ВЕЧНЫЙ – Мерзавец – Лакей постоянно «Одергивает скатерть», с блюдами, с пирогами, вечно БЬЕТ Посуду, и этот хаос, гам, звон, «дребезги» и «осколки» они называют «историей» и «призванием России»... и – ИДЕАЛОМ.

А для меня – только ВЕЧНЫЕ СПУТНИКИ²¹ (золотое слово – Д.С.). «Я обедал еще с фараонами, и «пил чай» в Ассири-Вавилонии²². Ничего позднее (вечное – «3-ьего дня»). Сама Русь мне представлялась

уже «новинкою» и с этой точки зрения – «неприличием». Ничего – «после Р.Х.»²³, все – «До Р.Х.»²⁴, – мой принцип, моя суть. Вот эти Кортес²⁵ и Пизарро²⁶ – уже неприличие, Лютер²⁷ – разбойник, «все смутивший и испортивший». С моей точки зрения – хуже : все ИЗГАДИВШИЙ.

Вот: и вдруг предлагают – ВЕЧНУЮ ГАДОСТЬ вместо ВЕЧНЫХ СПУТНИКОВ.

– НЕ ХОЧУ.

– НЕ ХОЧУ.

– Мама! А – не хочу!!! (капризный ребенок). В сущности – ребенок (я), еще грудной, у коего отняли его папу, маму, няньку, грудь и соску.

«Я питался с рожка»²⁸ (всегда) и тут странная невообразимая комбинация моя из «самой глубокой древности» с «Вечным детством» (в то же время я – и ДИТЯ). Есть кажется какой-то Дионис-Загрей²⁹ (еще – Дитя). Вот я и есть Вечный Дионис Загрей всемирной истории. «Колесо судьбы не должно катиться». Оно должно вечно стоять, «к чему-то прислонившись». Вот я и есть то, «к чему прислонилась» всемирная история. Я – ВЕЧНОСТЬ. НЕ-бываемость. Я – отрицание всяких Феноменов («Ни немо») и только – НОУМЕН.

Нашел. Эврика. Ноумен, – не желающий выявляться в феномены. Солнце, которое не светит. Солнце – ДО сотворения мира. В своей – Вечности лежащей у Бога.

Бог для меня и сливается с этою Вечностью. «Чем что Вечно», то это – Бог. «Не изменяем. Действительно, замечательно, что в Боге нет завтра. Бог есть Вечное СЕГОДНЯ, и для него Весь Мир – Один День. Вот странным образом эта Вне-Временность – и моя суть. Дорогой мой, я Вам скажу одну тайну, что действительно по-многому, во многом, особенно вот по этому загадочному совмещению в себе глубокой ВЕТХОСТИ с МЛАДЕНЧЕСТВОМ – я часто чувствую в себе что-то (странно!) БОЖЕСКОЕ. Ну, скажем так и просто, «по язычески», чтобы «не было никому обидно»: я какой-то «аз Лациума³⁰ бог ПАΛΑΙΑΣ³¹ (собственно – «Бог древности», «Древнего начала») – БОГ ОХРАНЕНИЯ Древних ПРИНЦИПОВ. Но такого кажется не было. Но к этому: – я вечный маленький РОСТОЧЕК. Вот это-то и суть: что ДРЕВНЕЙШЕЕ во мне – с зародышевым началом мира (т. е. я «не хочу ЗАВТРА», п. ч. мне слишком хорошо СЕГОДНЯ.

МИР = ВЕЧНОСТЬ – СЕЙ МИГ = суть Я.

Зафилософствовался. Голодно.

Не присылайте папирос. Ничего не могу платить. Нищ! Собираю окурки, чтобы вытряхнуть на 100 окурков – 1 «крючек»³² – собираю по шпалам, совершенно открыто. Нужда – неопишима. Жадность к еде – неутолима. «Творог съел бы со всего света». «Всех бы коров съел (Едим

Приложение

редко-редко, как роскошь, конину). Вчера ели «голубцы» из «кобыльево вымени» и это была уже роскошь. Женя моя «сладко кушает», уже «закусывая кофе» (молотая на кофейной мельнице рожь) – без молока и хлеба – морковью сырою. Только «пар идей» – напирает как ничто. Апок.³³ уже кончен. Я думал-бы: около 100 выпусков.

Любящий В. Роз.

Перешлите поклон Мите, Зине, Диме. Скажите, что я всех их горячо люблю. Какая чепуха, что Д.С. «холодный писатель»³⁴: а его Вечная забота о России.

Все письмо я написал, не выкурив ни одной папиросы. НЕТ, ужасы!!! И лягу спать – не покурив.

¹ С.П. Каблуков был близок кругу Д.С. Мережковского (З.Н. Гиппиус [1869–1945], Д.В. Философов [1872–1940]).

² Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – религиозный философ, поэт, публицист, литературный критик. Оказал большое влияние на развитие философской мысли в начале XX в. и на культуру Серебряного века.

³ Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – мыслитель и публицист. За публикацию первого «Философического письма» в журнале «Телескоп» (1836) был объявлен сумасшедшим и находился под наблюдением врача и полиции.

⁴ Радищев Александр Николаевич (1749–1802) – писатель, мыслитель, поэт. Стал известен благодаря изданию своего произведения «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790).

⁵ Восстание декабристов (14 декабря 1825 г.) – попытка государственного переворота, организованная группой дворян, большинство из которых были офицерами гвардии. Целью восстания являлось изменение политического строя и порядков в стране, отмена крепостного права.

⁶ «Русская правда» – древнейший русский правовой кодекс. Сохранял свое значение до XV–XVI вв. Содержал нормы уголовного, семейного, процессуального, наследственного, обязательственного права.

⁷ Начиная с 1907 г. В.В. Розанов ярко полемизировал с Д.С. Мережковским по многим вопросам.

⁸ В.В. Розанов говорит о С.П. Каблукове.

⁹ *Terribile odi etu (лат.)* – Ужасно ненавижу это.

-
- ¹⁰ В статье «Почему мы отказываемся от наследства 60-х годов?» (Московские ведомости. 1891. 14 июля. № 192) Розанов выразил свои негативные взгляды на идеи народничества и на эту эпоху. Именно с данной статьи началась его полемика по этому вопросу с Н.К. Михайловским.
- ¹¹ Розанов учился в Костромской гимназии (1868–1870).
- ¹² Розанов учился в Симбирской гимназии (1870–1872).
- ¹³ На собраниях у Розанова по воскресеньям всегда вкусно угощали гостей. Об этом вспоминают многие из посетителей (Н.А. Бердяев, З.Н. Гиппиус, А. Белый и другие). «У Розанова почти не читали своих литературных произведений; но обильно закусывали; долго засиживались за чайным столом; разговаривали, – говорил по большей части хозяин...» (*Пяст Вл.* Встречи. М.: НЛЮ, 1997. С. 83).
- ¹⁴ *Sub specia (лат.)* – в особенности.
- ¹⁵ *Aeternitatis (лат.)* – вечность.
- ¹⁶ Воскресенье – согласно христианской традиции начинается в субботу вечером и заканчивается через сутки вечером в воскресенье. Воскресенье в православии считается днем радости, церковные каноны запрещают пост, глубокий траур и молитву на коленях.
- ¹⁷ Пасха – Светлое Христово Воскресение – самый важный христианский праздник, установленный в честь Воскресения Иисуса Христа. Является главным событием всей библейской истории, основой христианского учения.
- ¹⁸ Сочельник (Рождественский сочельник) – канун праздника Рождества Христова.
- ¹⁹ Сырная неделя (сырная седмица, масленица) – последняя неделя перед Великим постом. Разрешено есть молочные, рыбные продукты, печь блины.
- ²⁰ Розанов, проработав в газете почти 20 лет, относился к ней всегда плохо: «Газеты, я думаю, так же пройдут, как и “вечные войны Средних веков”...» (*Розанов В.В.* Уединенное. С. 39).
- ²¹ Аллюзия на название книги Д.С. Мережковского.
- ²² Ассиро-Вавилония – историческая область в Месопотамии, возникшая в IV тысячелетии до н. э. Подробнее см.: Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». Т. 4. 11-е стереотип. изд., до 33-го тома под ред. проф. Ю.С. Гамбурова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. М.: Рус. библиогр. ин-т «Гранат», 1924.

Приложение

- ²³ После Р.Х. (после Рождества Христова) – историческая эпоха, соответствующая новой христианской эре.
- ²⁴ До Р.Х. (до Рождества Христова) – историческая эпоха от Сотворения мира до Рождества Христова. Именно это эпоха Древнего мира (до христианства) особенно важна для Розанова.
- ²⁵ Фернандо Кортес (1485–1547) – испанский завоеватель, покоривший Мексику и уничтоживший цивилизацию ацтеков.
- ²⁶ Франциско Писарро (1476–1541) – испанский завоеватель, покоритель империи инков.
- ²⁷ Мартин Лютер (1483–1546) – христианский богослов, деятель Реформации, переводчик Библии на немецкий язык.
- ²⁸ Стекланные рожки использовались для кормления младенцев в XIX – начале XX в.
- ²⁹ Дионис Загрей – в дренегреческой мифологии бог мистерий, отождествлявшихся с Дионисом, так называемый первый Дионис. Сын Зевса и Персефоны, умерщвленный Титанами в отрочестве и возродившийся в новом Дионисе. Подробнее см.: *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 164–187.
- ³⁰ Лациум (Лаций, *лат.* Latium) – древняя область в античной Италии, прародина современных романских языков.
- ³¹ ΠΑΛΑΙΑΣ (*греч.*) – старый.
- ³² Самодельная папироса – самокрутка.
- ³³ «Апокалипсис нашего времени» – последняя книга В. Розанова, издавалась с 1917 по 1918 г.
- ³⁴ Отношения В.В. Розанова с Д.С. Мережковским, начавшись с дружбы в начале XX в., закончились большой ссорой и полным разрывом в 1914 г. Розанов полемизировал с ним и писал о нем много нелицеприятного в тот период, Мережковский отвечал тем же. Идея, что Мережковский – «холодный писатель», не русский европеец, не любящий и не понимающий России, являлась одной из ключевых в статьях и книгах Розанова. «Он вечно говорит о России и о Христе. Две темы. И странным образом ни Христа, ни России в его сочинениях нет. Как будто он никогда не был в России...» (*Розанов В.В.* Мимолетное. М.: Республика, 1994. С. 49).

Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive.

Rozanov Vasilii Vasil'evich (1918?)

To Sergei Platonovich Kablukov

a.l.s., 4p (with envelope and typed copy:

with notes appended by S. Kablukov & S. Bolan)

На конверте: письмо отправлено 31 октября 18 г.

Получено мною 4/XI 18. С. К.

Розанов В.В. – Каблукову С.П.
(Сергиев Посад, 31 октября 1918 г.)

«О вшах, о тайнах, о глубинах,
О Вседержителе, и о сахарине».

Спасибо, милый Сережа, за сахарин. Мы уже развели в бутылочку и сегодня попробовали. Чайная ложечка на стакан кофе и сладко как с сахаром. Что делать: приходится побираться, и я не хочу «с гордостью», а как убогий – с ласкою и благодарностью. Но ты сам «еле-еле» и потому кроме папиросок больше ничего не посылай. Я собираю окурки мокрые из-под дождя: из ста окурков выходит папироска, коей затягиваюсь до содрогания, как только случалось гимназистом VI–VII–VIII классов в большую перемену в Нижегородской гимназии. И держу долго дым в легких, чтобы «под самые верхушки легких подошло», «откуда чихотка зарождается» (в 62 года ее не боятся) (да ведь и не долго жить, года 4, чтобы «кончить труды» («Из вост. мотивов»¹, «Апокал.» и издать томов еще 8 «Оп. л.» и «Последних листьев»²) (труды уже все дописаны и только бы напечатать): и так я вдыхаю дым, чтобы уже выпустить один пар из груди) это как и в нижнем – до огорчения, слезы в глазах и «неясность сознания»; но – «утешает» и я в цинизме апокалиптическом назвал «папироску» моим «Духом-Утешителем». Еще с таким же цинизмом, собрав целую корзину репчатого лука (здесь, vis-a-vis³ с Корсюковкою⁴ «крушился» товарный поезд: вез картошку, патоку, морковь, петрушку) (большевики ничего не дали собрать жителям, и только в последнюю ночь-день, когда в конце октября «хватил мороз» картошку, позволили жителям попользоваться). И так, собрав корзиночку, раздавленного и не раздавленного, я приказал дочери испечь «8 луковок раздавленных»: я знал, что ведь они отделяются «слойками» и одну грязную сняв, под нею нахожу чистейшую, невинную, нахожу как невинную в браке); и шепнув цинично: «на хорошем огороде чудес не меньше, чем в Еван-

гелии». Она же «следующий росток», вся дымится, горячая, сладкая и приятная безумно. И шепнул: «Господи, я бы съел дюжину. Но – нельзя; 2 луковки – рубль» (и в 3-ий раз: дети рубят капусту. Целый день рубили. Я подошел, взял белоснежный лист капусты, хрустнуло под пальцами, так красиво, звонко хрустнуло, с треском: и проговорил с цинизмом: «хорошая капуста стоит Христа».

Теперь и о Вседержителе: Сережа, не ругай никогда жидов. (Ты ругаешься в письмах). Вот что, в той «маленькой магии», которою живешь «домашне», я вот лет 15 уже замечаю, «наблюдаю» (ты знаешь): Люблю наблюдать народные приметы) я вижу отчетливо, осязаемо и вместе неприметно, «только самому видно» и «никому еще это не открыто: едва ты изречешь слово безмолвное, подумаешь, проболтаешься глупо и бессмысленно о них: так «что-то произойдет тебе худое», неудача в корректурах, «статья вдруг не идет», «нет места в номере (знаком) газеты», и – вообще «что-то задерживает», «препятствия», вдруг – «нет удачи», «не ладно». И вот – 15 лет: и эта «крошечная домашняя магия» вдруг мне или лучше не «вдруг», а напротив со страшною постепенностью приоткрыла мне, как несчастному пророку Валааму⁵, что Израилев Бог – один Жив, Суций на небесах: когда все другие и кажется особенно Христос – не живы, мертвы, недействены. Чудо. Но – вижу. И я решил вечно «благословлять Бога Израилева» – в благословенном его дитяти – жидках, жидках. Советую и Вам наблюдать «эту примету» и держаться «Правой стороны дороги», чтобы «не расшибло». Он – в Синае⁶, он – в молниях. Он – в Иове⁷. Он вообще «слишком многозначен».

«Ты есть Бог – творяй чудеса»⁸ это единственно относится к Богу только Израилеву.

Сейчас я вполне убежден, что беспросветная «ругань жидов», стоявшая столбом в Европе – единственная причина несчастий Европы... которая ведь несчастна безумно со своею бессмысленною войной – вообразить, что какие-то 200, едва-ли не 20, евреев овладели всею революцию, с кою бессильны были справиться императоры, патриархи, папы, печать – «что евреи это сделали по своему расположению духа» и «без помощи Божией» – просто глупо. Бог любит евреев («суть завета»), бог любви – дал им полную свободу и «жиды» суть господа Вселенной и Цари земли уже теперь. FINIS⁹ жидках.

О вшах. К числу открытых только мужу подробностей – относится необыкновенная чистоплотность Варвары Дмитриевны. Ее удивительная шея, весь состав кожи поразительно невинный, как ясные недоумевающие глаза, столь в то же время умные, взыскательные (увы – в замужестве – ставшие и недоверчивыми, пытливыми, подозрительными) – все удивительно. Конечно, никаких насекомых у нее никогда и не

водилось: в СПб. «отвернешь кран», воды в билии, горячая и холодная, и все смыто и омыто. Ванна. Ванна и здесь есть¹⁰: но стала из крана вода не проходить, что-то забилося «стеклом» еще, вода начала сочиться под пол, и когда батюшка вскрыл пол, то показалась мокрая земля с гниющей землей, какое-то «подпольное болото». В баню Варя полу-парализованная с 1911-го года съездить не в силах: и вот «щелк», «щелк», «щелк» на деревянном табурете это она при свете «фитюльки»¹¹ с гарным маслом¹² рассцелкивает крупнейших вшей с тела и из сорочки. Вы знаете общность церковного предания: все еретики, начиная с Ария¹³, как равно и Ирод¹⁴ треклятый, были «поедены вшами». Они, как я вижу и у себя в бане – жирные, толстые, мясистые, гнусно-серого, подлого какого-то цвета. Ну, я – Арий? Но она и Иов, строжайше православная.

Сегодня (при сахарине уже, у нее хрустит что-то во рту), Варя, ведь сахарин-же есть, ведь это именно тебе прислал Сергей Платон! Она: без сахара я обойтись могу: но с утра я не могу работать не наевшись, и морковь и вот сейчас закусываю кожей капусты кочанную, т. к. хлеба нет, и я голодна.

Голод у нас развивался хронически: сперва было только почему-то так приятно, когда Эльза, эстонка лет 26–27, показавшись при входе в мой кабинет, минута в минуту в час дня, произносила своим приятно-тягучим негромким голосом: «Кушать, пожалуйста». Это было в сентябре–октябре 1917 г. Через месяц и Эльза и Маня (Эльза горничная, Маня – кухарка, Эльза влюбленная в Маню, Маня – хитрая, умная, плутоватая, дерзкая, замужем), были уже отпущены, и к плите стала Надя¹⁵ – «пучок». Эльзу и Маню, по их принуждению («с угрозой пожаловаться рабочей организации») мы отправили в Спб., и еще надбавив под угрозой той же угрозы – «по 20 р. на съестное и на извозчиков для багажа». Ну, и я долго не замечал, что это уже голод. Голод-же уже пришел. Все плещется в желудке, кофе, чай, суп. Ничего твердого, ничего по-настоящему сытного. В прошлом году ели «с обедением» виногрет – и свеклы, картофеля, лука. Изредка даже «на треть» – редька. Ели реже – раза по 2 в месяц, волшебный творог.

Большевики, в годовщину «октябрьской победы»¹⁶, устроили в одном только Посаде, обед: подписная цена 5 (пять) рублей: из меню 5 блюдов, куда входят солянка из осетрины, горячая телятина, суп, сладкий пирог. Цена «натуры»: яблоко 1–1 р. 50 к., «порция осетрины – 7 р., селедка (по величине) – 5, 6 и 7 р.; бутерброд из телятины холодной 6 р. Обед minimum стоил 75 р. Конечно, большая часть взята из «реквизированных» и «национализированных» магазинов. Мне очень хотелось хоть один раз за год «поесть», и я жалел, что «запоздал подписаться на обед»¹⁷. Оказалось – и нельзя было: подписаться «в виду тесноты помещения» в

старой Лаврской гостинице могли только «служащие» в их «совдепах» и «проклятых комиссариатах». Так вот куда деваются «вытребованные» с одной Москвы два миллиарда реквизиции «на нужды государственной обороны». Ну, не пугачевщина-ли, не пирушка-ли Пугачева¹⁸, описанная Пушкиным.

В. Розанов

-
- ¹ Книга Розанова «Из восточных мотивов» не была опубликована целиком при его жизни. Были изданы только первый и второй выпуски в 1916 г., третий – в 1917 г. в Петрограде, в издательстве «Сириус».
 - ² Книги Розанова «Последние листья» 1916–1917 гг. продолжают исповедальный жанр, начатый им в «Уединенном». При жизни мыслителя не были опубликованы. Впервые был напечатан фрагмент в журнале «Наше наследие» в 1998 г., № 45, затем в собрании сочинений Розанова: *Розанов В.В. Последние листья*. М.: Республика, 2000.
 - ³ Vis-a-vis (*фр.*) – рядом с, напротив.
 - ⁴ Красюковка – район в Сергиевом Посаде. Основатель Красюковки – дворянин, штабс-капитан, участник Русско-турецкой войны (1877–1878) Михаил Николаевич Красюк. Среди старожилов бытует мнение, что земля была подарена ему за хорошую службу императорским повелением. После обустройства своих владений Красюк стал продавать участки земли под жилую застройку. Это было замечательное место – недалеко железнодорожный вокзал, близко Лавра и Черниговский скит. См.: *Шпанькова Т.Н.* Прогулки по родному городу. Сергиев Посад. Красюковка. Сергиев Посад: Триада Импресо, 2007. 120 с.
 - ⁵ Валаам – в Пятикнижии языческий провидец и прорицатель, благословивший народ Израиля и предсказавший приход Мессии.
 - ⁶ Синай – гора на Синайском полуострове в Египте. На ней, согласно Библии, Бог являлся Моисею и дал десять заповедей.
 - ⁷ Иов – библейский пророк, праведник, образец истинной веры и глубокого терпения. Главное лицо Книги Иова в Ветхом Завете.
 - ⁸ Псалтирь, псалом 76, строка 14.
 - ⁹ Finis (*фр.*) – конец, зд. закончено.
 - ¹⁰ Дом номер 1 был арендован Розановым у священника Андрея Беляева (1847–1918, протоиерей, ректор Вифанской духовной академии (1899–1908)). Беляев закончил строить свой дом

в 1914 г., в связи с войной некоторые отделочные работы не были завершены. Это был большой дом, оборудованный по последнему слову техники. В доме имелись водопровод, ванна, теплый туалет. Вода подавалась ручным насосом из колодца в верхний бак. Для ванны она подогревалась в дровяной колонке. На участке стояла рубленая сосновая баня. Был телефон, один из первых в городе. Но все это не пригодилось Розанову и его семье. Большое помещение требовало хороших дров, которых уже нельзя было достать в то время. Система сломалась, вода начала протекать под пол, и уже ничем нельзя было пользоваться, о чем пишет Розанов (*Шпанькова Т.Н.* Прогулки по родному городу...).

- ¹¹ Небольшой стеклянный стаканчик с фитилем для освещения.
- ¹² Гарное масло – всевозможные смеси парафиновых (нефтяных) масел с различными сортами и видами растительных масел с химическими добавками, ароматизаторами и т. п.
- ¹³ Арий – один из еретиков (проповедовал лжеучение вечного божества Христа и Его равенства с Отцом).
- ¹⁴ Ирод – жестокий правитель Иудеи (узнав от волхвов о том, что родился истинный царь Иудейский, и не найдя его, приказал умертвить всех младенцев мужского пола в Вифлееме).
- ¹⁵ Надежда Васильевна Верещагина (Розанова) (1900–1956) – дочь Розанова, художник, иллюстратор. В семье ее ласково называли «пучок» (*Розанов В.В.* Опавшие листья. К. 1-й. С. 268).
- ¹⁶ Первую годовщину Октябрьской революции (7 ноября 1918 г.) большевики отмечали очень торжественно, несмотря на голод и разруху. Уже в октябре был организован Комитет по организации Октябрьских торжеств под руководством Л. Каменева. Были устроены лекции, митинги, шествия, театральные представления, концерты, грандиозный фейерверк на Лобной площади в Москве. К празднику решено было выдать праздничный паек в одинаковом размере всем четырем категориям населения, а также организовать бесплатные обеды для детей (см.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sergiev.ru/news/kak-otmechali-godovshchinu-oktyabrya> (дата обращения 18.10.2020)).
- ¹⁷ Возможно, Розанов несколько преувеличивает содержание меню праздничного обеда. Вряд ли во время такого голода в период Гражданской войны подавали осетрину. Но более достоверную информацию об этом найти не удалось.
- ¹⁸ *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Наука, 1964. Незванный гость. Гл. 8. С. 468.

Приложение

Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive.
Rozanov Vasilii Vasil'evich (Sept.-oct. 1918?)
To Sergei Platonovich Kablukov
a.l.a., 4p (signed with initials;with typed copy)

Розанов В.В. – Каблукову С.П.
(4.11.1918)

Милый Сережа! Конечно я написал Вам сейчас же письмо, как только получил Ваше, так меня обрадовавшее, но жестокие «35 коп.»¹ приостановили отправку. А затем письмо и потерялось.

Ах, как горько живется. Как страшно живется. «вот Вам и революция», которой мы все так долго ждали (я с гимназических лет).

«Николашку»² повесят», «да кажется уже и повесили», – говорил мне с таким привкусом купающийся техник (московское техническое училище). И я подумал застарелую консервативную мыслью, «Жаль, что он предварительно Вас всех мерзавцев не перевешал».

А.И. Карпинский³ сказал мне в Спб.: «Николай II был и есть много лет больной» (особая форма душевного страдания). И вот Гос. Дума⁴ напала на больного и слопала его, как бифштекс за завтраком.

Русская история, я думаю, проклята вообще. Русский народ вообще ничего не стоит. Мы все прокляты. У нас – никакого достоинства. Поддерживают нас единственно жида и немцы. Я за время службы своей наблюдал, что единственные служаки с честью и трудолюбием – немцы.

Русские, гнилой, гниlostный народ. Россия могила.

Прощайте. Тяжело. Страшно. Любите меня (и моих) хотя бы самой маленькой любовью. Любите, п. ч. если не будет еще и любви – мы заживо задохнемся в страхе.

Мите, Зине, Диме, Тане⁵, Натe⁶, Лизе Каргашевой⁷ – привет и любящей поцелуй.

В. Р.

Нет папироски, чтобы утешиться. Раза 3 в Посаде я на ходу (на улице) выпрашивал у «курящих фланирующих» докурить их папироску. И так разольется по душе, по крови утешающая теплота.

Пошлите письмо Сергиев Посад, Моск. губ., Красюковка, Полевая, д. Беляева. До того благодарю Вас за письмо.

Притиска сверху письма:

Дм. Серг.! Перешлите, милый, Сер. Плат. Каблукову

-
-
- ¹ Стоимость марки для почтового конверта.
 - ² Имеется в виду император Николай II.
 - ³ Александр Иванович Карпинский (1872–1920[?]) – практикующий врач, работавший в 1910-е годы в петербургском Психоневрологическом институте, член Русского общества нормальной и патологической психологии. Лечил жену Розанова. Карпинские – известная в России с XVIII в. семья медиков, в том числе и лейб-медиков.
 - ⁴ Государственная дума (1906–1917) – первое в России собрание народных представителей, обладающее законодательными правами. Первый российский парламент.
 - ⁵ Татьяна Николаевна Гиппиус (1877–1957) – художник, младшая сестра З.Н. Гиппиус.
 - ⁶ Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963) – скульптор, младшая сестра З.Н. Гиппиус.
 - ⁷ Карташева Елизавета Петровна (1898–1966) – актриса.

Table of contents

<i>Introduction</i>	7
 <i>Chapter 1</i>	
V.V. Rozanov as a journalist	12
People with a biography – A.S. Suvorin and V.V. Rozanov	12
The “New time” a newspaper of A.S. Suvorin	31
V.V. Rozanov in the “New Time”	36
I.D. Sytin, V.V. Rozanov and the “Russian Word”	51
 <i>Chapter 2</i>	
From a thinker to a polemicist	61
Origins. Slavophiles and A.S. Khomyakov, N.N. Strakhov, K.N. Leontiev	61
The first controversies. N.K. Mikhailovsky, V.S. Soloviev	78
 <i>Chapter 3</i>	
Philosophy of the game. V.V. Rozanov in polemics with his contemporaries	97
“Sworn friends”. V.V. Rozanov, D.S. Merezhkovsky	97
Philosophy of Disagreement. V.V. Rozanov and N.A. Berdyaev	118
Aesthetics versus ethics. V.V. Rozanov in the Beilis case	136
“When the bosses left ...”. Polemic strategies of V.V. Rozanov	143
	239

“There happens strange rapprochements ...” V.V. Rozanov and the Symbolists	147
“Exception” from the rules. V.V. Rozanov and M. Gorky	152
<i>Chapter 4</i>	
V.V. Rozanov and Russian literature of the 19th century	158
Witness of the Apocalypse	199
<i>References</i>	207
APPENDICES	215

Natal'ya Kazakova

“Rozanov was not the double dealer, he was double-faced ...”.
Vasily Rozanov – publicist and polemicist.

The work is the first serious study of the journalistic and publicistic activities of V.V. Rozanov not only in the A.S. Suvorin newspaper “New time”, but also in the I.D. Sytin “Russian Word”, as well as in other publications. The author for the first time turns to the strategies of Rozanov’s journalistic behavior in those publications, the analysis of the marginality of his opinion on the most burning issues, which significantly enriches the ideas about Rozanov, the specifics of his publicistic legacy and about the place, he took not only in the history of Russian journalism at the turn of the century, but also in the era of Silver Age.

For students and university professors, as well as for a wide range of readers interested in Rozanov’s work.

К14 Казакова Н.Ю.
«Розанов не был двуличен, он был двулик...»: Василий
Розанов – публицист и полемист. М.: РГГУ, 2021. 238 с.
ISBN 978-5-7281-3061-1

Данная работа является первым серьезным исследованием журналистской и публицистической деятельности В.В. Розанова не только в газете А.С. Суворина «Новое время», но и в газете И.Д. Сытина «Русское слово», а также в других изданиях. Автор впервые обращается к стратегиям журналистского поведения Розанова в этих изданиях, анализу маргинальности его мнения по самым животрепещущим вопросам, что существенно обогащает представления о Розанове, специфике его публицистического наследия, его месте не только в истории русской журналистики рубежа веков, но и в эпохе Серебряного века.

Для студентов и преподавателей университетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся творчеством Розанова.

УДК 070(09)
ББК 76.003

Научное издание

Казакова Наталья Юрьевна

«Розанов не был двуличен, он был двулик...»

Василий Розанов – публицист и полемист

Редактор

Т.Ю. Журавлева

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 29.12.2021.
Формат $60 \times 90^{1/16}$.
Уч.-изд. л. 13,6. Усл. печ. л. 15,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 1367

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-42-06